

**Негосударственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Университет Российской академии
образования»**

На правах рукописи

Агафонов Иван Сергеевич

ОСАДА НОВГОРОДА В 1170 г. ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

**Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования**

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

**Научный руководитель –
доктор филологических наук Е. Л. Конявская**

Москва – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	2
ГЛАВА I. ПОВЕСТВОВАНИЯ О СОБЫТИЯХ 1170 ГОДА В НОВГОРОДСКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ.....	28
1. Ранние известия об осаде Новгорода 1170 г.....	28
2. Возникновение «легендарной версии».....	42
3. Икона и ее почитание.....	54
4. Компиляции новгородских летописных версий рассказа об осаде Новгорода в 1170 г.....	69
ГЛАВА 2. ОСАДА НОВГОРОДЦА В 1170 ГОДУ ПО «АНТИНОВГОРОДСКОЙ» ВЕРСИИ.....	81
1. Предыстория событий в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях.....	81
2. Рассказ о походе на Новгород 1170 года по «антиновгородской» версии.....	89
3. Развитие «антиновгородской» версии в летописании XV–XVI вв.....	100
ГЛАВА 3. РАЗВИТИЕ РАССКАЗА О НОВГОРОДСКИХ СОБЫТИЯХ 1170 Г. В НЕЛЕТОПИСНЫХ ПАМЯТНИКАХ.....	104
1. Нелетописные памятники Знаменского цикла XV века.....	106
2. Поздние редакции «Сказания о Знамени».....	126
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	136
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	141
ПРИЛОЖЕНИЕ I. Иллюстрации.....	156
ПРИЛОЖЕНИЕ II. «Воспоминание о Знамени» (Текст).....	162

ВВЕДЕНИЕ

События 1170 г. – осада Новгорода войсками, посланными Андреем Боголюбским, которая была непродолжительной и закончилась отступлением осаждавших, – отразились в целом ряде письменных источников, созданных как в скором времени после произошедшего, так и спустя столетия. Интерес к этим событиям, порождавший в течение многих веков новые редакции письменных памятников разного характера, включение соответствующих повествований практически во все летописи, создание иконографии Знаменского чуда, объясняется, в первую очередь, нерядовым характером неудачного похода на Новгород. Новгородцы не просто выдержали осаду, но и заставили значительные силы противника уйти с большими потерями, получив при этом большое количество пленных. Столь исключительный факт породил легенду о чудесной помощи иконы Богородицы Знамение, которую новгородцы вынесли на острог, надеясь на ее заступничество. Весь этот комплекс памятников получил в научной традиции название Знаменского цикла.

Хотя Знаменскому циклу посвящена обширная литература, на сегодняшний день это – один самых запутанных вопросов в отношении происхождения различных версий описания событий, взаимоотношения сохранившихся текстов, истории сложения Знаменского культа, а также восстановления реальной картины происходившего.

Актуальность всестороннего изучения столь популярного сюжета, к которому наши предки обращались вновь и вновь, очевидна. Закономерность проведения всестороннего комплексного монографического исследования памятников Знаменского цикла обуславливается еще и тем, что несмотря на обширную историю изучения вопроса, в последнее время были получены новые данные. Был уточнена датировка считавшейся древнейшей рукописи

со списком Слова о Знамени, выявлены ранние месяцесловы, содержащие упоминание праздника. Важная информация о почитании иконы Знамени накоплена у искусствоведов.

Одна из причин сложности проведения источниковедческого анализа произведений цикла вызвана тем, что между сложением самого первого текста, посвященного сюжету, и последующими по данным сохранившихся источников проходит более ста лет. На сегодняшний день, в числе летописных анналистических источников, повествующих о новгородских событиях 1170 г., мы имеем погодный лаконичный текст Новгородской первой летописи и известия довольно поздних (XV в.) новгородских летописей, содержащих принципиально другое повествование с рядом художественных домысливаний и добавлений из области более поздних реалий новгородской жизни. Таким образом, нет ясной картины динамики сюжета с момента создания рассказа Новгородской первой летописи и до момента появления на страницах летописей нарратива о чудотворении от Знаменской иконы. Это составляет одну из основных источниковедческих проблем Знаменской темы в аспекте летописных источников, не имеющую по сей день однозначного решения.

В связи с этим определяется круг вопросов, на данный момент, не имеющих однозначных ответов или не решенных вовсе:

- генетические отношения текстов новгородских летописей;
- проблема бытования легенды в устной форме и время ее формирования;
- время письменной фиксации легенды о Знаменском чуде и складывания Знаменского культа;
- источники характерных для рассматриваемого сюжета мотивов.

Все эти источниковедческие вопросы и их возможные решения тесно связаны с проблемами изучения исторических событий 1170 года, а также неизбежно соприкасаются с искусствоведческим контекстом изучения

артефактов и, в первую очередь, историей создания и особенностей иконографии самого чудотворного образа.

Особенно остро стоят проблемы определения времени установления празднования новгородской иконе Знамение, причин и даты перенесения празднования со дня битвы – 25 февраля, на число, более чем на полгода отстоящее от него – 27 ноября. Местоположение иконы на момент осады и в последующее время, вплоть до возведения церкви Знамения в середине XIV в., также неизвестно, что затрудняет решение вопроса о причинах выбора образа в качестве палладиума. Это послужило серьезным основанием для сомнений исследователей в том, что Знаменская икона действительно фигурировала в реальных событиях.

Более того, источниковедческие исследования, проводимые ранее, не давали ясной картины хода военных действий. Проблема заключается в том же: повествование Новгородской первой летописи освещает события скупое, а более поздние источники содержат текст уже отразивший, по крайней мере, элементы сюжета легенды, если не вовсе легенду на раннем этапе формирования. В результате мы имеем фрагментарную информацию, дошедшую от раннего времени, и большой пласт данных, внесенных в более позднее время, историческая достоверность которых вызывает сомнения.

Не вполне помогают и неновгородские летописи (Лаврентьевская, Летописец Переяславля Суздальского и Ипатьевская), которые представляют свою интерпретацию происходившего, которую также с трудом можно выстроить в последовательную картину. Тем не менее, версия противоположной стороны дает возможность нивелировать тенденциозность новгородских анналистических источников в выборе и трактовке летописцем фактического материала для его фиксации, что облегчает попытки восстановления хода событий. В частности, важно, что неновгородские летописи содержат ценную информацию о ходе военных столкновений и отсутствующие в новгородском летописании сведения о разграблении Новгородских земель, о бедствиях союзнических войск при отступлении.

«Знаменские» тексты новгородских летописей ранее не подвергались специальному изучению и так же оставляют нерешенные вопросы.

Не меньше проблем обнаруживается в связи с памятниками Знаменской темы, созданными в XV в. и развивавшимися в новых версиях и редакциях вплоть до XVII в. Они также имеют определенную историю изучения, и споры по ряду аспектов делятся с XIX века. Не до конца установлено авторство ряда текстов (нарративных и литургических), нет единого мнения по поводу существования «Допахомиевой» службы Знамению и др. Анализ этих памятников, как правило, сводился к текстологическим и филологическим разысканиям, тем не менее, интересно рассмотреть их с точки зрения отражения в них новых идеологических установок, связанных с политическими реалиями создавшего их столетия.

В целом, до сих пор нет сколько-нибудь полного текстологического исследования, которое объединило бы рассмотрение всего доступного корпуса относительно поздних нарративных текстов Знаменского цикла. Подобные работы существуют лишь в рамках отдельных групп текстов, далеко не все списки привлечены к классификациям. Текст Знаменской службы и Слова Похвального Знамению Пресвятой Богородицы также не привлекались к подробному рассмотрению, а были лишь вкратце охарактеризованы. Наконец, некоторые памятники остаются неизданными.

Вышеозначенные проблемы, требующие своего решения, дают возможность утверждать, что проведение комплексного анализа письменных источников, касающихся похода на Новгород 1170 года, на сегодняшний день представляется **актуальным**. Результаты такого исследования призваны создать объективную основу для прояснения сложных вопросов политической истории этого периода – в первую очередь, взаимоотношений Новгорода с князьями Северо-Восточной и Южной Руси, осмысления исторических фактов летописцами и более поздними книжниками.

Объектом исследования являются памятники письменности так называемого Знаменского цикла XII-XV веков, **предметом** – хронология их

появления, генетические связи текстов, становление почитания иконы Знамения как чудотворной заступницы Новгорода, а также исторический контекст этих феноменов.

Целью настоящей работы является всесторонняя характеристика памятников Знаменского цикла как исторических источников. В соответствии с этой целью определены основные задачи исследования:

- изучение наиболее значимых работ прошлых лет, посвященных комплексу рассматриваемых памятников, обобщение их выводов и результатов,
- выявление всех имеющихся письменных источников, посвященных осаде Новгорода в 1170 году, а также дополнительное изучение источников изобразительных,
- определение и интерпретация особенностей памятников Знаменского цикла,
- определения времени возникновения, формирования и развития их версий и редакций,
- установление генетических связей между текстами,
- источниковедческое исследование памятников и оценка достоверности их информации.

Хронологические рамки исследования – письменные памятники XII-XV веков, более поздние их редакции и версии прослежены обзорно.

Методологические принципы исследования

Работа строится на принципах историзма, системности и объективности. Используется метод комплексного источниковедения, разработанный В. Л. Яниным, предполагающий в данном случае изучение как письменных, так и изобразительных источников, учет археологических данных. Применяется метод текстологического сравнительного анализа летописных текстов, основы которого были заложены А. А. Шахматовым, развиты А. Н. Насоновым, А. А. Гиппиусом и др. исследователями. Также в работе был необходим текстологический метод в изучении нарративных и иных

средневековых памятников словесности в рукописной традиции, в формулирование принципов и системное изложение которого внес большой вклад Д. С. Лихачев.

Историография

Тема новгородских событий 1170 г. и Знаменской легенды имеет значительную историю изучения.

Н. М. Карамзин излагал события 1170 г., характеризуя политику и деятельность Андрея Боголюбского, личность которого для монархически настроенного историка, представляла особый интерес. При этом всецело доверял и следовал летописным текстам: Лаврентьевской и Ипатьевской летописей (последняя была установлена и введена в научный оборот именно Карамзиным), летописей новгородско-софийского круга и др. Из первых двух Н. М. Карамзин приводит описание предшествующих событий и действий Мстислава Андреевича в Новгородской области: «жег села, убивал землевладельцев, брал жен и детей в рабство»¹. Сама битва описана по Новгородской первой летописи и более поздним летописям, восходящим к Новгородско-Софийскому своду. Сюжет легенды о чудесной помощи от иконы вписан им в общую канву повествования о событиях 1170 г., которое он заканчивает выдержкой из Лаврентьевской летописи, приведя сведения о том, что «бегущий Мстислав был наказан за свою лютость; воины его на возвратном пути не находили хлеба в местах, опустошенных ими, умирали с голода, от болезней, и древний Летописец говорит с ужасом, что они тогда, в *Великий пост*, ели *мясо* коней своих»². Комментариев он не приводил, просто компилируя сведения летописных сводов и излагая их. Таким образом, М. Н. Карамзин в почти художественной форме изложил последовательность имевших место событий, не приводя собственных домыслов и не выстраивая теорий. В частности, отмечая, что битва

---

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2003. Кн. первая. С. 319.

² Там же.

произошла 25 февраля, а празднование новгородцы установили 27 ноября, не указывая на имеющееся противоречие.

С. М. Соловьев обращался к рассматриваемому сюжету в работе, посвященной взаимоотношениям новгородцев с князьями³. События 1169 г. (Двинской поход) описан историком с полным доверием к данным новгородских летописцев – относительно количественного состава отрядов и павших воинов. Ход военных действий в 1170 году излагаются с привлечением как новгородской, так и «антиновгородской» версий, в том числе поздних Никоновской летописи и Степенной книги. Он отмечал враждебные высказывания по отношению к Новгороду в Ипатьевской летописи, но объяснил это неприязнью «новых городов к старым, представителем которых был Новгород»⁴. Историю о чудесной помощи иконы С. М. Соловьев не упоминает, концентрируя внимание не на конкретном событии (осаде Новгорода), а в целом на истории противостояния Новгорода и Суздаля, подробно просматривая взаимоотношения князей, принимая во внимание борьбу между Ростиславичами и Мстиславом Изяславичем – киевским князем, а также стремление Андрея Боголюбского получить старшинство среди русских князей. Широко привлечен материал Лаврентьевской и Ипатьевской летописей для выстраивания ряда событий, катализированных Андреем Боголюбским в ходе попытки возвысить свое княжество: упоминаются волнения в Новгороде, частые смены князей по воле веча, союзные отношения Андрея Боголюбского с южнорусскими князьями. Сами события 1170 (1169 у С. М. Соловьева) года – выписаны по тем же Лаврентьевской и Ипатьевской летописям с привлечением материалов других летописей (новгородской версии). Поход Даньслава Лазутинич на Двину представлен поводом к последующей осаде Новгорода. Голод в Новгороде, случившийся

---

³ Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. Историческое исследование. М., 1846. С. 50-51, 114, примеч. 174.

⁴ Там же. С. 114.

после битвы 1170 г., трактуется как последствие разорения, учиненного в новгородских землях войсками Мстислава Андреевича. В работе С. М. Соловьева мы видим широкий исторический фон событий 1170 г. с учетом всего хода конфликта младших Мономашичей, но ориентированный на раннее летописание ученый обошел вниманием легенду о заступничестве Богородицы за Новгород, поэтому наблюдения над текстом в этом аспекте источниковедческого анализа отсутствуют.

Археолог и этнограф Р. Г. Игнатьевым затрагивал рассматриваемые события в своей работе «Краткое историческое описание новгородского Детинца, или крепости». Он высказывал мысль о том, что Андрей Юрьевич стремился «покорить Новгород». По поводу установления празднования иконе Знамение он сделал предположение о тезоименитстве Якуна с Яковым Перским, память которому отмечается 27 ноября⁵. Тезис позднее был поддержан рядом ученых, однако в итоге остался неподтвержденным.

Архимандрит Макарий (Миролюбов) обращался к материалу, связанному с иконой, Спасским и Знаменским соборами. Им собран разнообразный фактический материал, учтены летописные известия различных сводов. Особо ценным представляется свидетельство архимандрита Макария о том, что «под левым глазом чудотворной иконы находится едва заметное повреждение, вероятно, сделанное стрелой, пущенною суздальским воином в то время, когда чудотворная икона была вынесена св. Иоанном на градские забрала»⁶. Другие исследователи иконы этого момента не касались.

В 70-е годы XIX века к данному сюжету обратился Н. И. Костомаров в очерке «Князь Андрей Боголюбский» (в работе «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей»). Им подробно изложена легенда

---

⁵ Игнатьев Р. Г. Краткое историческое описание новгородского Детинца, или крепости // Новгородские губернские ведомости. 1850. Часть неофициальная. С. 14.

⁶ Макарий (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2. С. 59.

позднего вида (упоминание о приятии слез от образа в фелонь архиеп. Иоанна, которое появляется только в «Слове о Знамени»), без значимых комментариев к сюжету⁷. Видимо, вслед за С. М. Соловьевым, Н. И. Костомаров вписывает новгородские события в общий план попытки Андрея Боголюбского доказать свое первенство. Стало быть, по словам ученого, «легенда об избавлении Новгорода имела важное значение на будущие времена, поддерживая нравственную силу Новгорода к борьбе его с суздальскими князьями»⁸.

Архиепископ Сергей (Спасский) обратился к сюжету в связи с праздником Знамению 27 ноября. Ему принадлежит заслуга установления верного года события на основе анализа полной даты Новгородской первой летописи – 25 февраля, на четвертый день после Соборной недели (1170, а не 1169 г., как иногда пишут и до сих пор). Он также утверждал, что день празднования был удален от даты победы новгородцев в связи с тем, что «неудобно праздновать в дни Великого поста и потому что 27 ноября, вероятно, был именинник тогдашний новгородский посадник Якун (Иаков)»⁹.

С серьезным анализом источников, их достоверности и исторической интерпретацией подошел к этому материалу профессор Е. Е. Голубинский. Он отметил, что Андрей Боголюбский «ссорился» с Новгородом из-за конфликта в Двинских землях и из-за принятия враждебного ему князя (Романа Мстиславича). Е. Е. Голубинский счел, что праздник иконе был установлен «спустя значительное время» после событий, так как обратил внимание на то, что при упоминании установления празднования архиепископ новгородский назван Иоанном. Е. Е. Голубинский заметил, что

---

⁷ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. 2010. С. 32-33.

⁸ Там же.

⁹ Сергей (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 3. С. 486-487.

новгородского владыку современники знали исключительно как Илию, а имя «Иоанн» он принял «только перед смертью». В пользу такой датировки праздника им было выдвинуто и дополнительные аргументы: отсутствие данных о празднике в раннем Уставе Новгородского Благовещенского монастыря и ранней Новгородской первой летописи. И наконец, последний его аргумент: новгородцы не могли решиться в это время нанести суздальцам «тяжкую обиду»¹⁰. Это соображение представляет интерес, в первую очередь, при определении причины самого *переноса* памяти события со дня победы. По поводу же переноса даты со времени Великого поста, а также связи ее с тезоименитством Якуна Е. Е. Голубинский высказался скептически.

В начале прошлого века на этом сюжете останавливался сотрудник Санкт-Петербургского археологического института П. Л. Гусев в работе, посвященной иконе Иоанна Новгородского¹¹. Сопоставляя тексты Новгородской первой, Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, в которых отсутствуют следы легенды о чуде от иконы, и более поздних летописей новгородского круга, где сюжет о чудесном избавлении представлен, ученый делает вывод, что «к XIV веку повесть о знамени еще не создалась». Он считал, что предание появляется только в Новгородской четвертой летописи, заключая: «повесть сложилась тогда уже, когда предание не было особенно живо, прошло лет двести»¹². Складывание Знаменской легенды П. Л. Гусев относил ко времени, близкому к построению Знаменской церкви в Новгороде (в 1355 году при архиепископе Моисее). В вопросе об установлении праздника П. Л. Гусев полемизировал с Р. Г. Игнатьевым, неуместно, по мнению П. Л. Гусева, связывавшим установление праздника с «именинами

---

¹⁰ Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1904. Т. I. Вторая половина тома. С. 406-408.

¹¹ Гусев П. Л. Новгородская икона св. Иоанна (Илии) архиепископа в деяниях и чудесах. СПб., 1903..

¹² Там же. С. 23.

посадника» Якуна. Сам П. Л. Гусев высказал интересную идею о том, что икона к моменту осады 1170 года уже была прославлена в Новгороде, которая, впрочем, пока остается неподтвержденной.

В. М. Яблонский, рассматривая творчество Пахомия Логофета¹³ в новгородский период, изучал принадлежащие его перу памятники из Знаменского цикла. Ученый уточнил датировку «Слова похвального Знамению», предложенную В. О. Ключевским (последняя четверть XV века), заметив, что столь большой временной разрыв между созданием «Слова похвального» и «Службы» едва ли возможен. Не согласился В. М. Яблонский с В. О. Ключевским и по поводу трактовки фразы «да посрамятся иконоборцы». По мнению последнего, она свидетельствует о создании текста во время расцвета иконоборческих тенденций в Новгороде¹⁴. В. М. Яблонский напомнил, что Пахомий Логофет прибыл с Афона, где в XIV веке имела место смута, поднятая Варлаамом и Анкидином, известными своей иконоборческой деятельностью. В свете этого, указанная фраза могла и не иметь отношения к новгородской действительности. Исследование В. М. Яблонского, публикации текстов остаются актуальными и по сей день.

Сюжет «Битвы новгородцев с суздальцами»¹⁵ кратко был рассмотрен Д. С. Лихачевым в Академической «Истории русской литературы». Появление литературных памятников, посвященных осаде Новгорода и чудесному заступничеству Богородицы, ученый связывал с деятельностью архиепископа новгородского Евфимия II, известного своими антимосковскими идеями. Сама легенда, по мнению Д. С. Лихачева, сложилась в XIII-XIV вв., письменные ее рефлексy появились только в XV веке, когда «скромный рассказ летописи об отражении в 1169 г. приступа суздальцев» сменился в

---

¹³ Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.

¹⁴ См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 161-164.

¹⁵ Под таким названием памятники Знаменского цикла существовали в советской историографии.

новгородском Своде 1448 г. новым текстом «с особым заголовком “О знамени святей богородици”»¹⁶.

В конце 40-х годов XX века к сюжету об осаде Новгорода 1170 г. обращался А. Фролов в работе «*Le Znamenie de Novgorod: évolution de la légende*». Им была предпринята попытка классификации текстов летописей и анализа связи летописных текстов с поздними нарративами, прослежена динамика сюжета и датированы некоторые рукописи. Однако принципы, положенные в основу классификации ученого, не совсем ясны. В частности, рассказы Лаврентьевской и Ипатьевской летописей он объединял в одну группу с Софийской первой летописью, которая, на самом деле компилирует версии новгородских летописей. В других случаях объединение в редакции производилось по составу известий, без учета генетических связей текстов и хронологии их создания¹⁷. Также, очевидно, принимая во внимание распространение культа за пределы Новгородской земли, что привело к появлению массы списков нелетописного Сказания, исследователь находит в этом причину угасания в анналистических источниках повествования, имевшегося во Владимирском своде, хотя мы читаем именно эту версию в большинстве летописей конца XV – первой половины XVI в. Дату перенесения празднования ученый, вслед за некоторыми своими предшественниками, связывал с тезоименитством Иакова Перского и Якуна, а также стремлением избежать празднования в пост.

В 70-е годы XX века памятники Знаменского цикла подверглись скрупулезному текстологическому исследованию в монографии Л. А. Дмитриева¹⁸. Им была проведена тщательная проработка истории текстов. Он классифицировал литературные памятники, имеющие отношения к этим

---

¹⁶ История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. II. Ч. 1. С. 263.

¹⁷ Frolov A. *Le Znamenie de Novgorod: évolution de la légende* // *Revue des études slaves*. Paris, 1948. Т. 24. Р. 68—70.

¹⁸ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII-XVII вв. Л., 1973

сюжетам, разделив все на два больших корпуса: летописные и нелетописные. Летописные тексты, в свою очередь, он разделил на проновгородские и антиновгородские (в Лаврентьевской, Ипатьевской и в более поздних, заимствовавших из них рассказ). С точки зрения источниковедческого анализа Л. А. Дмитриев также сделал несколько верных выводов и наблюдений: указал на первичность текста Новгородской первой летописи, отметил разноречивость в указаниях численности ратей в различных летописных памятниках (что объяснял влиянием некоего устного предания). Со ссылкой на А. Л. Монгайта ученый верно трактовал количество посланных от Новгорода данщиков как сто от каждого конца. До XIII в. концов было 4, к XIV в. – уже 5. Таким образом, в Новгородская первая летопись говорит о 400 воинах, Летопись Авраамки – о 500¹⁹. Катализатором появления легенды, Л. А. Дмитриев считал события 1340 г., когда к Новгороду подошел князь Симеон Гордый, с объединенными войсками нескольких княжеств. Дело, правда, разрешилось переговорами, но близкая к событиям 1170 г. ситуация, по мнению ученого, могла послужить поводом для появления текста вне летописных сводов. Однако, датировка наиболее ранних списков нелетописных редакций (не ранее 30-х годов XV века) не позволяют согласиться с такой трактовкой. Также ученый произвел доскональный анализ текстологических связей «Слова» и «Воспоминания о Знамени» между собой и с сочинениями, определенно приписываемыми Пахомию Логофету. Им была высказана версия о первичности текста «Слова» относительно «Воспоминания», вероятность участия Пахомия Логофета в появлении последнего и др. Исследователь изучил значительный корпус рукописных списков нарративных памятников, но фонды московских хранилищ изучены им неполно. Текстологический анализ также носит весьма обобщенный характер (сопоставляются типичные тексты редакции, более детально особенности вариантов и списков не представлены).

---

¹⁹ Там же. С. 115.

В 80-е годы этим сюжетом занимался В. Л. Янин. Временем сложения легенды он считает время окончательного оформления Знаменского культа, что ознаменовалось постройкой Знаменской церкви в 1355 г., что, впрочем, тоже не согласуется с современной датировкой ранних списков «Слова». Мотив тьмы, павшей на суздальцев, ученый связывает с лунным затмением: «Такого затмения не было 25 февраля 1170 г., но расчет по астрономическим таблицам обнаруживает лунное затмение 25 февраля 1355 г.». Следовательно, считает В. Л. Янин, легенда не могла сложиться раньше этого времени²⁰. По поводу даты праздника В. Л. Янин заключает, что праздник был установлен в ходе становления Знаменского культа, формирование которого завершилось двумя событиями: постройкой Знаменской церкви и написанием «Слова о Знамени»²¹, которое, как уже говорилось, В. Л. Янин, вслед за Л. А. Дмитриевым, датировал XIV веком²².

В работе 2001 г. В. Л. Янин касался Знаменской темы в ходе рассмотрения причин и следствий новгородской революции 30-х годов XII в., где, апеллируя к датировке досок настила «судебного присутствия» и анализируя летописные тексты, приходит к выводу, что порядок с князьями новгородцы заключали и ранее 1136 г. Касался он и Новгородских земель в Подвинье. По многим позициям, связанным с историей самой иконы, он присоединился к последним выводам А. А. Гиппиуса, И. А. Стерлиговой и Э. А. Гордиенко²³.

Легенду и ее литературные воплощения рассматривал в своей монографии «Древнерусские сказания об иконах Богородицы» А. Эббингхаус. По преимуществу его интересовали поздние формы легенды, а хронология текстов выстраивалась им, исходя из представлений о ранней

---

²⁰ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 355.

²¹ Там же. С. 353-355.

²² Там же. С. 354.

²³ См.: Янин В. Л. У истоков Новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 21.

датировке Сказания²⁴.

Также в основном поздние литературные тексты анализируются в монографии 1995 г. М. Б. Плюхановой, которая трактует развитие почитания иконы как этап становления на Руси идеи Покрова²⁵. Сюжету она находит параллель в чудесном спасении Царьграда от русов, персов и авар 626 г. при заступничестве Влахернской Богоматери. Текстуальные корреляции Сказания с византийскими текстами, посвященными осаде Константинополя 860 года ей не отмечены.

Принципиальным моментом в изучении Знаменского цикла стала передатировка считавшегося древнейшим списка Слова о Знамени, осуществленная А. А. Туриловым, который по сочетанию почерков определил дату рукописи РНБ. Соф. 396 как вторую четверть XV в.²⁶

Древнейший список «Слова», как показано О. В. Лосевой, – в Прологе РНБ. Ф.п.І. 48 – датируется 1431–1434 г.²⁷ (в этом списке утрачен конец текста). Исследовательница продолжала относить создание самого нарративного памятника к середине XIV века, ссылаясь на Л. А. Дмитриева, хотя датировка Л. А. Дмитриева была связана с неверной, как оказалось, датой рукописи из Софийского собрания. О. В. Лосевой осуществлена публикация текста Слова по трем рукописям²⁸. О. В. Лосева также выявила круг самых ранних месяцесловов, содержащих русские праздники, в том числе и указание на празднование Знамению 27 ноября²⁹.

---

²⁴ Ebbinghaus A. Die altrussische Marienikonen Legenden. Berlin, 1990 (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa Institut (Slavisches Seminar) an der freien Universität. Berlin, Bd. 70). S. 74-76.

²⁵ Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995. С. 31-37.

²⁶ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. М., 2002. С. 8, 15. Примеч. 8.

²⁷ Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой четверти XV вв. М., 2009. С. 202.

²⁸ Там же. С. 328-334.

²⁹ Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 110.

Ряд проблем, связанных со Знаменским циклом, затрагивались в работах А. А. Гиппиуса³⁰. Им была предложена гипотеза создания иконы и начала ее почитания. Согласно его теории, икона была написана в Новгороде по заказу боярина с Прусской улицы Петра Михалковича и была подарена кафедральному Софийскому собору в честь свадьбы его дочери Анастасии и князя Мстислава Юрьевича (1156 г.).

В статье Б. Н. Флоры «Новгород и князья в XII в.»³¹ подробно рассмотрены летописные тексты, касающиеся конфликта Новгорода и Андрея Боголюбского, что имеет важное значение для анализа антиновгородской версии повествований о событиях 1170 г.

Этапам формирования Знаменского цикла посвящены две статьи Е. Л. Конявской³², в которых история развития текстов и их версий представлена с учетом передатировки «Слова о Знамени» и современных представлений о хронологии и генезисе летописных памятников XIV-XV веков. В частности, первой фазой формирования легендарного текста (с чудом от иконы Знамение в центре повествования) исследовательницей представлен рассказ, содержащийся в летописях, восходящих к Краткому Новгородскому летописцу. Этот гипотетически восстанавливаемый протограф ряда летописей имеет ярко выраженный «шов», приходящийся на 40-е годы XIV

---

³⁰ Гиппиус А. А. О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 84-85.

³¹ Флоря Б. Н. Новгород и князья в XII в. // Великий Новгород и средневековая Русь. М., 2009. С

³² Конявская Е. Л. Об основных этапах формирования легенды о знаменской иконе // Особенности российского исторического процесса. Сб. статей памяти академика Л. В. Милова. М., 2009. С. 68-86; Конявская Е. Л. Об одном из этапов формирования легенды о Знаменской иконе // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2009. С. 146-151.

века³³. Если этим временем датировать формирование общего протографа (КНЛ), то и текст, содержащий краткий вариант легендарной версии не мог возникнуть позже. Е. Л. Конявской анализировались только новгородские тексты о Знамени, и многие направления текстологического изучения цикла были лишь намечены.

В своей диссертации Т. А. Богатырева³⁴, говоря о рассматриваемых текстах, опиралась на старые построения Л. А. Дмитриева. Исследовательница, считая нелетописное «Сказание» ранним памятником, анализировала именно его. Ею был сделан ряд любопытных наблюдений относительно мотивов движения иконы, ниспадения тьмы и т. п. В целом в диссертации выдвигается идея о том, что в народном сознании существовало «соотнесении/противопоставлении» «владимирской иконе Божией Матери новгородской иконы Знамение, князю Андрею архиепископа Иоанна»³⁵. Однако фактическим обосновывается этой идеи оказывается лишь то, что для заключения мирового соглашения с Суздаlem к Андрею отправляется именно архиепископ Иоанн. А этого явно недостаточно.

В книге В. В. Лепехина о сказаниях о чудотворных иконах³⁶, делается попытка опровергнуть деление памятников на пронновгородские и антиновгородские, обоснованное Л. А. Дмитриевым. При этом летописные памятники рассматриваются в произвольной последовательности, не учитываются их связи на генетическом уровне, не проведено текстологическое сравнение рассказов. Автору остались неизвестны работы А. А. Гиппиуса, Е. Л. Конявской и других его предшественников.

---

³³ Конявская Е. Л. Краткий новгородский летописец и его место в новгородском летописании. С. 51.

³⁴ Богатырева Т. А. Отражение культа Богородицы в древнерусской литературе (жанрово-стилевой аспект). Дисс... канд. филологических наук. М., 2010.

³⁵ Там же. С. 88.

³⁶ Лепехин В. В. Сказания о чудотворных иконах в древнерусской словесности. М., 2012.

Касался этой темы и А. В. Майоров в работе, посвященной внешнеполитическим культурным связям Руси XII-XIII в.³⁷ Им дана краткая характеристика источников, высказаны соображения о роли Знаменского чуда в русской православной культуре. Складывание культа ученому видится как довольно позднее. В частности, он упоминает как этапы становления культа постройку Знаменского собора, обретение мощей Иоанна Новгородского в 1439 г. и канонизацию архиепископа в 1547 г. Так же исследователь говорит о развитии Сказания о Знаменском чуде и в XVII в., отмечая, что самый поздний список такой редакции датируется 1666 г.

Антиновгородская версия сюжета затрагивается в статье молодого белорусского исследователя А. В. Ковалева³⁸, который, как Т. А. Богатырева склонен видеть в формировании культа Знамения своего рода идеологическим ответом Новгорода деятельности Андрея Боголюбского по установлению новых праздников и почитанию местных святынь во Владимиро-Суздальской земле.

Представляют интерес для данной темы и работы искусствоведов, посвященные истории самой новгородской иконы Знамение, иконографии образа, его почитанию, а также иконам, отразившим события 1170 года: «Чудо от иконы Богоматерь Знамение»³⁹.

---

³⁷ Майоров А. В. Русь, Византия и Западная Европа. СПб. 2011. С. 78–84.

³⁸ Ковалев А. В. Военные компании Андрея Боголюбского и их идеологическое оформление в летописании // Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2011. Вып. 3. С. 39-43.

³⁹ См.: Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 229-230; Гордиенко Э. А. Чудо от иконы Знамение // Великий Новгород. История и культура IX–XVIII веков. С. 223; Смирнова Э. С. «Смотря на образ древних живописцев...». Тема почитания икон в искусстве Средневековой Руси. М., 2007. С. 134-144.

Так, в работе Э. С. Смирновой обоснована датировка иконы, прослежены истоки ее иконографии⁴⁰ которая связывается исследовательницей с влахернской традицией. Ею обосновывается мысль о том, что икона сочетала в себе как семантику защиты города, так и воинской реликвии, призванной принести победу в бою, тем самым опровергая тезис о случайном выборе иконы.

Важны для создания иконы и истории ее почитания работы Э. А. Гордиенко⁴¹. Исследовательница, в частности, определила, что в первой половине XIII в. образ был украшен эмалевыми ковчегами с изображениями святых⁴².

Существенные факты приведены также в исследованиях И. А. Стерлиговой⁴³ и Шалиной⁴⁴.

Источники

Круг источников, привлекаемых для исследования в рамках настоящей работы, определен этапами развития памятников, отразивших сюжет.

---

⁴⁰ Смирнова Э. С. Новгородская икона «Богоматерь Знамение»: некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 288-310.

⁴¹ Гордиенко Э. А. Богоматерь Знамение – апостол Петр и мученица Наталья // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 203–205.

⁴² См.: Гордиенко Э. А. Десять эмалевых ковчегов на окладе иконы «Богоматерь Знамение» и их место в художественной культуре Новгорода // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 365-373.

⁴³ Стерлигова И. А. Святые Успения Богоматери в произведениях древнерусского искусства XII–XIV веков // Восточнохристианские реликвии. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 555–556.

⁴⁴ Шалина И. А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. М.: Индрик, 2005. С. 309–310.

Использован ряд ранних летописей. Важнейшим из них является *Новгородская первая летопись* старшего и младшего изводов, которая представляет нам списки погодно ведшейся владычной летописи. Старший извод представлен Синодальным⁴⁵ списком (ГИМ. Синод. собр. № 786). Часть летописи (до 1234 г.) переписана в XIII в. Другая часть Синодального списка датируется второй четвертью XIV в.: она доводит изложение до 30-х г. XIV в. Далее следуют приписки, сделанные разными почерками и доходящие до середины XIV в., эти статьи не совпадают с младшим изводом. Новгородская первая летопись младшего извода продолжается далее — до 40-х г. XV в. Известны два основных списка младшего извода: Академический (БАН. 17.8.36) и Комиссионный (ЛОИИ. Собр. Археогр. ком. № 240)⁴⁶. Комиссионный список датируется второй половиной 40-х годов XV в. Летопись издана А. Н. Насоновым в 1950 году⁴⁷. В Новгородской первой летописи представлено наиболее раннее известие об осаде Новгорода 1170 г. и содержатся сведения о развитии новгородско-суздальского конфликта в целом.

Вариант повествования, уже испытавшего влияние легенды о чудотворении от иконы представлены более поздними летописями, восходящими к гипотетически реконструируемому Краткому Новгородскому

---

⁴⁵ См.: Гиппиус А. А. Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи. Автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1996. Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. // Новгородский исторический сборник. СПб, 1997. Вып. 6 (16). С. 3-72; Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб, 1999. Вып. 7 (17). С. 18-47; Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись и ее авторы: история и структура текста в лингвистическом освещении // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2005. М., 2006. С. 114-251.

⁴⁶ Привлекался и изданный недавно А. В. Майоровым факсимильно Берлинский список (Новгородская первая летопись. Берлинский список. СПб., 2010).

⁴⁷ Изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. Насонова А. Н. М.; Л. 1959.

летописцу ⁴⁸ : Рогожским летописцем, Новгородской Большаковской летописью, Летописью из Троицкого собрания № 805, Летописцем епископа Павла, Летописью по списку Никольского, Псковскими первой и третьей летописями.

Рогожский летописец сохранился в единственном списке 40-х годов XV в., найденном Н. П. Лихачевым в 1906 г. Имеет своими источниками тверскую обработку митрополичьего свода Киприана, заканчивающуюся 1411 годом, и тверской свод второй половины XIV в. Рогожский летописец был издан в 1922 г. как первая часть запланированного нового издания тома 15 ПСРЛ, которое, однако, впоследствии не было осуществлено. В 1965 г. вместе с Тверским сборником, объединенные в один том, были выпущены в качестве репринта ⁴⁹. Новгородский источник, определяющийся в первой части Рогожского летописца, восходит к Краткому Новгородскому летописцу.

Новгородская Большаковская летопись – летопись XVI в. (РГБ. Собр. Т. Ф. Большакова. № 333), сохранилась в сборнике-конволюте первой половины XVII в. и представляет собой летописный свод, доходящий до кон. 30-х годов XVI в. Обнаружена и издана Е. Л. Конявской ⁵⁰. Первая часть (до середины XV в.), в которую входит интересующий нас текст, восходит к Краткому Новгородскому летописцу.

Летописец епископа Павла – краткий летописец второй половины XV в. (список второй половины XVI в.), доводит известия до 1461 г. с более

---

⁴⁸ См.: Конявская Е. Л. Краткий новгородский летописец и его место в новгородском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 40–52.

⁴⁹ См: Кучкин В. А. Об издании Рогожского летописца // Древняя Русь Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 101–109.

⁵⁰ Конявская Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. (далее – НИС). Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 322–383.

поздней припиской статьи 1481 г. Обнаруживает зависимость от Краткого Новгородского летописца. Издан А. Г. Бобровым⁵¹.

Летопись из Троицкого собрания РГБ (№ 805) – неизданный летописный памятник начала XVI века – обрывается на 1518 г. (список середины XVI в.). Обнаружен А. Н. Насоновым⁵². Имеет одним из источников Краткий Новгородский летописец.

Летопись по списку Н. К. Никольского (Сокращенный Новгородский летописец) датируется второй половиной XVI в., и, хотя она опубликована в одном томе ПСРЛ с Новгородской IV летописью, ее известия за XII век обнаруживают явную зависимость от Новгородской первой летописи. Другим ее источником, по-видимому, был Краткий Новгородский летописец, возможно, через посредство других, не дошедших до нас летописных памятников.

Псковские I и III летописи – летописи XV–XVII вв. А. Н. Насоновым показано, что они имеют общий протограф (доходит до 1481 г.)⁵³. В отдельных статьях видны следы использования того же новгородского протографа.

Летопись Авраамки – свод XV в., доведенный до 1495 г., составленный в Смоленске⁵⁴. Имеет до начала XIV в. в качестве одного из источников Краткий Новгородский летописец.

Новгородская четвертая летопись, Софийская первая, Новгородская Карамзинская летописи, восходящих к *Новгородско-Софийскому своду*

---

⁵¹ ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 109-121.

⁵² Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Т. 4. С. 254-255

⁵³ Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946. Т. 18. С. 255–294.

⁵⁴ См. об основном и других списках: Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 230-231.

первой трети XV в.⁵⁵, представляют интерес с точки зрения дальнейшего развития и осмысления сюжета, компилируя ранние версии.

Другую группу источников представляют неновгородские летописи.

Лаврентьевская летопись XIV в. является наиболее ранним памятником летописания Северо-восточной Руси. Летопись сохранилась в пергаменном списке (РНБ. F.n.IV.2), переписанном в 1377 г. монахом Лаврентием⁵⁶. На рассматриваемом отрезке летописных статей Лаврентьевская, а также Московско-Академическая и Радзивилловская летописи отражают владимирскую летописную традицию и содержит повествование, в корне отличающееся от новгородской версии. Близкий вариант летописных текстов содержит *Летописец Переяславля Суздальского* (список XV века), отразивший переяславскую редакцию летописных известий 1138-1214 г.

Киевский свод 1198-1199 г. известен по *Ипатьевской летописи* (дошла в списке XV в.)⁵⁷. Рассказ, написанный сторонниками осаждавших Новгород, сохранился к ней в несколько ином виде, нежели в Лаврентьевской.

Летописи второй половины XV-XVI в. анализировались с целью проследить судьбу текстов рассказа о событиях 1170 года в более позднее время.

Нарративные памятники XV в. рассматривались с точки зрения отражения в них новых установок и идеологических тенденций.

---

⁵⁵ Шахматов А. А. Обзорные русские летописные своды XIV-XVI вв. М.; Л., 1938; Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 128-160; Шибяев М. А. Владимирский полихрон и Новгородско-Софийский свод // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48). С. 83-95 и др.

⁵⁶ См.: Прохоров Г. М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. 4. С. 83-104.

⁵⁷ Шахматов А. А. Обзорные русские летописные своды XIV-XVI вв. М.; Л., 1938; Насонов А. Н. История русского летописания XI - начала XVIII века. М., 1969.

«Слово о Знамени Пресвятой Богородицы» анализируется по изданию О. В. Лосевой⁵⁸ (основной список - Пролог ГИМ. Увар. № 325 пер. трети XV в.; разночтения по минее РНБ. Соф. № 396 того же времени и Прологу РНБ. Ф.п.1.48 конца первой трети XV в.). «Слово» представляет собой проложный текст, развивающий литературную версию сюжета.

«Воспоминание о Знамени Пресвятой Богородицы» – неопубликованный памятник, анализируется по списку из рукописи РГБ Ф. 304.1.(Тр.) № 501. Л. 396 об. – 401 об., отражающему этот вид нарратива достаточно репрезентативно.

«Слово похвальное» по изданию В. Яблонского и текст «Службы» по факсимильному изданию Э. А. Гордиенко⁵⁹ привлечены для рассмотрения вклада Пахомия Логофета в развитие сюжета Знаменского цикла.

Источником является и сама новгородская икона Знамение (хранится в Софийском соборе в Великом Новгороде), относящаяся к XII веку. Икона имеет размеры 59 x 52,7 см, является двухсторонней и выносной. Древний слой сохранился фрагментарно (фрагменты одеяний) из-за многочисленных поновлений.

В качестве отражения в живописи легенды привлекаются шесть икон «Чудо от Богоматери Знамение» XV-XVI в.

Научная новизна. Диссертация представляет собой комплексное монографическое источниковедческое исследование памятников письменности, отражающих события 1170 года – осаду Новгорода суздальскими и союзными войсками. Ранее Знаменский цикл изучался либо исключительно с исторической точки зрения – историками, либо с филологической точки зрения – филологами. Накопленные за последние десятилетия новые данные текстологического, исторического,

---

⁵⁸ Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV веков. С. 328-334.

⁵⁹ Гордиенко Э. А. Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житии и мистериях. М.; СПб., 2010. С. 600-637.

археографического характера позволили дать новую картину формирования и развития изучаемых текстов.

Практическая значимость. Результаты и выводы работы могут быть использованы при дальнейшем изучении истории Руси второй половины XII века, при создании учебных и энциклопедических пособий, чтении лекционных курсов.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования обсуждались на заседании кафедры философии и всеобщей истории Университета Российской академии образования, заседании Центра по истории Древней Руси Института российской истории РАН. Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в докладах Всероссийской научно-практической Школы-конференции молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (ИРИ РАН, 2011), на конференции молодых ученых «Лаборатория историка: Источник и метод» (ГУГН, ИВИ РАН, 2012), на семинаре молодых ученых-медиевистов журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» и Института российской истории РАН (2013), на конференции «Историческое повествование в средневековой Руси», (СПбГУ, 2013); на международной конференции «Духовно-нравственные основы памятников письменности: традиции и перспективы» (МГППУ, 2013); на VII Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (журнал «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», ИРИ РАН, 2013); на Научно-практической конференции «На пороге тысячелетия. Суздаль в истории и культуре России» (Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2014); на молодежной конференции «Текстология и историко-литературный процесс» (МГУ, 2014), на VIII Международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (журнал «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», ИРИ РАН, 2015).

Работа состоит из Введения, содержащего историю изучения вопросов, связанных с новгородской битвой и Знаменским культом, трех глав, заключения, списка источников и литературы и двух приложений. Первая глава посвящена текстам и артефактам новгородского происхождения. Во Второй главе рассматривается «антиновгородская» версия сюжета – в Лаврентьевской, Ипатьевской летописях и Летописце Переяславля Суздальского. Третья глава посвящена обзору поздних новгородских нелетописных памятников. В Приложениях даны иллюстрации и текст неизданного «Воспоминания о Знамении» по списку РГБ. Ф. 304. I. № 501.

Глава 1. Повествования о событиях 1170 года в новгородской летописной традиции

5. Ранние известия об осаде Новгорода 1170 г.

Самым ранним летописным памятником, содержащим повествование об осаде Новгорода в 1170 г. «проновгородской версии» (по классификации Л. А. Дмитриева), является Новгородская первая летопись (далее – Н1), поскольку Синодальный список летописи в основной своей части датируется 30-ми годами XIV века, а сама летопись, как показано исследователями, представляла собой из года в год ведущийся анналистический памятник, известия которого практически современны описываемым событиям⁶⁰.

История конфликта Новгорода с Андреем Боголюбским в Н1 описана лаконично, летописец почти не дает оценок происходящему. Однако предыдущие статьи содержат сведения о ходе конфликта, приведшего к осаде Новгорода в 1170 г.

В статье под 6668 годом Н1 сообщает о первом изгнании из Новгорода Святослава Ростиславича – без указания причин: «Въ лѣто 6668. Прияша новгородьци Ростиславиця Святослава, и поправиша и въ Ладогу, а княгню впустиша въ монастырь святыя Варвары, а дружину его в погрѣбъ вѣсажаша и введоша Мьстислава Ростиславиця, вьнука Гюргева, мѣсяца июня въ 21»⁶¹.

Следующая статья упоминает некое соглашение Андрея Боголюбского и киевского князя Ростислава Мстиславича: «В лѣто 6669. Уладися Ростислав съ Андрѣемь о Новьгородѣ, и вывѣдоста Мьстислава, Гюргевь вьнукъ,

---

⁶⁰ См.: Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Русское летописание в свете типологических параллелей // Жанры и формы в письменной культуре Средневековья. М., 2005. С. 174–200.

⁶¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. Насонова А. Н. М.; Л. 1959 (далее – НПЛ). С. 30–31.

седевъшю ему годъ до года без недѣлѣ, а Святослава вѣвѣдоша опять на всѣи воли его, сентября въ 28»⁶². В последующие годы Н1 не рассказывает о каких-либо нестроениях во взаимоотношениях новгородцев с их князем. Святослав упоминается либо в нейтральных контекстах, либо предстает в положительном свете – как предводитель (вместе с посадником Захарией) увенчавшегося победой похода против шведов (6672 г.). Но в начале 1167 года Ростислав, как мы знаем, заключает с новгородцами «порядъ» о княжении у них его сына Святослава «ѡли сѧ с ни^М смрътью розлучити»⁶³. В новгородской летописи предмет договора не обозначен и даже не сообщается, что в Луки был вызван отцом сам Святослав. Характерно, что в летописи называется социальный состав участвовавших в крестоцеловании: «огнищане, гридь, купьце вячьшее»⁶⁴. П. В. Лукин заключает, что эта формула «репрезентует все полноправное население Новгорода»⁶⁵. П. С. Стефанович же, анализируя данный эпизод, пишет, что, называя конкретные социальные группы, заключающие с Ростиславом «порядъ», летописец подчеркивает: соглашение состоялось не со всеми новгородцами, а «именно с той частью, которая была больше других заинтересована в стабильности княжеской власти»⁶⁶.

Так или иначе, вскоре после этого Ростислав умирает и договор оказывается нарушенным. По свидетельству Н1, «выиде князь Святославъ из Новагорода на Луки и присла въ Новъгородъ, яко “не хоцю у васъ княжити”. Новъгородьци же цѣловавъше святую Богородицю, яко “не хоцемъ его”»⁶⁷.

---

⁶² Там же. С. 31.

⁶³ ПСРЛ, т. 2. Стб.

⁶⁴ НПЛ. С. 32.

⁶⁵ Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014. С. 174. О купцах в широком значении применительно к новгородским реалиям см.: Флоря Б. Н. «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII–XIII вв. // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 66–79.

⁶⁶ Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012. С. 351.

⁶⁷ НПЛ. С. 32.

П. В. Лукин считает целование Богородицы является указанием на вечевое собрание⁶⁸. Возможно, последовательность событий в Н1 нарушена, что, по мнению ученого, могло случиться и «по чисто стилистическим причинам: новгородский владычный летописец мог предпочесть сделать акцент в начале статьи на главном событии»⁶⁹. Не исключено также, что летописец хотел представить инициатором разрыва князя.

Новгородцы посылают в Киев к Мстиславу Изяславичу «по сынъ», а Святослав, получив помощь от Андрея Боголюбского и братьев Романа и Мстислава Ростиславичей, опустошает Новоторжские и Новгородские земли. Летописец говорит о роли получившего посадничество Якуна, который смог противостоять военному вторжению. При этом летописатель подчеркивает: «съложишася на Новъгородъ Андрѣи съ смолянны и съ полоцянны»⁷⁰ и пытался насильственно возвратить в Новгород Святослава Ростиславича, препятствуя при этом контактам новгородцев с Киевом.

Принято считать, что новгородская «вольность в князьях» утверждается после событий 30-х годах XII в., в результате которых новгородцы получили право выбирать посадников, вместо княжеских ставленников, а также право изгонять и призывать князей⁷¹. Как правило, выбор делался из наиболее сильных и влиятельных княжеских домов – сыновей киевского, смоленского, черниговского или суздальского князя⁷², которые, как замечает В. А. Кучкин, «должны были отвечать двум основным условиям: обладать достаточной военной мощью для осуществления оборонительных и наступательных

---

⁶⁸ См.: Лукин П. В. Новгородское вече. С. 175–176.

⁶⁹ Лукин П. В. Новгородское вече. С. 178.

⁷⁰ НПЛ. С. 32.

⁷¹ Поздние летописцы и составители нарративов, говоря об этой вольности, обычно апеллируют к легендарному сюжету о дарованной Ярославом Мудрым грамоте. При этом условия выбора князей, предположительно означенные этой грамотой, трактуются весьма вольно и, как правило, не в пользу Новгорода. Речь об этом пойдет ниже.

⁷² См. Янин В. Л. Князья новгородские // Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 243

планов новгородцев и иметь материальную базу для обеспечения населения республики продовольствием при часто случавшихся в Новгороде неурожаях, голоде и море»⁷³. Для самих же княжеских домов это было способом сохранять контроль над столь значимым княжеским столом

Таким образом, изгнание Святослава Ростиславича после смерти киевского князя Ростислава представляется вполне естественным шагом новгородцев, а попытка Андрея Боголюбского не допустить новгородских гонцов в Киев «по князь» – прямым нарушением особого статуса Новгорода, который, как убедительно доказывает П. В. Лукин, был к этому времени общепризнан на Руси⁷⁴.

Рассказ о походе на Новгород предваряется повествованием о Двинском походе новгородского даньщика Даньслава Лазутиничя: «Въ лѣто 6677. Иде Даньславъ Лазутиницъ за Волокъ даньникомъ съ дружиною, и присла Андрѣи пълкъ свой на нь и бишася с ними и бѣше Новгородьць 400, а суждальць 7000; и пособи Богъ Новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а Новгородьци 15 мужъ; и отступиша Новгородьци, и опять воротивъшеся, взявша всю дань, а на Суждальскихъ смърдѣхъ другую, и придоша сторови вси. Въ то же лѣто на зиму придоша подъ Новьгородъ Суждальци с Андреевицемъ, Романъ и Мьстиславъ съ Смольняны и съ Торопьцяны, Муромьци и Рязанци съ двема князьма, Полоцьскый князь с Полоцяны и вся земля просто Русьская. Новгородьци же сташа твърдо о князи Романѣ о Мьстиславлици, о Изяслави вьнуце, и о посадницѣ о Якунѣ и устроиша острогъ около города. И приступиша къ граду въ недѣлю на съборъ и съездишася по 3 дни; въ четвъртыи же ден, въ среду, приступиша силою и бишася весь день; и к вечеру побѣди я князь Романъ съ Новгородьци, силою крестьною и святою Богородицею и молитвами благовѣрнаго владыкы Илие,

---

⁷³ Кучкин В. А. Русь перед 1237 г. Нашествие Батые. Русь под игом // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 67–68.

⁷⁴ Лукин П. В. Новгородское вече. С. 175–180.

мѣсяца феуарявь 25, на святаго епископа Тарасия, овы исѣкоша, а другыя измаша, а прокъ ихъ злѣ отбѣгоша, и купляху Суждальць по 2 ногатѣ»⁷⁵.

Прямая связь между двумя событиями специально летописцем не отмечена. Поход Даньслава представлен как отдельное известие годовой статьи, рассказ об осаде Новгорода начинается со слов «Въ то же лѣто», как следующее по хронологии сообщение. Согласно мартовскому стилю, которого придерживалась Новгородская первая летопись, в статье объединены события 1169 (поход Даньслава) и начала 1170 г. (осада Новгорода).

Как будет показано далее, в более поздних источниках, этот поход представляется уже необходимой частью сюжета, в качестве непосредственного повода к осаде.

А. Н. Насонов обратил внимание на то, что возглавлявший данщиков Даньслав Лазутинич за два года до этого ездил в Киев с дружиной «къ Мьстиславу по сынѣ»⁷⁶, т. е. за Романом Мстиславичем. Это была непростая операция, поскольку Андрей Боголюбский всячески противодействовал вокняжению в Новгороде князя этой ветви, он, «съ смолняны и съ полоцяны... пути заяша, и сълы измаша новгородскыя вьсьде, вести не дадуще Кыеву къ Мьстиславу»⁷⁷. По-видимому, не менее сложную задачу выполнял его отряд и в 1169 году, поскольку столкновение с претендующими на Подвинье суздальцами можно было предполагать. Летописец обнаруживает хорошее знание подробностей похода и столкновений с суздальскими данщиками. Сказано, что всего новгородцев было 400 (по 100 от каждого конца, как неоднократно отмечалось в литературе), они одержали победу, но, видимо, учитывая численное превосходство суздальцев, отступили и лишь потом вернулись и взяли дань,

---

⁷⁵ НПЛ. С. 32.

⁷⁶ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. СПб., 2002. С. 99.

⁷⁷ НПЛ. С. 32.

в том числе и на суздальских смердах. Поскольку «другая» дань «суздальскихъ смърдѣхъ» отмечена особо, понятно, что летописец видел связь между акцией Даньслава и последующими событиями, хотя специально ее не подчеркивал.

Представляет серьезную трудность интерпретация указанного количества войск: отряд суздальцев слишком велик, столь же велики потери этой стороны, особенно в сочетании с 15 погибшими новгородцами. Что касается последней цифры, то объяснения ей можно искать, приведя аналогии из других подобных рассказов Н1, где также речь идет о погибших «мужах». Они перечисляются поименно, и, видимо, являются заметными фигурами в городе. Некоторые имеют отчества на *-ич*, что может служить указанием на знатное происхождение. Относительно прочих приводятся другие идентификационные данные: место проживания, сведения об отце или упоминание сферы деятельности. Так, при описании Невской битвы Н1 содержит перечень: «Новгородецъ же ту паде: Костянтинъ Луготиниць, Гюрята Пинещиниць, Намѣст, Дрочило Нездыловъ сынъ кожевника, а всѣхъ 20 мужей»⁷⁸. Или пятью годами ранее, подсчитывая павших в военном столкновении с Литвой, летописец пишет: «А новгородць ту убиша 10 мужь: Феда Якуновича тысячьского, Гаврила щитника, Нѣгутина на Лубяници, Нѣжилу серебряника, Гостилца на Кузмадемьяни улици, Федора Ума князь дѣцкой, другое городищанинъ, и инѣхъ 3 мужи»⁷⁹.

Таким образом, число погибших противников у новгородского летописца – это общее число воинов, а павшие новгородцы – это только знатные и известные «мужи».

Переходя к повествованию о походе на Новгород, нужно отметить, что оно богато фактическими подробностями. Приведен список княжеств, чьи полки выступили вместе с сыном Андрея Боголюбского. Кроме сына Андрея Юрьевича Мстислава (с «суздальци»), который назван лишь по отчеству -

---

⁷⁸ Там же. С. 77.

⁷⁹ Там же. С. 73.

«Андреевиц», названы по именам два князя – Роман и Мстислав (со смолянами и торопчанами). Очевидно, это братья Ростиславичи, княжившие соответственно в Смоленске и в Торопце. Оба они участвовали в военных действиях против Новгорода тремя годами раньше: «В лѣто 6675... Романъ и Мъстиславъ пожьгоста Луку; а луцяне устерегосшася и отступиша они въ городъ, а ини Пльскову»⁸⁰; а Роман Мстиславич затем ходил ответным походом на Торопец. Та же картина – с полочанами («полоцьскыйи князь съ полоцяны»), видимо, этот князь – Всеслав Василькович). Полочане были союзниками Андрея Боголюбского в его действиях против Новгорода, а затем подверглись нападению новгородцев. Муромцы и рязанцы, которые также названы в списке полков, в предшествующих антиновгородских акциях участия не принимали (по крайней мере, таких данных нет), однако были участниками похода 1169 года на Киев. Состав участников этого киевского похода совпадает в Н1 с антиновгородской коалицией практически полностью: из перечисленных союзных войск 1170 года в походе на Киев не принимали участия только торопчане. Более того, состав участников походов в двух летописных статьях представлен в сходных формулировках. Но очевидно, что в описании похода против Новгорода летописец более подробен. Характерно, что, оценивая силы, подошедшие к городу, новгородский летописец заключает: «и вся земля просто Русьская». Как будет показано в следующей главе, в целом данные о составе войск не противоречат «антиновгородской версии» и могут быть квалифицированы как достоверные.

Далее в подробностях говорится о подходе войск к городу: «И приступиша къ граду въ недѣлю на Събрь и съездишася по 3 дни»⁸¹; указаны начало и окончание битвы «в четвертыи же день въ среду приступиша силою и бишася весь день и къ вечеру побѣди я князь Романъ... феуаря в 25»⁸².

---

⁸⁰ Там же. С. 32.

⁸¹ Там же. С. 33.

⁸² Там же.

Благодаря этому указанию точно определяется год похода на Новгород: в 1170 году Соборное воскресенье было 22 февраля, через три дня будет 25 февраля, что соответствует указанной в рассказе дате. Именно такое толкование выражения «на Сборъ» - как Соборной недели (воскресенья), - подтверждается рядом подобных контекстов Н1 и других летописей. В них упоминаются Соборы Богородицы и других святых:

Н1:

-- 6686. И тѣгда новгородѣци послашася по Романа Смольньску, и вѣниде на сборъ по чистѣи недѣли⁸³.

-- 6703. Томъ же лѣтѣ преставися раба Божия Хрѣстна святыя Варвары; и поставиша на мѣстѣ ей, избра владыка и сестры все, кротыку и сѣмѣрену именемъ Варвару Гюргевою Олекшиница; и постави ю владыка на Сборъ святыя Еуфимие⁸⁴.

--6723. Тѣгда же на Сборъ убиша пруси Овъстрата и сынъ его Луготу, и вѣвъргоша и въ грѣблю мѣртвѣ⁸⁵.

-- 6734. И вѣведоша мужа добра и зѣло боящася Бога Гръцина, и постригоша и того дни, марта въ 2, на святого Федота; и поставиша и игуменомъ марта въ 8, на святого Фефилакта, на Сборъ⁸⁶.

-- 6738. Того же мѣсяца въ 19, на Сборъ святыхъ отецъ 300 и 18, приде архиепископъ Спуридонъ в Новѣгородъ, поставленъ от митрополита Кюрила; поставленъ бысть попомъ въ сыропустную недѣлю, архиепископомъ по чистѣи недѣли на сборъ⁸⁷.

Есть такой пример и в Рог:

-- 6882. Индикта 12 Алексѣи митрополит приехавъ во Тѣфѣрь мѣсяца марта въ 9 день, на память святыхъ мученик 40, иже в Севастии, поставил епископом

---

⁸³ Там же. С. 36.

⁸⁴ Там же. С. 42.

⁸⁵ Там же. С. 54.

⁸⁶ Там же. С. 65.

⁸⁷ Там же. С. 69.

Еуфимиа граду Тѣри, на Средокрестной недѣли в четверток, да поехали с послом с патриаршимъ в Переяславль с Киприаномъ. Преже того за мало днии того же Великаго говѣина на Зборъ на Москвѣ пресвященни архиепископъ Алексеи митрополит постави архимандрита Печерьскаго монастыря, именем Дионисиа, епископом Суждалю и Новугороду Нижнему, и Городцю⁸⁸.

При этом не обнаруживаются контексты, где подобные выражения употреблялись бы в ином значении.

В Синодальном списке Н1 читается фраза «съездишася по три дни». Речь может идти как о переговорах, так и о сборе войск противника для осады. Более определенно звучит текст в Комиссионном списке Н1: «сходистася промежи себе о уряди по три дни»⁸⁹. Но, как и в других случаях, здесь можно заподозрить, что это результат попытки позднего редактора прояснить смысл не совсем понятного сообщения. Ведь, коль скоро речь идет о переговорах, то встает вопрос: о чем они могли вестись? Если это было требование к новгородцам отказаться от неприемлемого для Андрея Боголюбского Романа, то что можно было обсуждать в течение трех дней?

В этом смысле более правдоподобной кажется версия, что переговоров не было, поздние летописные своды могли как домыслить эту информацию, так и заимствовать ее из других источников (например, иконографии). Однако, поскольку нам неизвестны все обстоятельства рассматриваемых событий – требования Андрея Боголюбского могли быть и не столь односложными, – решение этого вопроса остается в области предположений.

В центре повествования находится князь Роман Мстиславич, сын Мситслава Изяславича, последний годом раньше был изгнан с киевского княжеского стола сыном Андрея Боголюбского. Согласно рассказу Н1, Роман и вел новгородцев в бой: «новгородци же сташа твърдо о князе Романе», «победиша я князь Романъ с новгородьци». В качестве второго

---

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 105.

⁸⁹ НПЛ. С. 33, 221.

лидера, вокруг которого объединились новгородцы, назван посадник Якун, поставленный на посадничество в 1167 (6675) году: «В лѣто 6675... Новгородци же того не бережаху и убиша Захарью посадника и Неревина и Несду Бириця... а Святославъ приде съ суждалци и съ братома и съ смолняны и съ полоцаны к Русѣ; идоша новъгородьци съ Якуномъ противу ихъ; они же, не дошедше, воротишася; не успѣша бо ничтоже. Тогда же даша посадництво Якунови; и сѣдеша новъгородци бес князя о Сменя дни до Велика дни о Якунѣ, жьдуче от Мьстислава сына».⁹⁰ Характерно и то, что после 1170 года Якун не упоминается. Статья следующего года не говорит о посадниках вовсе: «В лѣто 6678. Бысть дорогъвъ в Новегородѣ, и купляху кадь рѣжи по 4 гривнѣ, а хлѣбъ по 2 ногатѣ, а мед по 10 кунѣ пудъ. И сдумавъше новъгородци, показаша путь князю Роману, а сами послаша къ Ондрѣви по миръ на всѣи воли своеи. Въ то же лѣто въииде князь Рюрикъ Ростиславиць въ Новъгородѣ, мѣсяця октября въ 4, на святого Иерофея. Въ то же лѣто архиепископъ боголюбивый Илия съ братомъ Гаврилосьъ създаста манастирь, церковь свтыя Богородиця Благовещение. Томъ же лѣтѣ прѣставися князь Мьстиславъ Изяславиць, Володимирт вьнукъ. В то же лѣто прѣставися князь кыевѣ Глѣбъ Гюргевиць, и вьвѣдоша Володимира Мьстиславиця»⁹¹. Статья же за 6679 год говорит уже о смене посадника Жирослава Иванкой Захарьиничем: «В лѣто 6679... отя князь Рюрикъ посадництво у Жирослава Новегородѣ и выгна и из города... и даша посадництво Иванку Захарииницю».⁹² Возможно, что Якун пал в бою, умер или был отведен на иную должность.

Архиепископ Илия упоминается лишь в конце рассказа, в заключающей фразе: «побѣди я князь Романъ съ новгородьци, силою крестьною и святою богородицею и молитвами благовѣрнаго владыкы Илие»⁹³. Стоит сказать,

---

⁹⁰ Там же. С. 32.

⁹¹ Там же. С. 33.

⁹² Там же. С. 34.

⁹³ Там же. С. 33.

что только в Н1 архиепископ назван Илией, что подтверждает современное создание летописной статьи. Во всех более поздних источниках, архиепископ именуется его иноческим именем - Иоанн, которое он принял за несколько лет до смерти⁹⁴. В Н1 все последующие 17 лет архиепископ именуется Илией.

Младший извод Н1 особо указывает на возраст князя Романа: «нъ детеск бяше»⁹⁵ (в Комиссионном списке: «нъ еще бо тогда детеск бяше сыи»⁹⁶). Точной даты рождения князя мы не знаем. Д. В. Донской, доверяя информации Комиссионного списка о «детскости» Романа, в качестве примерной даты его рождения указывает конец 50-х годов⁹⁷. К началу 50-х годов относит его рождение Н. Ф. Котляр⁹⁸.

О. Б. Головки так же датирует рождение Романа 1153/54 гг., исходя из датировки свадьбы Мстислава Изяславича и Агнешки в 1152/53 гг. и обосновывая факт, что Роман являлся первенцем. Допуская и то, что младшему брату Романа Владимиру на момент смерти в 1170 г. было около 14-15, возраст Романа к этому сроку определяется ученым приблизительно в 17 лет⁹⁹.

Дариуш Домбровски при описании становления Романа Мстиславича в работе, посвященной политической биографии сына Романа Даниила,

---

⁹⁴ Печников М. В. Иоанн архиепископ Новгородский // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 189–204.

⁹⁵ НПЛ. С. 221.

⁹⁶ Там же. С. 33.

⁹⁷ Донской Д. В. Рюриковичи: исторический словарь. М.: Русская панорама, 2008. С. 529.

⁹⁸ См.: Котляр Н. Ф. Роман Мстиславич // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Институт всеобщей истории РАН: под ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М., 2014. С. 683.

⁹⁹ Головки О. Б. Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси історії політичного життя Південної Русі XII – початку XIII століття. Київ, 2001. С. 47–50.

упоминает, что в 1170 г. Роману уже исполнилось 15 и он уже мог претендовать на часть отцовского наследства¹⁰⁰.

Весьма вероятно, что характеристика младшего извода является домысливанием позднего редактора, поскольку в 1188/89 гг. Роман выдает дочь замуж за старшего сына галичского князя Владимира, по известию Ип.: «Кнѣзѣщю Володимероу в Галичкои земли... Романъ же володимерьскыи Мъстиславичъ сватасѣ с нимъ и да дщерь свою за снѣ его за старѣишаго»¹⁰¹. Если думать, что к моменту свадьбы дочери должно было быть около 14 лет, родиться она должна была не позднее 1174-1176 гг., значит, вполне вероятно, что в 1170 г. самому Роману уже было 14.

По мнению Успенского и Литвиной, свадьба Романа Мстиславича состоялась не ранее 1182 года, что оставляет самые широкие рамки для предполагаемого возраста князя на момент рассматриваемых событий. К тому же дочери Романа, исходя из такого предположения, на момент свадьбы должно было быть не более 6 лет.¹⁰² Разумеется, в династических браках не может быть однотипной практики, поскольку на первый план могли выступать соображения, оказывающиеся более серьезными, чем скорое рождение наследника, поэтому и такая датировка может оказаться верной.

Тем не менее, едва ли новгородцам нужен был малолетний князь в условиях конфронтации с сильной коалицией, а согласно Н1, новгородцы были рады новому князю. К тому же летопись упоминает два похода во главе с Романом: «В лѣто 6676. Приде князь Романъ Мъстиславиць, вѣнукъ Изяславль, Новугороду на столъ мѣсяця априля въ 14, въ вѣторую недѣлю по

---

¹⁰⁰ «Pamiętajmy, że w 1170 r. liczący sobie około 15 lat Roman miał szansę co najwyżej na objęcie części wołyńskiego spadku po ojcu» (Dąbrowski D. Daniel Romaniwicz król Rusi. Biografia polityczna. Kraków, 2012.P. 22).

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659–660.

¹⁰² Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49). С. 55–58.

велице дни, индикта първаго; и ради быша новгородъци своему хотению. Въ то же лѣто ходиша новгородъци съ пльсковичи къ Полотъску и пожитгыше волость, воротишася от города за 30 вѣрсть. Тому же лѣту исходящу, на весну ходи Романъ с новгородъци къ Торопыцю и пожгоша дома ихъ, и головъ множество полониша»¹⁰³. Как можно видеть, во втором случае участие Романа особо подчеркнуто. Едва ли малолетний князь мог возглавить два успешных военных похода в самом начале своего княжения.

Все эти соображения, а главное, тот факт, что в Синодальном списке ничего о малолетстве Романа не говорится, заставляют сомневаться в достоверности информации младшего извода новгородской летописи о возрасте князя.

Обращает на себя внимание фраза «бишася весь день», указывающая на длительность боя, хотя для более поздних новгородских летописей характерно описание скоротечного столкновения (ср. с ЛН: «новгородци же выѣхавше изъ града и биша суздальцов на полѣ, а иных живыхъ поимаша»¹⁰⁴). Нельзя исключать и того, что фраза Н1 может являться лишь топомом, свойственным воинским повестям (бьются с утра до вечера), хотя в остальном сведения, представленные в этом рассказе, видятся правдоподобными, а не вторично литературными построениями. Примирить, тем не менее, эти противоречивые сведения возможно. Из рассказов «антиновгородской версии» известно, что военные действия велись не столько в открытом столкновении, сколько путем перестрелок, попыток штурма, вылазок из города и т. д. Заключительная же стадия противостояния, когда новгородцы вышли из города, могла быть действительно непродолжительной.

Н1 повествует и о дальнейшем развитии конфликта, из которого Андрей Боголюбский сумел выйти победителем. Организовав блокаду Новгорода, он спровоцировал резкое подорожание хлеба и меда, что грозило городу

---

¹⁰³ НПЛ. С. 33.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. IV. Вып. 3. Л., 1929. С. 589.

голодом. Новгородцы, согласно летописи, «показаша путь князю Роману, а сами послашеся къ Ондрѣви на миръ на всѣи воли своеи»¹⁰⁵. Как будет показано далее, в Ипатьевской летописи дана иная трактовка отъезда Романа – в связи со смертью отца для встречи с братом Владимиром, по совету с дружиной и «приятелями»-новгородцами¹⁰⁶.

Таким образом, рассказ Н1 является подробным и практически современным источником, дающим ценные сведения о событиях 1170 года. Наряду с фактическими деталями о современности статьи говорит, в частности, то, что архиепископ назван Илией, в то время как в последний год жизни и после смерти в письменных источниках его называют схимническим именем Иоанн. Мотив чудесной помощи от иконы в рассказе отсутствует, хотя нельзя исключать, что именно эту помощь имел в виду летописец, упоминая в конце рассказа помощь Богородицы, образу которой будет отведена столь важная роль в легендарной версии.

Допуская, что запись внесена погодно, следует признать, что легенда или еще не сложилась, или летописец не считал возможным ее зафиксировать. Принимая во внимание тот факт, что повествование не отражает ни вынесение на острог иконы, ни особой роли архиепископа новгородского, не подчеркнут особый статус битвы, я склоняюсь к первому варианту.

---

¹⁰⁵ Там же. В младшем изводе добавлены слова новгородцев: «и даи же намъ князь» (С. 221).

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 561-562.

2. Возникновение «легендарной версии»

В XIV в., после создания Краткого Новгородского Летописца¹⁰⁷ (далее – КНЛ), свидетельства восходящих к нему летописей о интересующем нас сюжете начинают представлять несколько иную картину. Победа над суздальцами обусловлена уже чудотворением от иконы, заступлением Богородицы. Таков рассказ в Рогожском летописце (далее – Рог), Новгородской Большаковской летописи (далее – НБЛ), Летописце епископа Павла (далее – ЛЕП), Летописи из Троицкого собрания № 805, а также зависимость от этого источника (быть может, опосредованную) обнаруживают рассказ в Летописи по списку Никольского (далее – ЛН) и Псковских I и III летописей. В их общем протографе в описание событий 1170 г. вводится сюжет о чуде Пресвятой Богородицы.

В данном разделе я сознательно опускаю Новгородскую четвертую летопись и летопись Авраамки, о них речь пойдет отдельно, поскольку сообщения этих источников о рассматриваемом сюжете обнаруживают вторичное влияние Н1.

Рассказ о Двинском походе идет в вышеозначенных летописях в предыдущей летописной статье – 6676 года (сентябрьского?), а поход союзников на Новгород приведен в статье 6677 г. Полная дата Н1 дает возможность определить, что осада Новгорода происходила в 1170 г., однако, это не дает основания для датировки Двинского похода, поскольку данщики могли отправиться в поход осенью и даже летом. В этом случае, если год в

---

¹⁰⁷ См.: Конявская Е. Л. Краткий новгородский летописец и его место в новгородском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 40-52. Е. Л. Конявская датирует общий протограф ряда летописей (Краткий новгородский летописец) началом – серединой XIV в., наиболее вероятно – концом 40-х годов, когда в них помимо текстуальных совпадений обнаруживается и параллельное изменение характера материала в конце 40-х годов. Характерно, что эта веха совпадает и с окончанием Синодального списка Н1.

этих летописях был сентябрьским, то следование сообщения за рассказом о походе на Киев (так в Рог) вполне закономерно. Н. Г. Гришина, в работе о хронологии Рогожского летописца, отмечая, что оснований для ультрамартовской датировки этого известия в Н1 нет, писала: «Что послужило причиной отнесения известия в Рогожском летописце к 6676 мартовскому году, неясно. Такая датировка уже присутствовала в источнике Рогожского летописца, т. к. тот же год указан в летописи Авраамки»¹⁰⁸.

Итак, в самой ранней из этих летописей – Рог – читается: «Того же лѣта ходи Даньслав Лазоутинич дани имати на Двину въ 500 мужии, и приидоша на нь суждальцевъ 1000 и 500, и бишася и оубиша суждалцевъ 700 и приидоша здрави, взявши дань.

В лѣто 6677. Приидоша къ Новугороду суждалци и вся земля Роусскаа князь Романъ Андреевич, а въ Новѣгородѣ бѣше князь Романъ млад, а посадникъ Якоунъ, владыка Иоанъ. И вынесоша икону Богородицу на острогъ на Десятинѣ. И въ то время пустиша суждалци стрѣлы, и обратися икона на градъ, и паде на нихъ тма на поли, и вышедше новгородци побѣдиша суждалцевъ ноемврия 27 молитвами Святыя Богородица. И продавахоу суждалца по двѣ ногатѣ, и оттолѣ отъяся честь суждалскаа»¹⁰⁹.

НБЛ содержит практически идентичный текст: «Въ лѣт(о) $\times$ сѣхос. Ходи Даньслав Ласутиничъ на Двину дани имать въ $\bar{\phi}$ муж. Приидоша на него суздалцевъ $\times$ аф. И бишася, и убиша суздалцевъ $\bar{w}$, а новгородцовъ паде $\bar{e}i$, и дань всяша.

О знамени Стїѣ Бѣдцы.

Приидоша суздалцы к Новугороду і вся земля Руская. Кнѣзь Романъ молод, посадник Якунъ, влѣдка Іванъ вынесоша икону Стїю Бѣдцу на острог на Десятину. И в то время суздалцы попустиша стрѣлы, аки дождь умножень, і обратися икона лицемъ на град. И паде на них тма на полѣ.

¹⁰⁸ Гришина Н. Г. Хронология Рогожского летописца. Диссертация... канд. истор. наук. М., 2003. С. 112.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 22.

Новгородцы же, вышед, побиша суждалцевъ ноября въ кѣз мѣтвами Стѣя Бѣдца. И продаяху суждалца по двѣ ногатѣ. И ѿтоле отяся слава і чѣсть суждалская. А было оѡв кнѣси»¹¹⁰.

Добавлен только ранее не встречаемый мотив 72 князей, но эти слова приписаны к статье НБЛ позже (тем же почерком, что и ряд других подобных приписок, читающихся в этой летописи).

В Псковской I летописи о Двинском походе информации нет, а о походе на Новгород читается уже несколько отличающийся текст:

«В лѣто 6677 Приидоша к Новугороду мужи суздальцы и вся земля Руская ратию, съ княземъ Романомъ Ондрѣевичем. А в Новѣгородѣ тогда бяше князь Роман млад суци Мстиславичъ, а посадникъ Якунь, а владыка Иванъ. И вынесоша новгородцы икону святыя богородицы на острогъ на Десятинѣ и начаша суздальцы стрѣляти, и застрелиша икону, и обратися икона к нимъ тыломъ, а на град лицемъ, и суздальцы ослѣпоша; и новгородцы вышедше на поле и избиша суздальцевъ и инѣхъ изымаша руками, молитвами святыя богородицы; и продаяху суздулца по двѣ ногатѣ»¹¹¹.

Как можно видеть, поздний редактор распространил и беллетризировал текст, добавив, что одних суздальцев убили, других взяли в плен, в то время, как в Рог и НБЛ о гибели врагов прямо не говорится.

В этом же направлении развиваются добавления в ЛН:

«Иде Даньслав Лазутиничъ за Волокъ данникомъ съ дружиною, и посла князь Андреи полкъ свои на него, и бяше Нооугородцовъ 400, а Суздальцовъ 7000, и паде Суздальцовъ 1300, а Новгородцовъ паде 15 мужей. О знаменіи святѣи Богородици. И приидоша к Новугороду Суздальци и вся земля Московская ратью. Тогда князь Романъ млад бяше в Новѣгородѣ и посадникъ Якуня, а владыка Иоанъ. И вынесоша икону Пречистіи образъ чудотворные на острогъ; и почаша лишатися Суздальцы на икону на

---

¹¹⁰ НИС. Вып. 10 (20). С. 352.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 5. М. 2003. С. 10.

Пречистіи образъ. И обратися икона на градъ лицемъ, Новгородци же выѣхавше изъ града, и биша Суздальцовъ на полѣ, а иныхъ живыхъ поимаша, молитвами святыя Богородица; и продаяху тогда Суздальца по двѣ ногатѣ»¹¹².

Как отмечает Е. Л. Конявская, поздняя редакция проявляется в том, что противная сторона названа Московской землей (следы антимосковских настроений), а богородичный образ уже изначально представлен как чудотворный¹¹³. Однако сходство этого текста с прочими, производными от КНЛ, несомненно.

В явно сокращенном варианте эта версия сюжета дана в Летописи из Троицкого собрания (РГБ. Троиц. № 805. Л. 387): «**Въ лѣтѣ ̅҃҃. х̅҃҃҃. ход(и) Данслав Лазатинич на Двинѣ дани имати в .̅҃҃. муж и приидоша на них суждальци на Белишзери .̅҃҃.̅҃҃. и новгородци оубиша .̅҃҃. муж и взяша дан. В лѣтѣ ̅҃҃. х̅҃҃҃. Приидоша суждальци к Новугороду, вся земля Руская. Быс(ть) в Новугородѣ влдыка Иван и княз Роман, и вынесоша икону Бѣ҃҃ю Бѣ҃҃у на шстрол, и паде на них тма и новгородци повиша, а иныхъ изамаша; и продагаху суждальца по две ногати».**

Более сложный вариант сокращения обнаруживается в ЛЕП: «**В лето 6676. Ходил Даньслав Лазутичъ на Двину у 400 человека дани имать, а пришли на них сужданци 1400 человек, и пало их 800, а новгородцов 15 мужъ. В лето 6677. Пришли к Новугороду суждальци и вся земля руская, 70 и 2 князи, и змог их Роман з новгородцы, молитвами святыя Богородица**»¹¹⁴. Лаконичность повествования не дает возможности точно определить, какой текст был в распоряжении составителя ЛЕП. Упоминание 72 князей – черта для рассматриваемой версии периферийная (читается, как уже говорилось, лишь в НБЛ в виде более поздней приписки). Зато начальная фраза

¹¹² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 589.

¹¹³ Конявская Е. Л. Об этапах формирования легенды о Знаменской иконе // Особенности российского исторического процесса. М. 2009. С. 73.

¹¹⁴ ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 113.

полностью повторяет соответствующую в летописях этой группы. Коррелируют с другими летописями этой группы и последние слова сообщения.

В Рог и Псковских летописях Мстислав Андреевич назван Романом. Подобную ошибку Л. А. Дмитриев отметил при анализе рассказа в Летописи Авраамки¹¹⁵, которая, как будет показано далее, представляет более поздний вариант повествования о событиях 1170 года. Ученый убедительно показал, что сын Андрея Боголюбского назван так из-за ошибочного чтения фразы «...суждалци с Андреевицемъ, Романъ и Мстиславъ съ смолняны...» в Н1, где «...Андреевицемъ, Романъ...» было воспринято, как инверсированное «Романомъ Андреевицемъ» и заменено на подобное имеющемуся чтение. Между тем, для текстологической картины рассматриваемых памятников это весьма примечательный факт, дающий возможность предположить, что составитель нового рассказа (или редактор, вносящий его в летопись) имел перед глазами повествование Н1. Он заимствовал из Н1 упоминание предводителя противника, но при этом допустил ошибку в имени сына Андрея Боголюбского.

Можно ли считать, что новый рассказ был включен в некую новгородскую летопись (КНЛ, или какой-то предшествующий ему, не дошедший до нас летописный памятник) вместо читающегося в Н1, и его составитель использовал прежний текст о победе новгородцев в 1170 году? Этому препятствует два текстологических факта. Вышеотмеченная ситуация отразилась в тексте Рог, и, в более поздней версии, в Псковских летописях, тот же источник был в распоряжении сводчика ЛА. Других совпадений рассказа КНЛ с Н1 нет. И остальные летописи, содержащие этот рассказ (кроме Рог, Псковской I летописи и ЛА), имени князя не содержат. Если думать, что рассказ Н1 при составлении нового использовался, то приходится предполагать, что упоминание сына Андрея Боголюбского в этих

---

¹¹⁵ См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII в. С. 102.

летописях сознательно опущено. При этом по сравнению с Рог в НБЛ других отличий нет. Кроме того, в наиболее раннем из памятников, содержащих это имя – Рог, – эта фраза выглядит как вставка: «Приидоша къ Новугороду суждалци и вся земля Роусскаа князь Романъ Андреевич, а въ Новѣгородѣ бѣше князь Романъ млад, а посадникъ Якоунъ, владыка Иоанъ. И вынесоша икону...», вместо обычного для воспроизведений этого сюжета «с князем». В то время как в НБЛ, не именующего предводителя суздальцев, фраза выглядит более цельной и правильной: «Приидоша суздальцы к Новугороду і вся земля Руская. Кнѣзь Романъ молод, посадник Якунъ, влѣдка Іванъ вынесоша икону...».

Впрочем, нельзя исключать и иную вероятность. В протографе, положенном в основу текстов рассматриваемых летописей, была допущена гаплографическая ошибка, вызванная повторением имени «Роман». В таком случае, в тексте вроде «приидоша суздальцы къ Новугороду і вся земля Руская с князем Романом. Кнѣзь Романъ молод, посадник Якунъ...» стоящая первой номинация сына Андрея Боголюбского была пропущена. В таком случае, текст Рог будет являться более точно воспроизводящим протограф. Однако, бросающееся в глаза отличие от обычного оборота «суждалцы съ княземъ», так или иначе, наводит на мысль о вставке. Собственно, и сама замена одного повествования на другое тоже можно трактовать как вставку. Возможно, этим объясняется отделение рассказа об осаде от информации о Двинском походе. Характерно, что рассказы в НБЛ и ЛН имеют особый заголовок перед известием об осаде Новгорода 1170 г. Расположение заглавий говорит о том, что они появляются позже и составители-редакторы колебались, куда именно их нужно поместить. В КНЛ заголовок «О Знамени Святой Богородицы» располагался, судя по всему, на полях рукописи¹¹⁶, поскольку в ЛН он вписан на нижнем поле, а в НБЛ следует сразу после двинского похода Даньслава Лазутиничя – в статье от 6676 года, хотя сам текст о

---

¹¹⁶Конявская Е. Л. Об этапах формирования легенды о знаменской иконе. С. 73.

Знамении помещен в статью от 6677 г.: «Въ лѣт(о) ꙗꙋхос. Ходи Даньслав Ласутиничъ на Двину дани имать въ ѿ муж. Придоша на него суздальцевъ ꙗꙋф. И бишася, и убиша суздальцевъ ѿ, а новгородцовъ паде ѿ, и дань всяша.

О знамені Сѣй Бѣцы

В лѣт(о) ꙗꙋхоз. Придоша суздальцы к Новугороду і вся земля руская...»¹¹⁷

Таким образом, рассказ об осаде Новгорода приобретает совсем иной характер. После краткой информации о приходе войск к Новгородцу и положению дел внутри него (названы три основных лидера: князь, архиепископ и посадник), сразу начинается повествование об иконе, которую сначала выносят на острог, затем именно в нее стреляют суздальцы, икона отворачивается от осаждающих, показывая, что она – с новгородцами. В этом и есть суть знамения, данного Богоматерью защитникам города. Покинутые Богородицей вражеские войска покрываются тьмой и легко побеждаются новгородцами. За краткостью сообщения о самой битве можно предполагать попытку представить победу новгородцев практически бескровной – в более ранних версиях рассказа пассаж Н1 «овыхъ избиша а иныхъ поимаша а прокъ ихъ злѣ отбегоша» заменен на одно слова «побѣдиша».

Существенно отличаются и представленные в новом рассказе подробности событий.

В отличие от Н1 в этом рассказе состав войск не расписан, а дан обобщенно: на Новгород идут «суздальцы и вся земля Роусскаа», таким образом, назван главные инициаторы похода, а чтобы подчеркнуть масштаб кампании, новгородский летописец говорит о всей «Русской» (т. е. неновгородской) земле.

В легендарной версии есть указание на то, что военные действия начали лучники, союзные войска в город не входили, а, напротив, из города «на поле» вышли новгородцы. В отличие от Н1 здесь не говорится о длительной

---

¹¹⁷ НИС. Вып. 10 (20). С. 352.

битве, а лишь указывается, что «вышедшее новгородци побѣдиша суждалцевъ ноемвриа 27 молитвами Святыя Богородица».

Обозначено местоположение острога – на Десятине. В. Л. Янин отмечал, что расположение острога «на Десятине» - то есть на месте более позднего Десятинного монастыря вполне правдоподобно¹¹⁸.

Попыткой осмысления последствий неудачного похода на Новгород, представляется заключительная фраза в Рог и НБЛ: «и оттолѣ отъся честь суждалскаа». Разумеется, в этой фразе не стоит видеть широкое историческое обобщения - в том смысле, что неудача союзных войск навсегда подорвала могущество Владимиро-Суздальского княжества. Однако она дает возможность задуматься о времени создания текста. Подобное высказывание едва ли свидетельствует о лояльности пишущего по отношению к Суздальской земле. В какие годы такие настроения могли быть наиболее вероятны? С 70-х годов XII по первую четверть XIII в. В Новгороде неоднократно на стол возводились князья из других регионов. Однако в подавляющем большинстве случаев их княжение было кратковременным и малоудачным. Исключение составляет, пожалуй, лишь княжение с 1208 по 1218 г. (с перерывами) Мстислава Мстиславича Удатного¹¹⁹. Но пока такое предположение не имеет подтверждений.

Какие еще фактические детали несет в себе этот рассказ?

Как уже отмечалось, упоминается острог вокруг города, об устройении которого мы знаем из Н1, а также появляется информация о вынесении иконы на забрала.

Как и в Н1мл, Роман Мстиславич в рассказе «млад» (но не «детеск», как в Комиссионном списке). Возможно, что определение «млад» имеет

---

¹¹⁸ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 353-355

¹¹⁹ См.: Котляр Н. Ф. Мстислав Мстиславич Удатный // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. С. 522.

литературный характер – для создания особого драматизма ситуации¹²⁰, оно играет, эмоционально-оценочную роль, подчеркивая, что князь, несмотря на юный возраст, смог сплотить новгородцев и успешно противостоять многочисленному вражескому войску.

В ранних вариантах рассказа о попадании стрелы в икону прямо не говорится. Но об обращении иконы ликом ко граду сообщается сразу после слов о пущенных стрелах, как «дождь умножен» (часто встречающаяся воинская формула). Более поздние летописи эту недоговоренность устраняют. В Псковских летописях говорится, что суздальцы «застрѣлиша икону»¹²¹, в ЛН – «почаша лишатися» на нее (то есть причинять ей вред), и именно после этого икона обернулась ликом на град. В образ действительно могла попасть стрела, от чего икона повернулась вокруг собственной оси. Так архимандрит Макарий пишет: «под левым глазом чудотворной иконы находится едва заметное повреждение, вероятно, сделанное стрелою, пущенною суздальским воином в то время, когда чудотворная икона была вынесена св. Ианном на градские забрала»¹²². Э. С. Смирнова, правда, указывает на то, что икона крепилась на древке посредством трехзубой вилки, что делает невозможной оборот иконы вокруг древка. Но, по словам исследовательницы, это крепление частично располагается на полях доски, надставленных позднее XII в. Каким образом икона крепилась для вынесения в рассматриваемый период времени остается не до конца ясным¹²³.

---

¹²⁰ В качестве аналогии, пусть и не слишком близкой, можно вспомнить повествования Псковских летописей об Александре Михайловиче Тверском, где в похвальном эмоциональном пассаже, посвященном любимому князю, 28-летний Александр назван псковским автором «юным» (см.: Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 17).

¹²¹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 10.

¹²² Архимандрит Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. С. 59.

¹²³ Смирнова Э. С. Новгородская икона «Богоматерь Знамение»: некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. (№2231). СПб. 1995. С. 288.

В Устюжской летописи составитель точно определяет человека, попавшего стрелой в лик: «един князь муромец»¹²⁴. Однако, как будет показано далее, появление такой детали в поздней летописи обусловлено не столько дополнительными данными летописца, сколько идеологическими соображениями.

Стоит отметить, что о вынесении иконы из церкви Спаса на Ильине улице сообщает только ЛН. Учитывая, что это более поздний текст, а другие летописи этого круга церковь не упоминают, целесообразно считать, что эта информация идет в том же ряду, что и применение к иконе определение «чудотворный образ», и противник в виде Московской земли. Характерно, что Н1 упоминает закладку Спасской церкви лишь под 1374 г. : «Въ лѣто 6882. Поставиша церковь камену святого Спаса на Ильинѣ улицѣ, и свящя ю архиепископъ новгородчкыи Алексѣи съ игумены и с попы и с крилосомъ святыя Софѣя»¹²⁵. Правда, речь идет о строительстве каменной церкви, что не исключает существования деревянной в более раннее время.

Известен факт постройки в 1354–1355г. (месяц не указан) Знаменской церкви в Новгороде – первой на Руси церкви-реликвария, возведенной специально для хранения Знаменской иконы, о чем говорит уже Н1мл: «В лѣто 6862 Поставлена бысть церкви каменная въ имя святыя Богородица Знамение, на Ильини улицѣ»¹²⁶. В Новгородской III летописи под 6848 г. в описании пожара, информация о котором есть практически во всех новгородских летописях, читается дополнительное известие о том, что в этом пожаре «погорѣ и Спасъ на Ильинѣ и Знамение Богородицы»¹²⁷. Это может подтверждать (хотя и не очень надежно), что и до 1355 г. Знаменская церковь существовала, но, скорее всего, была деревянной.

---

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 37. С. 28.

¹²⁵ НПЛ. С. 372.

¹²⁶ НПЛ. С.364.

¹²⁷ Новгородские летописи. Рязань, 2002. Кн. 1. С. 219.

В целом в приведенных рефлексах КНЛ фиксируется уже сложившаяся легенда. Характер нарратива менее, чем в Н1, оказывается зависим от традиции воинской повести и сближается с традицией сказаний о чудотворных иконах. В центре событий оказывается архиепископ, названный на этот раз Иоанном, упоминается и посадник Якун. Причем, как будет показано далее, ряд мотивов в повествовании имеет явно литературный характер. После того, как суздальцы пустили стрелы «обратися икона на градъ, и паде на нихъ тма на поли»¹²⁸. В обращении иконы ликом к городу автор, очевидно, видел знак покровительства и заступления, и именно так этот мотив был развит в более поздних текстах. В павшей на противника тьме, можно видеть сходство, как отмечено Е. Л. Конявской, с египетской тьмой, не затронувшей иудеев¹²⁹.

В более поздних вариантах появляются добавления с целью распространения сюжета, стилистические изменения. Так, в ЛН наряду с уже отмеченными отличиями есть добавление, что часть суздальцев были взяты живыми, это было логично домыслено поздним редактором, исходя из последней фразы о продаже суздальцев по две ногате¹³⁰.

Рассказ о Двинском походе на этом этапе развития легендарной версии еще не мыслится неотъемлемой частью сюжета. Причины агрессии по отношению к Новгороду со стороны Андрея Боголюбского, вероятнее всего, были известны составителям летописных сводов. Они могли быть известны и составителям более поздних сводов, хотя нельзя исключать и механическое копирование структуры повествования с протографов. Так или иначе, очевидного подчеркивания связи двинского похода и осады Новгорода в летописной традиции не прослеживается. Прирастание этого сюжета к фабуле легенды, которое, как мы увидим, обнаруживается в поздних

---

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 22.

¹²⁹ Конявская Е. Л. Об этапах формирования легенды о Знаменской иконе. С. 76

¹³⁰ Там же. С. 73.

нелетописных нарративах, обусловлено, видимо, подъемом в Новгороде антимосковских настроений в XV веке.

3. Икона и ее почитание

Итак, в рассматриваемых текстах «легендарной версии» речь идет просто о Богородичной иконе. «Знамением» она названа лишь в вышеотмеченных заголовках в НБЛ и ЛН, которые едва ли имеют раннее происхождение. Кроме того, в этих заглавиях под «знамением» может подразумеваться не наименование иконы, а знамение (чудесный знак) от богородичной иконы как таковое.

Однако празднование иконе в это время уже было, о чем говорит неверная дата битвы в Рог и НБЛ: вместо 25 февраля здесь указано 27 ноября – в этот день было установлено церковное празднование иконе по случаю избавления Новгорода от врага. Подмена даты битвы датой празднования могла произойти до составления КНЛ (в источнике, лежащем вне летописной традиции?), либо КНЛ содержала обе даты, одна из которых (27 ноября) подменила другую (25 февраля) в результате неудачного сокращения. Наконец, составитель текста мог не иметь в своем источнике даты битвы и, зная день празднования, решил, что он должен совпадать с днем сражения. П1 и ЛН не содержат ни одной даты.

Вопрос о времени установления празднования и о временных рамках складывания культа стоит достаточно остро. Сопоставление приведенных выше летописей не дает исчерпывающей информации на этот счет. Самый ранний источник – Н1 – закономерно не говорит о факте установления празднования, поскольку не описывает самого чуда. Летописные сведения об этом появляются только в летописях, восходящих к КНЛ. Однако есть и иные письменные источники, относящиеся к истории становления культа.

В свое время А. С. Хорошев отметил запись в месяцеслове, входящем в состав рукописи «Обиход Церковный» (РГБ. Румянцевское собрание. Ф. 256. № 248), датируемый началом XIV в., отмечающую празднование 27 ноября «Знамение святыя Богородица иже на иконе»¹³¹. Ссылаясь на характер

---

¹³¹Хорошев А. С. Знаменская икона: древнейшая святыня Новгорода. С.181 .

внесения записей в месяцесловы и на описание Румянцевского собрания А. Х. Востоковым, А. С. Хорошев пришел к выводу, что праздник в честь Знаменской иконы был установлен в непосредственно близкое к событию время, и, видимо, с распространением культа, вышел за пределы Новгородской земли.

В подтверждение своей датировки учреждения праздника иконе Знамение, ученый приводит произведенную А. Х. Востоковым выборку собственно русских праздников из текста месяцеслова. По уточнениям А. Х. Востокова, все эти праздники сугубо русского происхождения установлены не позднее XII в.¹³²:

«Ноябрь 26. Страсти Святого мученика Георгия (сие относится к освящению церкви сего Великомученика в Киеве, при Ярославе I в 1037г., которое по сей день празднуется).

-- 27. Знамение святыя Богородица иже на иконе «праздник установлен в Новгороде в 1170 г., по случаю победы над суздальцами).

Маия 2. Перенесение мощей святыю новопоставленную мученику братоу Бориа и Глеба (1115г).

--- 3. Феодосия игумена Печерского (преставился сего числа в 1075г.).

--- 9. Принесение мощи святого великого святителя Николы (установлен митрополитом Ефремом в конце XI века).

--- 12 Священие святыя Богородица иже в Кыеве Владимиром князем (в 996 г. освящена церковь Десятинная в Кыеве Владимиром I, но может быть здесь говорится о вторичном ея освящении в 1039 г. при Ярославе, в коем участвовал сын его Владимир, по свидетельству Новгородского летописца, ежели у него под 1039 годом речь об освящении церкви в Кыеве, а не в Новгороде?).

Маия 31. Принесение мощи святыю отца Феодосия игумена Печерского (в 1091г.).

---

¹³² Востоков А. Х. Описание русский и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб, 1842. С. 404

Июля 24. Страсти святоую мученикоу Бориса и Глеба»¹³³.

Этот факт, по мнению А. С. Хорошева, позволяет относить устройство празднования Знамению к тому же времени, т. е. культ должен был установиться вскоре после битвы 1170 г. Однако материал наших месяцесловов говорит о том, что русских праздников было немного и длительное время, и они не добавлялись в массовом порядке в течение того же XIII века, который принес Руси столь тяжкие испытания. А. Х. Востоков же сделал именно *выборку*, поскольку его интересовали русские праздники¹³⁴. Так или иначе, к началу XIV века праздник уже существовал.

Целый ряд рукописей с упоминанием праздника, относящихся к XIV в., был выявлен О. В. Лосевой. Кроме отмеченного Обиходника РГБ. Рум. № 284 (1-я пол. XIV в.), она называет Микитино Евангелие РГБ. Рум. № 113 (сер. XIV в.), Апостолы ГИМ. Хлудовское собр. № 33 (кон. XIV в.) и РНБ. Погодинское собр. № 14 (кон. XIV в.), Сборник богослужебный РГАДА. Собр. Синодальной Типографии. № 46 (1-я пол. XIV в.) и Шестоднев служебный РГАДА. Собр. Синодальной Типографии. № 71 (2-я пол. XIV в.)¹³⁵

Изучение этих рукописей *de visu* показало, что хотя тексты в месяцесловах несколько различаются, но везде говорится о Знамении, а в самой ранней рукописи - Обиходнике Рум. 284 (Л. 90б) подчеркивается, что речь идет об иконе: **ВѢ ТѢ Ж ДНЬ ЗНАМЕНИК СТЫГА ВЦА ИЖЕ НА ИКОНѢ**. Таким образом, можно утверждать, что икона устойчиво называется «Знамением», по крайней мере в начале XIV в.

Непосредственное следование праздника Знамения за памятью Иакова Перского как бы объединяло два культа. Однако изучение месяцесловов в ранних рукописях показало, что под одним днем могут объединяться

---

¹³³ Там же. С. 401-403

¹³⁴ Эта традиция установилась в нашей археографии при описании календарных сборников.

¹³⁵ Лосева О. В. Русские месяцесловы XI – XIV веков. М. 2001. С. 110.

совершенно разные, никак не связанные между собой праздники. Например: 26 ноября: *к̄с̄. страс̄ с̄т̄го м̄ч̄нка георгиа и | с̄т̄го ал̄мпиа столпника* (Рум. 284 (Л. 916))¹³⁶. Или 12 мая: *в̄ї Пам̄л̄т̄ с̄т̄ою с̄т̄ла к̄пифана | и германа и с̄ц̄еник̄ с̄т̄ыа | в̄ца иже в кыевѣ владимиромь кнз̄мь* (Л. 966). Такая же картина наблюдается и в других ранних рукописях (XIV в.), содержащих указание на празднование Знамению. Русские праздники идут вторыми, это может означать, что они добавлялись как новые к тем, что уже содержались в протографе. Связь между праздниками, идущими друг за другом не усматривается. Характерно, что раннее Микитино Евангелие (РГБ. Рум. № 113. сер. XIV в.) вообще не упоминает русских праздников, за исключением памяти «Знамения» под тем же 27 ноября.

Важно, что почти все указанные рукописи имеют новгородское происхождение (за исключением Хлудовского Апостола, локализация которого не определена), и едва ли можно согласиться с мнением О. В. Лосевой, что они отражали «устную традицию»¹³⁷. Возможно, что оригинальной службы, какую мы имеем от XV века, в начальный период почитания образа не было, и в день праздника могли использоваться элементы службы из Общей минеи¹³⁸, что, собственно, подтверждается отсылками в некоторых вышеназванных рукописях. Так, в Рум. № 111 в статье о Знамении указывается служба на 8 сентября (Рождество Богородицы), а в Погод. № 14 - тропарь на 1 октября (Покров) и служба на 8 сентября, в Типогр. № 46 – тропарь на 1 октября (Покров). При этом некий краткий текст («память»), посвященный празднику, должен был существовать. Возможно, такой нарратив, вроде проложной памяти, и был использован при составлении КНЛ. Едва ли устное хождение подтверждает и строительство реликвария Знаменской иконы в 1355 г. – в довольно близком к первому упоминанию праздника времени. Надо думать, что культ уже

¹³⁶ Считается, что здесь отмечено празднование освящения церкви св. Георгия в Киеве.

¹³⁷ Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. С. 110.

¹³⁸ Благодарю В. М. Кириллина за консультацию.

существовал, а церковное празднование без текстов осуществляться не могло.

Что же касается самой даты 27 ноября, то архиепископ Сергей (Спасский) объяснял перенос празднования с 25 февраля тем, что «неудобно праздновать в дни Великого поста и потому что 27 ноября, вероятно, был именинник тогдашний новгородский посадник Якун (Иаков)»¹³⁹. П. Л. Гусев высказал мысль, что икона почиталась и до битвы 1170 г., и уже тогда празднование в честь нее было 27 ноября. В. Л. Янин счел невозможным предполагать празднование иконе до битвы, поскольку в «Слове о Знамени» и поздних летописях особенно подчеркивается установление праздника именно в честь победы¹⁴⁰. Отстояние праздника от дня события ученый объяснял близостью к месту битвы церкви апостола Иакова, которая, по его мнению, прежде была посвящена Иакову Перскому, и лишь позднее стала считаться апостольской. Таким образом, установление праздника 27 ноября – в день поминовения вышеназванного святого – связывается с этим фактом, учитывая, что церковь Иакова Перского могла быть местом погребения павших воинов.

Если первое положение кажется вполне резонным, то относительно тезоименитства Якуна нужно принять во внимание работу А. А. Гиппиуса о происхождении рода Гюрятиничей-Роговичей, где автор указывает на скандинавское происхождение этого имени. Указывая на то, что имя Якун «как известно, является древнерусской передачей скандинавского *Након*» и анализируя подобные имена потомков и родственников новгородского

---

¹³⁹ Сергей (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 3. С. 486–487.

¹⁴⁰ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. С. 353–355.

посадника, автор определяет это имя все-таки как скандинавское¹⁴¹. Таким образом, едва ли правомочно говорить о тезоименитстве Якуна и Иакова.

Е. Л. Конявская высказала предположение об установлении праздника в ноябре в связи с поминанием св. Романа, отмечаемым именно 27 ноября, что было сделано в честь правившего Новгородом в 1170 г. князя Романа Мстиславича¹⁴². Однако, надо иметь в виду, что на сегодняшний день нет подтверждений раннего (до конца XIII в.) почитания на Руси этого святого. Как мы видели, ранние месяцесловы называют под этим числом лишь Иакова Перского.

Также непростым представляется вопрос о времени установления празднования. На его установление прямо указывают летописи, восходящие к Новгородско-Софийскому своду и Слово о Знамени:

Н4: «Уставиша праздновати праздникъ Знамению святѣи Богородици, мѣсяца ноября 27, на память святаго мученика Іакова Перьскаго»¹⁴³.

С1: «И уставиша праздновати праздникъ Знаменью С(вя)тѣи Б(огороди)ци, м(ѣ)с(я)ца ноября 27, на память с(вя)т(о)го м(у)ч(е)ника Якова Перьскаго»¹⁴⁴.

Слово о Знамени: «Святѣи же архиепископъ Иванъ створи праздникъ светель, начаша праздновати всимъ Новымъгородомъ вси мужи новгородци, жены и дѣти Честному Знамению Святѣи Богородица»¹⁴⁵.

Летописи, восходящие к КНЛ, указывают дату праздника как дату победы, что является косвенным указанием на наличие праздника:

---

¹⁴¹ Гиппиус А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // Slavica Helsingiensia 27. Helsinki. 2006. С. 93–108.

¹⁴² См.: Конявская Е. Л. Об одном из этапов формирования легенды о Знаменской иконе. С. 149-150.

¹⁴³ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 163–164.

¹⁴⁴ ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 237.

¹⁴⁵ Памятники литературы Древней Руси, XIV – середина XV века. М., 1981. С. 452.

Рог: «Новгородци побѣдиша суждалцевъ ноемвриа 27 молитвами Святыя Богородица»¹⁴⁶.

НБЛ: «Новгородцы же, вышед, побнша сѣждалцевъ ноевра въ кѣмѣтвами сѣтыа Бгдца»¹⁴⁷.

О раннем формировании культа говорит распространение в Новгороде знаменской иконографии. До конца XII века здесь появляется еще одна икона «Знамения», происходящая из Зверина монастыря: «Богоматерь Знамение – мученица Ульяна». В самом конце XII в. Богоматерь Знамение пишется в конхе церкви Спаса на Нередице.

Раннюю датировку почитания иконы (что непосредственно связано и с установлением праздника) подтверждает и Э. А. Гордиенко. Анализируя эмалевые ковчеги с оклада знаменской иконы, она датирует их создание XIII в. Знаменская диадема, видимо, представляла собой круговую композицию, подобную тем, которые использовались для украшения шлемов. Традиция дарения боевых реликвий палладиумам была распространена на Руси, поэтому исследователь предполагает, что диадема могла быть дарована иконе после одного из походов Ярослава Всеволодовича 1220-1230-х годов¹⁴⁸. Возраст эмалей и практика дарения реликвий палладиумам говорят о том, что к XIII веку знаменский культ уже сложился. Но значит ли это, что к данному моменту празднование уже было введено в Новгороде в церковную практику – остается вопросом.

Таким образом, можно говорить, что икона, выступавшая палладиумом в столь успешной битве, могла почитаться уже в начале XIII века. Но есть ли основания полагать, что праздник был установлен в непосредственной близости к битве 1170 г.? Хотя и косвенный, но убедительный довод в пользу

---

¹⁴⁶ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 22.

¹⁴⁷ НИС. Вып. 10 (20). С. 352.

¹⁴⁸ Гордиенко Э. А. Десять эмалевых ковчегов на окладе иконы «Богоматерь Знамение» и их место в художественной культуре Новгорода // Великий Новгород в истории средневековой Европы. С. 365–373.

раннего установления праздника привел А. А. Гиппиус, который заметил, что 27 ноября были обретены мощи Всеволода (Гавриила) Мстиславича. По мнению ученого, день памяти князя был намеренно приурочен к памяти иконы, «как идеологический противовес», в связи с чем он справедливо заключает: «Следовательно, к 1192 г. празднование Знаменской иконе 27 ноября уже совершалось»¹⁴⁹.

Вопрос о том, почему именно этот образ был выбран и вынесен на острог и с ним новгородцы связывали надежду на спасение, до сих пор не получил однозначного ответа. Исследователи, в основном, придерживались мнения о случайности этого выбора. И лишь П. Л. Гусев в свое время писал: «когда архиепископ Илия брал икону из церкви Спаса, то икона эта была уже известна, прославлена раньше, и даже, может быть, уже называлась Знамением»¹⁵⁰

В. Л. Янин, поскольку имя иконы не упомянуто в ранних источниках, высказал сомнения в верности самой информации о том, что вынесенная на забрала икона действительно та, которая позже почиталась как защитница, согласно легенде: «Коль скоро в середине XIV века потребовалась “реликвия” битвы, ею могли объявить любой подходящий к случаю богородичный образ»¹⁵¹.

Однако в последнее время ученые склонны вернуться к позиции П. Л. Гусева. Так, Э. А. Гордиенко не исключает, что икона могла быть использована в качестве палладиума и ранее осады Новгорода 1170 г. – в

---

¹⁴⁹ Гиппиус А. А. О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знаменье» // НИС. СПб., 2003. Вып. 9(19). С. 90. Примеч. 41.

¹⁵⁰ Гусев П. Л. Новгородская икона св. Иоанна (Илии) архиепископа в деяниях и чудесах, СПб., 1903. С. 23.

¹⁵¹ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 357.

1134–1135 г., в битве новгородцев с суздальцами на Ждане-Горе¹⁵². Хотя нельзя забывать, что эта битва была проиграна новгородцами.

А. А. Гиппиус затрагивал проблему выбора иконы и ее происхождения в ходе анализа серебряных кратиров Софийского собора в Новгороде. Он приписывает ктиторство этих кратиров боярину Петру Михалковичу, выдавшему зимой 1155/1156 г. свою дочь замуж за брата Андрея Боголюбского – Мстислава¹⁵³. Таким образом, согласно его концепции, эта икона была известна в Новгороде.

Петр Михалкович был близким родственником Якуна Мирославича, (бывшего посадником в 1170 г.), наследником рода Рогволодовичей, идущего от Рёнгвальда Ульвссона, жившего, как и все норвежцы Новгорода, на Торговой стороне. Церковь Спаса на Ильине улице, в которой, как пишется в поздних памятниках, хранилась икона, могла являться культовым центром христианской норвежской общины, поэтому икона дарована именно этой церкви. Выбор иконы и места битвы тогда можно трактовать как символическое содействие двух родственников: Петра Михалковича – ктитора Спасской церкви (поэтому именно эта икона была выбрана) и Якуна Мирославича – ктитора церкви Иакова Перского, которая могла быть центром новгородской обороны¹⁵⁴. Многостороннее рассмотрение вопроса и обстоятельная аргументация, приведенная исследователем, выглядят очень убедительными, но остаются сомнения, связанные с характеристикой иконы

---

¹⁵² Гордиенко Э. А. Богоматерь Знамение – апостол Петр и мученица Наталья // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 203–205.

¹⁵³ Гиппиус А. А. О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знаменье». С. 84-85.

¹⁵⁴ Там же. С. 91; Гиппиус А. А. Соперничество городских концов как фактор культурной истории Новгорода XII-XIII вв. // Споры о новгородском вече: Междисциплинарный диалог. СПб., 2012. С. 123-135.

искусствоведами, которые склоняются к более ранней, чем середина 50-х годов XII века¹⁵⁵.

В отношении церкви Спаса на Ильине улице как первоначального местопребывания иконы - сам А. А. Гиппиус называет это «весьма гипотетическим» и более вероятным считает пребывание иконы в кафедральном Софийском соборе. Впоследствии состоялась «“передача” с Софийской стороны на Торговую одной из новгородских святынь» в связи с установлением в середине XIV в. в системе управления Новгородом паритетного представительства Софийской и Торговой сторон¹⁵⁶. Именно эти реалии отразили более поздние тексты.

В пользу Софийского собора говорит и то, что незадолго до рассказа о рассматриваемом событии – в статье 6675 г. – в Н1 говорится, что новгородцы «цѣловавъше святую Богородицю», отказываясь от князя Святослава Ростиславича, после чего послали в Киев к Мстиславу «по сынъ»¹⁵⁷. Очевидно, что целование должно было происходить в кафедральном соборе, а икона, весьма вероятно, и была «Знамением».

Да и есть ли доказательные аргументы в пользу того, что церковь Спаса на Ильине улице существовала до XIV века? Архимандрит Макарий (Миролюбов) ссылается на «клировые ведомости», где церковь значится как построенная в 1103 году¹⁵⁸, но понятно, что это источник очень поздний. Все в той же статье 6677 года церковь упоминается только, начиная с Н4. В

---

¹⁵⁵ Г. С. Колпакова датировала икону ок. 1136 года (см: Колпакова Г. С. Искусство Древней Руси. Домонгольский период. СПб., 2007. С. 236), Э. А. Гордиенко – первой половиной XII века (см.: Гордиенко Э. А. Богоматерь Знамение – апостол Петр и мученица Наталья // Великий Новгород. История и культура IX–XII вв. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 203).

¹⁵⁶ Гиппиус А. А. О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знаменье». С. 92.

¹⁵⁷ НПЛ. С. 32.

¹⁵⁸ См. Макарий (Миролюбов), архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. СПб., 2003. Ч. 1. С. 300.

Новгородской третьей летописи в разных списках она названа «древней» либо «древяной»¹⁵⁹. Но этот текст, похоже, уже испытал на себе влияние поздних нелетописных нарративов.

По-видимому, само имя «Знамение» икона получила на русской почве, но данная иконография была, конечно, известна в Византии (не позднее X–XI в., о чем говорит распространение этой иконографии в сфрагистике), а также почитание подобных изображений фиксируется в Венеции¹⁶⁰. Среди них, вероятно, были и чудотворные, которые копировались.

Более ранних упоминаний в древнерусской традиции об установлении икон на городской стене при обороне города нет, но рукописи, имеющие миниатюры с сюжетами, подобными Хлудовской псалтыри (Л. 88 об., 110 об., 120) (см. илл. 5-6) и дающими представление о такой практике, скорее всего, были знакомы русским. Если же такая традиция существовала на Руси, то летописи могли опускать эту подробность как само собой разумеющуюся и поэтому не требующую особого упоминания.

В саму икону были вложены реликвии: это могли быть два замастикованных ковчега с частицей ризы и пояса Богородицы¹⁶¹. По крайней мере, сам факт того, что икона являлась мощеносной, не оставляет сомнений. И. А. Шалина указывает на зависимость иконографии Знамения от иконографии Богородицы Эпискеписис (греч. Ἐπίσκειψις – поручение, свидетельство), выражающей идею защиты и заступничества¹⁶². где Богородица выступает «поручительницей» за христиан перед Богом. И. А. Стерлиговой же была прослежена связь вложенных в новгородскую икону

---

¹⁵⁹ Новгородские летописи. Т. Кн. 1. С. 193.

¹⁶⁰ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери, т. II, Пг., 1915, стр. 103–123

¹⁶¹ Стерлигова И. А. Святыни Успения Богоматери в произведениях древнерусского искусства XII–XIV веков // Восточнохристианские реликвии. М., С. 555.

¹⁶² Шалина И. А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005. С. 309–310.

реликвий с Влахернскими святынями¹⁶³, также имеющими семантику заступничества, поскольку в 860 г. богородичными иконами и святыми реликвиями – омофором и поясом Богородицы – от набега русов был спасен Константинополь¹⁶⁴.

Мощеносность иконы подтверждает и Э. С. Смирнова, однако, без упоминания ковчежцев. Она отмечает наличие обозначенных «маленьких отверстий для мощей»¹⁶⁵. Так же в рамках этой работы Э. С. Смирнова раскрывает широкий контекст аллюзий иконографического типа Знамение с влахернской традицией почитания Богородицы, как заступницы города и люда христианского. Так источники иконографии Знамения исследователь усматривает в иконографических типах Оранта, связываемом (со ссылкой на сочинения патриарха Фотия) с защитой города и императора от нашествия иноплеменных, и Никопея – «дарующая победу», тип изображения богородицы, держащей перед собой изображение Христа-Эммануила¹⁶⁶.

Изображение Эммануила, по мнению Э. С. Смирновой, связывает иконографию Знамения и с семантикой чуда Воплощения. Это подтверждается тем, что «композиции, подобные нашей иконе, с Эммануилом в медальоне и без, в московских источниках этого времени (с кон. XV в. - И. А.) часто называют “Богоматерь Воплощение”, указывая тем

---

¹⁶³ Стерлигова И. А. Святыни Успения Богоматери в произведениях древнерусского искусства XII–XIV веков. С. 555–556.

¹⁶⁴ Связь с Покровским культом иконографии Знамения усматривает М. Плюханова, которая трактует развитие почитания иконы как этап становления на Руси идеи Покрова. Сюжету легенды (правда, в позднем развитии ее виде) исследовательница находит параллель в чудесном спасении Царьграда от русов, персов и авар 626 г. при заступничестве Влахернской Богоматери (см.: Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995. С. 31-37).

¹⁶⁵ Смирнова Э. С. Новгородская икона «Богоматерь Знамение»: некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб. 1995. С. 289.

¹⁶⁶ Там же. С. 290, 292.

самым на догму инкарнации как на основу данного типа иконографии, а в новгородских – “Знамение Пречистые”, обозначая этим словом уже не событие 1169 г., а икону и иконографический тип»¹⁶⁷.

Апеллируя к этому семантическому оттенку иконографии, исследователь определяет состав святых на обороте иконы как родителей Марии: Иакова и Анну. Нетипичность изображений этих святых (Иакова – седым короткобородым старцем, Анны – юной) автор объясняет наследованием отдельных византийских иконографических традиций¹⁶⁸.

Возвращаясь к текстам подобной тематики, можно добавить, что в Софийской I летописи под 6712 г. сюжет чудесной помощи ризы Богоматери в 626 г. имеет подробность, которая перекликается со Знаменской легендой: как и при осаде Новгорода, враги города «ослепоша»¹⁶⁹. Источником этого сюжета считается Еллинский летописец, откуда текст попал в Новгородско-Софийский свод¹⁷⁰. Однако этот мотив ослепления врагов отсутствует в рассказе о Влахернском чуде в проповеди Феодора Синкелла, описывающей нашествие варваров на Константинополь в 626 г. Победа там приписывается заступлению Богородицы, которая «потопила их [варваров] моноксилы вместе с командами перед собственным ее Божиим храмом во Влахернах»¹⁷¹. Феофан Исповедник говорит о чудесном заступничестве кратко: «благодаря Божией помощи, могуществу и заступничеству Непорочной Девы Богоматери»¹⁷². Нельзя не вспомнить похожее выражение в кратком рассказе НИ: «силою крестною и святою Богородицею»¹⁷³.

---

¹⁶⁷ Там же. С. 290.

¹⁶⁸ Там же. С. 300 – 302

¹⁶⁹ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. VI. Вып. 1. Стб. 260.

¹⁷⁰ Творогов О. В. Летописец Еллинский и Римский: текстологические и источниковедческие проблемы // Летописец Еллинский и Римский. СПб., 2001. Т. 1. С. 181–183.

¹⁷¹ Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. 2. С. 87.

¹⁷² Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II: Византийские источники / Сост. М. В. Бибииков. М., 2010. С. 115.

В сходных выражениях говорится о подобном чуде, случившемся в 860 г. в Малых хрониках: «предстательством Всеславнейшей Богородицы»¹⁷⁴. Сам патриарх Фотий во Второй гомилии говорит, что «пресвятое облачение» Богоматери «обошло стены», и враги ушли от города¹⁷⁵.

Житие Андрея Юродивого с близким сюжетом было известно в Новгороде уже в XII в. Согласно Житию, перед нашествием русов блаженный Андрей, молясь перед богородичными иконами, увидел Богородицу, плачущую и молящуюся. Богородица вошла в алтарь и оттуда распростерла над коленопреклоненными перед образами людьми свой омофор. Важно, что именно в Новгороде начинается почитание Покрова Богородицы¹⁷⁶, культ и иконография которого неоднократно связывалось с различными богородичными образами. Но сам по себе культ Покрова на Руси (и в Византии) представляет едва ли не еще более спорную проблему, поэтому разработка прямой связи Знаменского культа с Покровом сегодня может лишь усугубить комплекс не разрешенных вопросов.

Текстуальные корреляции с мотивами Влахернской традиции могут быть прослежены и далее. Вторая гомилия Фотия продолжает византийскую традицию воззваний к Богородице о заступлении за осаждаемый город: «мы воспряли душами, возложив упования на Мать Слова и Бога нашего, подвигая Ее уговорить Сына... умиловать прегрешения... Ее покров обрести стеною неприступною, Ее умоляя сокрушить дерзость варваров...

---

¹⁷³ НПЛ. С. 32.

¹⁷⁴ Там же. С. 184.

¹⁷⁵ Здесь и далее текст гомилий Фотия цитируется в переводе П. В. Кузенкова по изд.: *Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003. С. 60. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/IX/860-880/Fotij/text1.htm> (дата обращения: 12.12.2012).*

¹⁷⁶ Кириллин В. М. Похвальное Слово празднику Покрова пресвятой Богородицы неизвестного древнерусского автора: особенности содержания, место и время составления // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (49). С. 13–27.*

дать защиту отчаявшемуся народу, заступиться за собственное стадо; и пронося Ее облачение, дабы отбросить осаждающих и охранить осажденных»¹⁷⁷.

Обширные совпадения с византийскими рассказами о чудотворениях богородичных икон и реликвий ставят под сомнения и устное происхождение новгородских текстов о Знамени. Характер смысловых заимствований наталкивает на мысль о литературном происхождении ряда сюжетных моментов. К тому же поздние нарративные источники только расширяют ряд заимствований из гомилий патриарха Фотия, о чем речь пойдет ниже.

---

¹⁷⁷ Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г. М. Восточная литература. 2003 С. 41-42.

4. *Компиляции новгородских летописных версий рассказа об осаде Новгорода в 1170 г.*

Версия событий, изложенная в КНЛ нашла отражение не только в восходящих к ней напрямую летописях, но и в памятниках, имеющих куда более сложную структуру интересующего нас известия.

Таковыми являются тексты статей за 1170 г. в Новгородской четвертой (далее – Н4), Новгородской Карамзинской (2-я подборка) и Софийской первой летописей, а также летописи Авраамки (далее – ЛА).

Тождественность текстов рассказа в С1, Н4 и НК2 показывает, что он сложился при составлении их общего протографа - *Новгородско-Софийского свода* (далее – НСС). Как показано Е. Л. Конявской¹⁷⁸, этот рассказ представляет собой компиляцию текстов Н1 и КНЛ. И хотя компилятор стремился максимально использовать имевшийся у него материал, акцент он смещает на фабулу легенды, фокусируя внимание на чудесном заступничестве Богородичного образа.

Приведем текст Н4 с определением фрагментов, совпадающих с Н1 (выделение жирным) и КНЛ (выделение подчеркиванием):

«Ходи из Новагорода Даньславъ Лазоутиничъ на двинуу дани имать въ 500 моужъ; и срѣтоша Суздалици на Бѣлѣозѣрѣ въ 7000 моужъ, и бишася и падѣ Соудалѣцъ 1000 и 300, а Новгородецъ 15 моужъ; и взяша на Заволочанехъ дань, а другоую на Суздальскихъ смердехъ. На зимоу приидоша Соудальци ратью к Новугороду на Сборъ, князь Романъ Андрѣвичъ, а с нимъ князь Мъстислаъ с Смолняны и с Рязанцы, с Моуромци, с Торопъчаны, с Полочаны, вся земля просто Руская; и бысть всехъ князеи 72, а в Новѣгородѣ бѣаше князь Романъ молод. Владыка Юанъ, посадникъ Якоунъ вынесоша икону изъ съвятаго Спаса съ Иль[и]ны оулицы святоую Богородицю на острогъ на десятинѣ. И съездѣшася по 3 дні, въ 4-и же день на среду, мѣсяца февраля 25, на святого Тарасья, попоустиша

¹⁷⁸ См.: Конявская Е. Л. Об этапах формирования легенды о Знаменской иконе. С. 78.

стрѣлы, аки дождь оумножень, на острог; и обратися икона лицемъ на градъ,
и паде на нихъ тма на полѣ, и ослѣпоша вси И вышедше Новгородци, овыхъ
избиша, и иныхъ **изимаша, а прокъ зѣ отбѣгоша; и продавахоу Сузда[лца]**
по двѣ ногатѣ, и оуставиша праздновати праздникъ знамению святей
Богородици мѣсяца ноября 27 на память мученика Иякова Перьскаго»¹⁷⁹.

Важным сходством с Н1 здесь, является то, что сообщение о Двинском походе Даньслава Лазутинича включено в статью 6677 г. Характерно, что в целом, статья 6677 г. в этих летописях представляет собой перечень чудес, сотворенных чудотворными иконами (Владимирской иконой Божией Матери, затем Знаменской иконой): «В лѣто 6677. Чюдо сътвори Богъ новое: изгна Богъ и святая Богородица злаго и гордаго лживаго лътеца, пронырливаго врага Феодора, бѣлого клобучка, отъ святѣй Богородици и отъ всея земля Ростовьскыя¹⁸⁰. Того же лѣта пособи Богъ и святая Богородица Михалку Юрьевичю, за домъ святѣй Богородици бися с Половци, посла бо его братъ Глѣбъ; Михалко же скоро иде, акы на ловы, съ братомъ своимъ Всеволодомъ, а воевода у него Володиславъ Яневъ братъ, и побѣди Половци, а Половци взяша Полонное и Мемыч». И далее сразу: «Ходи изъ Новагорода Даньслав Лазутиничъ на Двину дани имать... »¹⁸¹.

В повествовании об осаде Новгорода летописи, восходящие к НСС, ближе к версии КНЛ. Князь Роман лишь упомянут, ядром сюжета становится акт чудотворения от иконы, главными героями действия – архиепископ Иоанн и посадник Якун, выносящие икону на острог: «...владыка Иоанъ, посадникъ Якунъ вынесоша икону изъ святого Спаса, съ Ильины улицы, святую Богородицу, на острогъ на Десятинѣ... ..попустиша стѣлы акы дождь умножень на острогъ, и обратися икона лицемъ на градъ, и паде на нихъ тма на полѣ и ослѣпоша вси»¹⁸².

---

¹⁷⁹ ПСРЛ. Т. IV. Вып. 1. С. 163-164.

¹⁸⁰ Этот первый сюжет отсутствует в С1.

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 163-164.

¹⁸² Там же

Как в целом ряде вариантов рассказа легендарной версии, здесь Мстислав Андреевич назван Романом – видимо, именно такой вариант был использован при составлении сводной редакции. Однако, вероятно, что ошибка сказалась и далее: при сведении одного протографа с текстом Н1, вместо Романа и Мстислава остается только Мстислав, поскольку один Роман был уже назван. Вероятно, такого рода «гаплография» произошла и в результате путаницы в процессе компилировании двух источников, при том, что среди названных по именам четырех князей оказалось два Романа и два Мстислава.

Новшеством по сравнению с ранними вариантами легендарной версии в Новгородско-Софийском своде является название церкви, откуда выносят икону: «вынесоша икону изъ святого Спаса, съ Ильины улицы». Важно отметить и то, что здесь локализовано место столкновения даннического войска новгородцев с ратью, посланной Андреем Боголюбским: «и срѣтоша Суздалцѣ на Бѣлѣозерѣ». В Н1 такого упоминания нет, среди летописей, восходящих к КНЛ, его содержит только Тр. В. А. Кучкин отказывал в достоверности этой детали, встречающейся в «позднейшей редакционной обработке рассказа в Новгородской четвертой летописи»¹⁸³.

Е. Л. Конявская предполагает, что это позднее представление о месте битвы «могло отражать либо некий промежуточный этап развития текста (от версии Краткого новгородского летописца – к версии более позднего пространного Сказания), либо быть следствием вторичного влияния летописей новгородско-софийского круга на окончательный текст Тр»¹⁸⁴.

---

¹⁸³ См.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в XI–XIV вв. М., 1984. С. 92. Примеч. 280.

¹⁸⁴ Конявская Е. Л. Об этапах формирования легенды о Знаменской иконе. С. 74.

Нельзя не заметить, что Белоозеро достаточно далеко отстоит от Заволочья. Если целью обоих отрядов было Подвинье¹⁸⁵, то Белоозеро находилось на пути новгородцев, но едва ли через него могли двигаться суздальцы. Неправомерно также видеть в «суздальских смердах», на которых взяли дань новгородцы, жителей Белоозера. Речь идет о том, что новгородцы взяли дань на двинянах («свою», которая им причиталась) и на суздальских смердах. Но «свою» на Белоозере они взять не могли, т. к. Новгород не имел там владений, стало быть, события должны были происходить на Северной Двине.

Вопроса о месте столкновения Даньслава с суздальским войском касался и М. Б. Свердлов. Он связывал с изменением представлений о месте битвы, изменения в численности участвовавших в ней ратей. Отталкиваясь от местоуказания: «ходи... за Волокъ», ученый предполагал, что Даньслав совершал набег на союзные Суздали Торопецкие и Полоцкие земли, и, собственно, на Владимиро-Суздальские владения за Волоком Ламским. Летописи действительно упоминают о таких походах новгородцев¹⁸⁶. Однако, по замечанию Е. Л. Конявской, выражением «за Волок» традиционно обозначались земли Заволочья, лежащие в основном в Подвинье¹⁸⁷. Кроме того, принимая во внимание вышеизложенные предположения, в случае с походом за Волок Ламский, еще труднее допустить номинацию торопецких или полоцких смердов «суздальскими». Таким образом, я не нахожу оснований полагать, что Даньслав Лазутинич ходил за Волок Ламский.

---

¹⁸⁵ А. Н. Насонов обратил внимание на то, что Мстислав Андреевич, по сообщению Лаврентьевской летописи, еще ранее - в 1166 г. ходил «за Волокъ» (Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. С. 171).

¹⁸⁶ Конявская Е. Л. Об одном из этапов формирования легенды о Знаменской иконе // Восточная Европа в древности и средневековье. Материалы конференции. М., 2009. С. 148.

¹⁸⁷ Там же.

В Н4, вслед за КНЛ, обозначено и место установления иконы: «вынесоша икону... на острогъ на Десятинѣ». Имеется ли в виду район города или земли во владении князя – не ясно. Более поздние источники будут определять место более широко – как расположенное рядом с Десятинным монастырем. Здесь же впервые определяется местоположение иконы – церковь Спаса на Ильине улице.

Редакция ЛА использовала обе новгородские версии сюжета. Повествование о походе Даньслава имеет сходство с кратким текстом КНЛ: «В лѣто 6676. Ходи Даньславъ Лазутиничъ на Двину имати дани въ 500 мужъ, и придоша на нихъ Суждалцевъ 1000 и 500, и бишася крѣпко, и убиша Суждалцевъ 800 человекъ, в Новгородцевъ убиша 15 мужъ, и дань взяша, и поздорову придоша»¹⁸⁸.

Рассказ же о февральских событиях по большей части взят из рассказа Н1, но в ряде случаев есть заимствования из версии КНЛ¹⁸⁹: «В лѣто 6677. Придоша к Новугороду князь Романъ Андрѣвичъ и Мьстиславъ съ Смолняны, с Рязанци, с Торопьчаны, с Переяславци, с Ростовци, с Муромци, с Полочаны, съ всѣми своими князми, и вся земля Руская, и бысть всѣх князей 72. Новгородци же сташа твердо о князи Романѣ Мьстиславичи, Изяславлѣ внуцѣ, бяше бо дѣтеск, и устроиша острогъ, а посадникъ Якунь; придоша же ко Новугороду въ недѣлю, на съборъ, и съѣздишася по 3 дни, а въ 4 день, въ среду, приступиша силою и бишася весь день до ноши, и пособи Богъ князю Роману Мьстиславичю с Новгородци, **Февраля 25, силою крестною и святою Богородицею и молитвами святого владыкы Ильи, овыхъ иссѣкоша**, и инихъ руками **изымаша**; тогда продааху Суждалца по двѣ ногатѣ»¹⁹⁰.

---

¹⁸⁸ ПСРЛ Т. XVI. Стб. 45.

¹⁸⁹ Подчеркнутый текст соответствует версии КНЛ, выделенный – версии Н1.

¹⁹⁰ Там же. Стб. 45-46.

Пояснение «бѣше бо дѣтескъ» (в отличие от вышерассмотренного варианта, где Роман «молод») говорит о том, что источником послужил младший извод Н1, что само по себе свидетельствует о позднем формировании редакции. Можно утверждать с уверенностью, что использован был не Комиссионный список, поскольку в Комиссионном читается: «нѣ еще бо тогда дѣтескъ бѣше сѣи», а все остальные списки младшего извода представляют чтение: «нѣ дѣтескъ бѣше»¹⁹¹. Кроме того, как и во всех списках младшего извода, кроме Комиссионного, в редакции ЛА говорится об устройении около города *острога*. В Комиссионном же читается: «город около города». Информация о возрасте князя помещена в другое место рассказа (по сравнению с Н1). Н1мл подчеркивает детский возраст Романа, когда говорится о победе в битве, в ЛА же эта ремарка перенесена к первому о нем упоминанию. При этом князь именуется Романом Мстиславичем (в Н1 – без отчества). Композиция текста в целом следует версии КНЛ.

Список войск, присоединившихся к войскам Мстислава Андреевича несколько отличен от соответствующего в Н1: к нему добавлены переяславское и ростовское войска. Последнее можно отнести к ростовской составляющей в сфере интересов составителя ЛА, которая еще ждет своего пристального изучения. Отсутствует упоминание о суздальском войске, участие которого, видимо, считалось само собой разумеющимся. Читается мотив 72 князей.

Есть и незначительные изменения текста: говорится, что битва шла не до вечера, а до ночи, добавлено, что Роману «пособил Бог» и др.

В ряде случаев построение фраз и смысловая последовательность оказываются неправильными, поскольку составитель «собирал» свой текст уже из готовых фраз и фрагментов. Так, понятно, что княжества, войска которых согласно редакции ЛА (как, впрочем, и в редакции Н4) были

---

¹⁹¹ НПЛ. С. 221; Новгородская первая летопись. Берлинский список. СПб., 2010. С. 225.

выставлены в помощь Мстиславу Андреевичу, не могли отправить с ними 72 князя. В этом смысле метафоричность мотива 72 князей приходит в противоречие с ориентированным на документальность перечислением. Столь же очевиден «шов» и в отношении упоминания Якуна, которое напоминает вставку. Судя по форме этой части фразы («а посадникъ Якунь»), она взята из версии КНЛ, но размещена неудачно. В КНЛ она вписана в перечисление политических и духовных лидеров (князь, посадник и архиепископ), вокруг которых объединились осажденные новгородцы, известие о устройении острога следует потом. В ЛА ситуация обратная, упоминание архиепископа в начале статьи опущено, характеристика Романа списана с Н1мл, а упоминание Якуна следует уже после известия о устройении острога.

Впрочем, непоследовательность при соединении материала разных источников – это лишь внешняя сторона редакции ЛА. Гораздо сложнее объяснить саму цель ее создания, поскольку, используя из КНЛ отдельные детали, ее составитель не отразил легенду о Знамени, которую не мог не знать из того же источника, восходящего к КНЛ, из которого сделал отдельные заимствования.

Стоит обратить внимание на еще один поздний летописный свод – Устюжский летописец (далее – Уст), созданный не в Новгородской земле, но содержащий интересную компиляцию версии КНЛ и какого-то северо-восточного летописного источника. Наличие на участке до 90-х годов XII века Ростовского материала и новгородских известий в этом летописном памятнике отмечалось в научной литературе¹⁹². При этом известно, что Устюжский летописец содержит новгородский материал, который может

---

¹⁹² См., например: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV-XV вв. Л.: Наука, 1976. С. 192; Добровольский Д. А. Устюжская летопись в контексте летописания XIV-XVI вв. // Рябининские чтения – 2007. Отв. ред Т. Г. Иванова. Музей-заповедник «Кижы». Петрозаводск, 2007. <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/485.html>.

отсутствовать в новгородских летописях. И это понятно, поскольку Устюг располагался на самой границе Ростовской земли.

События 1170 г. описаны тут кратко, без рассказа о Двинском походе:

«В лето 6677. Князь Андреи Юрьевичь посла сына своего Мьстислава на Новград ратью, а с ним 72 князя и множество вои. И приступиша ко граду, уже взяти его. Они же вынесоша на град образ¹⁹³ Пречистые Одигитрие. И по грехом один князь муромец стрелил на город и приде во образ иконы. Она же отврати лице на град, а ратныя вси послепоша, имаша ратных руками».

Начало рассказа не совпадает ни с текстом Н1, где сын князя Андрея назван «Андреевицем», ни с КНЛ, где его имя либо отсутствует, либо читается с ошибкой (как Роман). Зато оно почти точно повторяет соответствующее известие «Летописца Русского» - памятника, опубликованного А. Н. Насоновым: «6677... Того же лѣта посла Андрѣи сына своего Мьстислава на Новгород Великий»¹⁹⁴. Далее статья содержит текст, близкий КНЛ: упомянуты 72 князя, описано вынесение иконы «на град», после того, как икона повернулась ликом ко граду, «ратные все ослепоша» и их «имаху... руками». Однако в тексте Уст читаются подробности, не читаемые в прочих текстах, отразивших версию КНЛ. Иконографию образа рассказчик определил как Богоматерь Одигитрию (а не Знамение, принадлежащую к типу Оранты). Обозначен и человек, чья стрела попала в образ: «по грехом един князь муромец стрелил на град и прииде во образ иконы».

Краткие летописные статьи до конца XII века имеют в Устюжском летописце абсолютно просуздальскую направленность. В данном случае заинтересованность в делах соседнего Новгорода и знание легенды, видимо,

---

¹⁹³ Для цитирования избран текст так называемого Архангелогородского летописца – второй редакции Устюжской летописи как более исправный (ПСРЛ. Т. 37. Л. 1982. С. 68). В списке Мациевича (первой редакции) читается «иконы» (Там же. С. 28). Множественное число здесь, видимо, описка, поскольку дальше речь идет об одной Одигитрии.

¹⁹⁴ Летописный свод конца XV в. // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2. С. 290.

пришли в столкновение с поддержкой позиции Андрея Боголюбского. Так, скорее всего, и появился некий «муромский князь», выстреливший в икону, - это в определенной мере снимало с Мстислава и суздальцев ответственность за богопротивное деяние. Характерно, что и в последней фразе враги названы не суздальцами, как в новгородских летописях, а абстрактно – «ратными». Муромские полки упомянуты в новгородской версии, в «антиновгородской», как мы увидим далее, говорится, что муромский князь «сына послал». В летописях отмечен муромский князь Юрий, который умер в 1174 году. У него было два сына – Владимир и Давыд. Один из них мог быть послан в поход на Новгород и, соответственно, оказывался, согласно Устюжскому летописцу, виновником того, что осаждавших Новгород постигла божественная кара.

Наконец, отчасти при анализе легендарной версии могут быть привлечены Новгородская вторая (XVI в.) и Новгородская третья (XVII в.) летописи. В Новгородской второй летописи известие и походе Даньслава отсутствует, а о походе на Новгород говорится в одной фразе, читатель не узнает даже, чем эта акция закончится: «В лѣто 6677. Приидоша [с]уздалци к Новугороду Мстиславъ Андреевичъ, а с ним 70 князеи и два удѣльныхъ, и вся Руская земля, при архиепископи Илии»¹⁹⁵. Здесь причудливо соединились черты легендарной версии в позднем варианте – с 72 князьями – и имя архиепископа в варианте Н1. Причем символической цифре 72 попытались придать фактическую достоверность. Сын Андрея Боголюбского, как и в Устюжском летописце, назван правильно.

В Новгородской третьей летописи представлен текст, зависимый от Сказания (без Двинского похода), завершающийся оригинальной фразой: «И до сего дни святая Богородицына икона чудодѣствует и цѣлбы даруетъ»¹⁹⁶.

---

¹⁹⁵ Новгородские летописи. С. 9.

¹⁹⁶ Там же. С. 193.

Итак, рассказы о походе на Новгород 1170 года в новгородских летописях дают ценную информацию об этих событиях и позволяют увидеть оценки этих событий современниками и потомками. На их основе можно проследить ранние этапы складывания Знаменской легенды, хотя и не все остается до конца ясным. Так, остается вопрос о причинах переноса празднования иконе на 27 ноября, вопрос о времени установления празднования. Из этих повествований остается неясным ход военных действий, причины неудачи союзнических войск, поскольку в источниках происходившее представлено фрагментарно. Привлечение рассказов новгородских летописей (Лаврентьевской, Летописца Переяславля Суздальского, Ипатьевской) отчасти поможет восполнить картину событий.

На имеющемся материале сложно говорить, был ли зафиксирован первоначальный вариант легенды в летописном источнике (КНЛ, или подобный текст) или же это был текст типа краткого проложного рассказа, используемого в церковной практике местного почитания иконы.

Текстологический анализ дает возможность представить предварительную картину генетических взаимоотношений основных новгородских летописных повествований о событиях 1170 г., что отражает прилагаемая стемма. В ней НИ – это дополнительный нелетописный источник, а N – промежуточный протограф ряда летописей (если исходить из гаплогрфической ошибки, этот этап должен быть исключен).

Рассказ Н1, по-видимому, был составлен в ближайшее время после событий. В первой половине XIV в. был создан КНЛ, где воинская повесть Н1 была заменена легендарным сюжетом. Коль скоро мы полагаем, что празднование осуществлялось уже, по крайней мере, к первой половине XIV в., а без текстов культ существовать не может, приходится признать, что какие-либо тексты – хотя бы проложные – уже существовали. Вероятнее всего, КНЛ отражает именно такой текст или испытывает влияние подобного текста. Более поздние летописи наследуют именно этот легендарный сюжет. Повествования в летописях, восходящих к НСС, а также в ЛА имеют, как

было показано выше, компилятивный характер, соединяя материал Н1 и КНЛ.

Мотив 72 князей присутствует лишь в НБЛ в виде поздней приписки, в ЛЕП и поздних компиляциях, Белоозеро – в Тр и поздних летописях, название церкви – только в поздних.

Сходство текстов и некоторая их неупорядоченность заставляет допускать существование промежуточного протографа, общего для рассказов Рог и Псковских летописей.

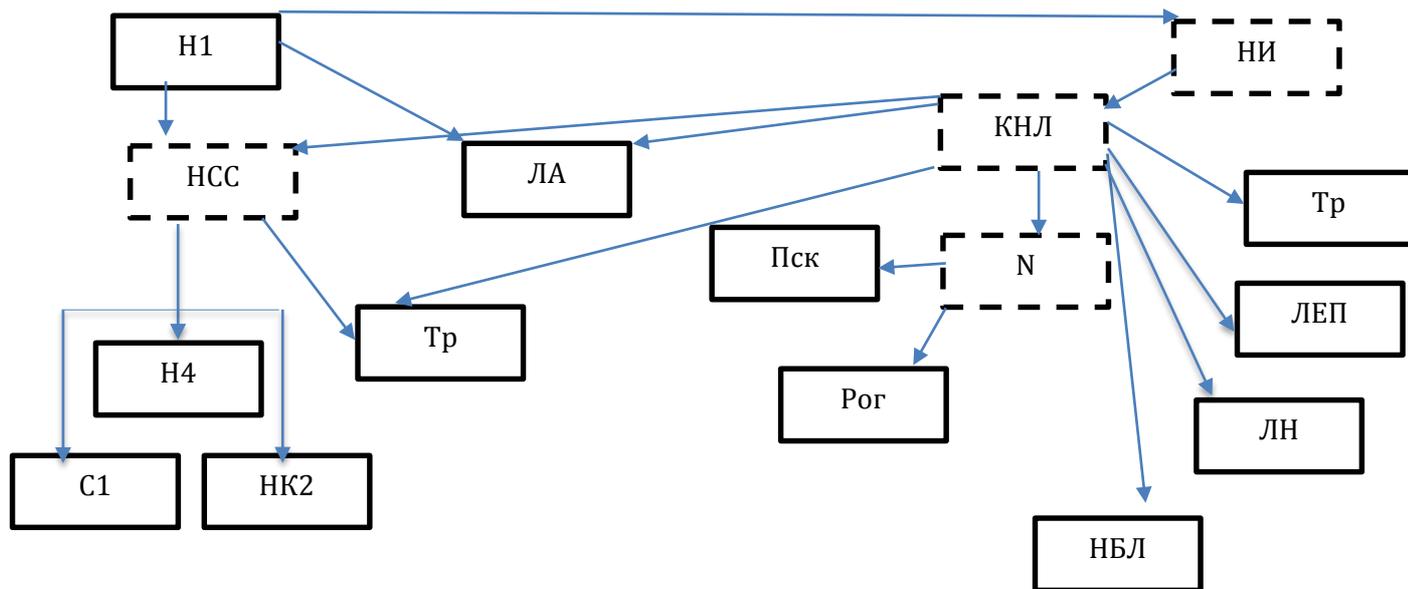
В свете вышеприведенных корреляций с библейскими мотивами и мотивами византийских источников, восходящих к Влахернскому чуду, возникают серьезные сомнения в долгом устном бытовании легенды.

Исходя из изложенного выше, следует полагать, что более широкое празднование иконе установлено не позднее начала XIV в., но, видимо, позднее Покровского, коль скоро тексты месяцесловов имеют отсылки к службе Покрову, а иконография и семантика двух образов имеет сходные черты.

В определенной мере, в связи с семантической связью иконографии самого чудотворного образа, в качестве палладиума, вопреки мнению В. Л. Янина, образ, скорее всего, был выбран целенаправленно. Поздние летописи называют церковь Спаса на Ильине улице как место хранения иконы, современное событиям 1170 г. Спасская церковь находится в Словенском конце Новгорода. Учитывая, что острог, на который выносят икону, располагался на Десятине, в Людином конце, можно предполагать, что эта деталь является художественным вымыслом, создающим впечатляющую картину несения через весь город.

Вопрос о установлении даты празднования 27 ноября остается открытым, материал рассмотренных текстов и предполагаемые текстологические связи не дают достаточной информации для его решения. Рассмотрение более поздних источников, так или иначе наследующих фактический материал летописей, соответственно, также не даст дополнительных сведений,

касающихся этого вопроса. Очевидно лишь то, что, по крайней мере, в XIV в. дата битвы начинает замещаться датой празднования, что может быть обусловлено наличием в числе протографов летописных известий, наследующих версию КНЛ, но с сокращением, пример которого мы наблюдаем в Тр.

Глава 2. Осада Новгорода в 1170 году по «антиновгородской» версии

1. Предыстория событий в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях

Не только победившая сторона зафиксировала события 1170 г. в целом ряде текстов. Версия их противников сохранилась в Лаврентьевской (далее – Лавр) и Летописце Переяславля Суздальского (далее – ЛПС), а также в Ипатьевской (далее – Ип) летописях.

Датировка первоначального текста повествования представляет определенную сложность, но нужно полагать, что уже во Владимирском своде 1185 г. читалась подобная статья. Таким образом, мы имеем дело с ранним летописным текстом, отразившимся в Лавр (и ЛПС) и Ип, как будет показано, в разных редакциях.

Помимо вышеозначенных «старших» текстов, эта версия сюжета, названная Л. А. Дмитриевым «антиновгородской», представлена и рядом более поздних летописных памятников, как правило, заимствовавших текст в редакции Лавр без существенных изменений. В отличие от версии новгородского летописания, этот сюжет не обнаруживает динамики развития нарратива, но, напротив, тяготеет к сокращению текста.

Также, в отличии от новгородского сюжета, тексты антиновгородской версии не имеют значительной истории изучения и специально не рассматривались, хотя упоминались в работах, посвященных летописанию XII – первой половины XIII вв. Кроме того, ученые часто обращали внимание на заключительный пассаж рассказа, где летописец рассуждает о новгородской «вольности в князьях» и злоупотреблениях ею новгородцами.

Краткую характеристику этих текстов дал в своей работе Л. А. Дмитриев¹⁹⁷. Более подробно рассмотрены данные источники в работе Б. Н.

---

¹⁹⁷ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII-XVII вв. С. 108-111.

Флори¹⁹⁸. Тем не менее целый ряд текстологических проблем остается нерешенным.

Летописные статьи Лавр, ЛПС и Ип за более ранний период – с 1160 г., – позволяют понять установки летописцев при изображении и трактовке событий, приведших к конфликту Новгорода и Суздаля. Надо отметить, что основным источником сведений об этом времени тут Ип. Лавр вовсе не содержит известий о киевском княжении Мстислава Изяславича, ЛПС столь же кратка. По всей видимости, сказывается работа южнорусского редактора.

Так, в мотивации действий суздальцев и Андрея Боголюбского в событиях 1169–1170 гг. ошутимо акцентируется нарушение новгородцами некоего договора.

Новгородские летописи, как было сказано выше, упоминают о нем одной единственной фразой под 6669 г.: «Уладися (в мл. изв. – урядися) Ростислав съ Андрѣем о Новѣгородѣ»¹⁹⁹. Владимирские летописцы упоминают новгородскую вольность в князьях, которую, в свою очередь, возводят к грамоте Ярослава Мудрого, согласно легенде, дарованной Новгородцам. На самом же деле подразумевается известная практика новгородцев заключать с приглашенными князьями ряд, обуславливающий полномочия и обязанности князя. Превышение первых и небрежение вторыми могло служить поводом для изгнания князя с новгородского стола.

Очевидное ограничение роли князя в Новгороде в пользу вече наблюдается в 30-е годы XII в. как результат так называемой «новгородской революции», приведшей помимо того и к смене назначаемого князем посадничества выборным. С этого времени такие отношения с князем в Новгороде устанавливаются в полной мере, князь действует строго следуя заключенному с ним ряду. Свидетельством такого положения вещей является, в частности, известие новгородского летописца о том, что после

---

¹⁹⁸ Флоря Б. Н. Новгород и князья в XII в. // Великий Новгород и средневековая Русь. М., 2009. С. 295-299.

¹⁹⁹ НПЛ. С. 31, 218.

неудачных походов Всеволода на Суздаль, на вече ему были выдвинуты претензии, что привело к сведению князя с новгородского стола²⁰⁰.

По замечанию В. А. Кучкина, приглашаемый князь должен был соответствовать двум условиям: «обладать достаточной военной мощью для осуществления оборонительных и наступательных планов новгородцев и иметь достаточную материальную базу для обеспечения населения республики продовольствием при часто случавшихся в Новгороде неурожаях, голоде и море»²⁰¹.

Смена князей на новгородском столе отвечала изменению политической обстановке. Потомок ослабевшей ветви изгонялся, чтобы освободить стол для более сильного князя. Для княжеских династий, в свою очередь, контроль над Новгородом являлся важной вехой геополитики, вследствие чего, столкновения интересов тут были неизбежны.

Подобную природу имеет и конфликт, в ходе которого союзнические войска осаждали Новгород в феврале 1170 г.

Согласно Ип, конфликт Новгорода и Суздаля берет начало в 1160 г., когда новгородцы сажают в Ладогу Святослава Ростиславича после заявления Андрея Боголюбского: «Андрѣи же снимастася съ Изяславомъ на Волоцѣ и посла к Новгородцемъ, река им “Вѣдомо буди хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ, а хрсть есте были цѣловали ко мнѣ на томъ ѣко имѣти мене княземъ собѣ, а мнѣ вамъ хотѣти (*вар. XII – добра*)”. И ѡтоле начашася Новгородци масти и вѣче начаша творити»²⁰². Лавр и новгородские летописи не содержат упоминания об этой декларации Андрея. Что послужило в данном случае источником для составителя Ип, трудно утверждать однозначно, учитывая сложную структуру этого свода. Однако, поскольку это сообщение содержит и информацию о некоем

---

²⁰⁰ См. там же. С. 24.

²⁰¹ Кучкин В. А. Русь перед 1327 г. Нашествие Батыя. Русь под игом // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М.: Р. Валент, 20. С. 67-78.

²⁰² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 509-510.

крестоцеловании Новгородцев суздальскому князю, отнюдь не комплиментарную характеристику новгородцев, можно думать, что оно унаследовано непосредственно из Владимирского свода (скорее всего, Свода 1185 года). Однако, это заставляет искать объяснение отсутствию подобной информации в Лавр. Известие мог опустить переяславский редактор, либо можно предполагать, что составитель Ип заимствовал этот текст из стороннего по отношению к общему с Лавр протографу, источника, в первоначально владимирском происхождении которого, впрочем, сомневаться не приходится.

Следующий шаг новгородцев летописцем Лавр представлен так: «В лѣто 6668 прислашася новгородци к Андрѣви къ Гюргевиичю, просаще оу него сѣна княжити в Новугороду, а Ростиславича Стѣслава выгнаша зане бѣ Ростиславъ ѿць ѿго измориль брат ихъ в погребѣ и многих имѣннѣ възал»²⁰³.

Надо сказать, что Ип приводит эти события в обратном порядке, по словам Т. Л. Вилкул, «Ипат главную сюжетную линию выворачивает наизнанку»²⁰⁴ : посажение новгородцев в «погреб» тут представлено ответным шагом киевского князя на арест его сына. Так или иначе, в конфликт оказывается включен киевский князь. Вероятно, это и становится причиной такой перестановки в тексте Ип, имеющей следы южнорусской редакции: «приде вѣсть к Ростиславу в Киевѣ, вже ему ѣтъ сѣнь Новѣгородѣ и повелеѣ изоимати Новгородци и оуметати ѣ оу Пересѣченьскѣи погребѣ. И в ѿдину ночь оумре ихъ дѣ мужи, и повѣдаша Ростиславу, вже задѣхлиса в погребѣ. И печалень быс ихъ дѣла и повелѣ выпустити ѣ ис погребѣ и

---

²⁰³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 351.

²⁰⁴ Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях XI-XIII вв. М.: Квадрига, 2009. С. 178. Исследовательница считает, что трактовка Ип обусловлена стремлением оправдать позицию Ростислава Мстиславича (Там же. С. 175-180).

росзвести на по городом»²⁰⁵. Как мы видели, в Лавр Святослава изгоняют за то, что его отец в Киеве изморил новгородцев.

Андрей пытается вернуть на новгородский стол некогда княжившего там Мстислава, своего брата, но новгородцы отказываются. Тогда Андрей дает новгородцам Мстислава – своего племянника («снѡвца»)²⁰⁶. Однако, вскоре, как уже отмечалось, между Андреем Боголюбским и Ростиславом был заключен некий договор, очевидно, касавшийся восстановления прав Святослава Ростиславича на новгородский стол, во всяком случае Н1 говорит о договоре Ростислава и Андрея «о Новгороде», после чего, для подтверждения этого договора в 1168 году Ростислав, будучи уже больным, прибывает в Волок, откуда посылает к Святославу с приглашением на встречу в Луках, где новгородцы целуют крест Ростиславу в подтверждение прежней присяги на пожизненном новгородском княжении его сына²⁰⁷.

По всей видимости, Святослав возвращается на княжение в Новгород. Тем не менее, спустя некоторое время после смерти Ростислава (умер он, не добравшись до Киева), в Новгороде начинаются волнения. Ип сообщает о донесении дружинников Святославу, что новгородцы хотят его «яти» и «промышляют о нем»²⁰⁸. Видимо, это вынуждает князя выехать из Новгорода (как было показано выше, об этом свидетельствует Н1) и из Лук заявить об отказе от новгородского стола. Целование новгородцами «святой Богородицы», «яко “не хотимъ его”», как отмечал Б. Н. Флоря, должно было отменить новой присягой прежнюю, данную Ростиславу²⁰⁹. Таким образом, со стороны новгородцев смена Святослава Ростиславича на другого князя формально не является нарушением данного Киеву соглашения, поскольку расторгнуто оно было по доброй воле самого князя. Во всяком случае,

---

²⁰⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 511.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ ПСРЛ. Т. 2. С. 528-529.

²⁰⁸ ПСРЛ. Т. 2. С. 537.

²⁰⁹ См.: Флоря Б. Н. Новгород и князя в XII в. С. 296.

именно такую интерпретацию дает структура текста Н1. Владимиро-Суздальская летописная традиция не упоминают этого заявления Святослава, а на нарушении договора делается основной акцент при описании действий Андрея Боголюбского в течение нескольких последующих лет. В любом случае, в ходе попыток Андрея получить под руку Киев и Новгород факт нарушения договора с киевским князем новгородцами, формального или действительного, в определенной мере развязывал ему руки.

Надо отметить, что Ип в описании эпизода пленения Святослава Новгородцами приводит любопытную деталь: «Въ лѣто 6669... и се пригна к нему (к Святославу Ростиславичу. – *И. А.*) вѣстьникъ и реч “Кнѣже, велико зло дѣтса в городѣ, хотать та людие яти”, и реч Стѣславъ: “А что есми имъ зло створиль, вже ма хотать яти, а къ ѿцю моему хресъ цѣловавше на томъ, ѿко имѣти ма кнземъ собѣ до живота моѣго”»²¹⁰. Мы имеем упоминание о некоем крестоцеловании Ростиславу на пожизненном княжении его сына в Новгороде до первого изгнания Святослава Ростиславича с новгородского стола, соответственно, до прибытия Ростислава в Луки для восстановления прав Святослава на новгородское княжение. Известий об эпизоде крестоцелования при первом восхождении Святослава на новгородский стол ни одна летопись, в том числе и сама Ип, не содержит, но нет никаких серьезных препятствий отнести к этой информации с доверием и считать, что такой договор был заключен еще при первом занятии новгородского стола Святославом²¹¹. Однако обращает на себя внимание сходство ситуаций в Ип при первом и втором изгнании (или по крайней мере, вынужденном отъезде – во втором случае) Святослава Ростиславича из Новгорода: оба раза к Святославу приходят с вестью (в первый раз – гонец, во второй – «приятели»). В речах повторяется оборот «людие хотать тя яти», так или иначе звучит укор новгородцам в нарушении крестоцелования, только во

---

²¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 510.

²¹¹ См.: Флоря Б. Н. Новгород и князья в XII в. С. 296.

второй речи летописец уточняет: «по ѡтнѣ смѣрти»²¹². Нельзя ли допустить здесь влияние второго рассказа на первый – в отношении упоминания договора о пожизненном княжении в Новгороде Святослава Ростиславича (во втором сюжете он ошибочно назван Ярославичем)²¹³? Возможно и то, что в первом случае слова гонца появляются в связи с тем, что составителю было известно, что при первом изгнании Святослава с новгородского стола, он был посажен в ладожскую крепость. В таком случае мы можем иметь обратную ситуацию: слова «приятелей» при втором изгнании Святослава приведены по аналогии с описанием первого изгнания Святослава.

Следует думать, что вече новгородцев имело вполне определенную цель: взошедший после Ростислава на киевский стол Мстислав Изяславич принадлежал другому княжескому роду, кроме того проявил себя сильным князем, предприняв в 1168 г. успешный поход против половцев во главе сводных полков киевских, чернигово-северских, переяславских, волынских и туровских. Новгородцы, вполне очевидно, стремились сменить князя, пользуясь вышеозначенной «вольностью».

Из новгородского летописания мы знаем, что в условиях попытки силового возвращения Святослава на новгородский стол новгородцы стремятся получить у Мстислава Киевского сына на княжение и, несмотря на противодействие Андрея Боголюбского, их усилия приводят к успеху: в конце концов Даньславу Лазутиничу удается прорваться, о чем сообщает Н1: «налезоша собе путь на Вяцка и Володаря»²¹⁴. Ип фиксирует это под 6675: «Том же лѣтѣ прислашася Новгородци къ Мьстиславу просаче сѣа оу него . и дасть имъ Романа»²¹⁵. При этом, учитывая обстановку, Мстислав посылает в помощь Новгороду Михалку Юрьевича с ковуями, которые, однако, были

---

²¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 510.

²¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 537.

²¹⁴ НПЛ. С. 32.

²¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 543.

перехвачены смолянами. Лавр этих сведений не содержит, как вообще не содержит никаких известий о киевском княжении Мстислава Изяславича.

Надо сказать, что отношения Мстислава с Ростиславичами, княжившими в пределах Киевской земли и поддерживавшими Андрея Боголюбского, уже были напряженными. Кроме того, о самом Андрее Ип говорит, что «**В** то же верема бѣ Андрѣи . Гюргевичь в Суждали кнѣжа и тѣ бѣ не имѣа любви къ Мьстиславу»²¹⁶.

Посаждение на новгородский стол сына его политического противника должно было означать для Андрея потерю контроля над Новгородом.

Так цепь событий привела к организации князем Андреем походов на Киев в 1169 г. – против Мстислава, и на Новгород в 1170 г. – против его сына Романа.

---

²¹⁶ Там же.

2. Рассказ о походе на Новгород 1170 года по «антиновгородской» версии

Первый поход, организованный Андреем Юрьевичем, – на Киев – закончился успешно, по лаконичному сообщению Лавр: «В лѣто 6676 выгна Мстиславъ Володимера Мстиславича ис Кыева, иде в Половци Володимеръ, а сам сѣде в Кыевѣ. Тое же зимы посла князь Андрѣи и-Суждала сѣна своего Мстислава на Кыевскаго княза Мстислава»²¹⁷.

Следующая статья приводит несколько известий о чудесах богородичных икон. Завершает ее летописец описанием осады Новгорода:

«Тою же зимы князь Андрѣи посла сѣна своего Мстислава . съ всею дружиною на Великыи Новѣгородъ . и Романъ Смолинскыи князь . с братом Мѣстиславом . и Рязаньскыи князь сѣна посла . и Муромьскыи сѣна же посла . и пришедше в землю ихъ много зла створиша . села вса възаша и пожгоша . и люди по селомъ исѣкоша . а жены и дѣти . имѣныа и скоть поимаша . придоша же к городу . Новгородци же затворишася в городѣ . съ княземъ Романомъ . и бѣхуться крѣпко с города . и многыи збиша ѿ наших и не оуспѣвше ничтоже городу ихъ възвратишася *впamt* . и вдва дома своя гаша пѣши *впamt* . а друзии людие помроша с голода . не быс бо николиже толь тажка пути людем симъ . друзии бо ѿ них и конину ѣша в великое говѣные . се же быс за наши грѣхы слышахом бо *преж* трии лѣт бывшене знаменье Новѣгородѣ всѣм людемъ видащимъ . в трех бо црѣквахъ Новгородьскыхъ . плакала на трех иконах сѣна Бѣга . провидѣвши бо мѣи Бжѣиа пагубу хотащюю быти . надъ Новымъгородом и надъ него волостью . молашеть сѣна своего со слезамѣи . дабы ихъ *втинудь* не искоренилъ . *також* *преж* . Содома и Гомора . но *тако* Ниневгитаны помилуютъ . *також* и быс . *вчивѣсто* бо Бѣ и мѣи Бѣга . избави га млстью своею . зане хрсыане суть . наказана *накажи ма реч* Гси . а смрѣти не предажь мене . гла Дѣвѣ . тако и сѣна

---

²¹⁷Там же. С. 353-354.

люди Новгородскыа наказа Бѣ . и смѣри га дозѣла за преступленье крстное . и за гордость ихъ наведе на на . и млстью своею избави град ихъ . не глѣм же прави суть Новгородци . како издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь наших но аще бы тако было то велѣли ли имъ преднии князи крсть преступити или внукуы . или правнукуы . соромлати . а крсть чстныи цѣловавше . ко внуком ихъ . и к правнукомъ . то преступати . то доколѣ Бѣви терпѣти над нами . за грѣхы навель . и наказаль по достоянью . рукою блѣговѣрнаго князя Андрѣа»²¹⁸.

Фактическая сторона повествования в Лавр очевидно отличается от новгородских текстов Знаменского цикла, хотя каких-то непримиримых противоречий не обнаруживается. Рассказ открывается перечислением войск, посланных Андреем в поход на Новгород, согласно которому войско вели Мстислав Андреевич, смоленские князья и сыновья князей рязанского и муромского. Состав войск передан, видимо, с меньшими подробностями, чем в новгородской версии, – не указаны торопецкие полки, которые шли вместе со смоленскими (с Ростиславичами) – возможно, именно потому, что шли без собственного князя – княживший в Торопце последние годы Святослав Ростиславич в начале 1170 года умер. Не отмечено участие полоцкого войска с князем во главе (Всеславом Васильковичем?). И те, и другие, кроме союзных обязательств, имели свой мотив идти на Новгород, коль скоро их земли были атакованы новгородцами в самом начале княжение Романа Мстиславича²¹⁹. В остальном состав передан так, как и в Н1, те же князья названы по именам.

---

²¹⁸ ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1. Стб. 361-362.

²¹⁹ Достоверность участия полоцких войск как союзников Андрея Боголюбского подкрепляется и дальнейшими действиями полочан: продовольственная блокада Новгорода, организованная Андреем Юрьевичем в следующем году, была бы невозможна без поддержки Полоцкого княжества. Кроме того, известно участие полочан в походе на Киев 1173 г., организованного тем же Андреем Юрьевичем.

В отличие от новгородской версии здесь говорится о «зле», которое сотворили войска на новгородской территории – Новгородским селам и их жителям. Когда союзники начали осаду, подчеркивается, что новгородцы «крепко» бились из города, и много пало их противников («наших»): «...приидоша же къ городу, Новгородци же затворишася в городѣ съ княземъ Романомъ и бѣхуться крѣпко с города и многы избиша ѿ наших...». Таким образом, о битве как таковой – с выходом осажденных из крепости на «поле» – не сказано ничего. Далее следует рассказ о пути назад и его тяготах.

Разночтения рассказа Лавр с ЛПС малозначимы, исключением является утверждение, что князь смоленский Роман «сына посла», в то время как и в Лавр, и в Ип говорится, что он сам идет с братом Мстиславом: «Тое же зимы кнѣзь Андрѣи посла сѣна своего Мѣстислава съ всею дружиною на Великий Новѣгород и Романъ, кнѣзь Смоленский, сѣна посла, и Муромский кнѣзь сѣна посла»²²⁰. Возможно, более поздний редактор или переписчик написал это по аналогии с посылкой сыновей другими участниками похода. Но более вероятно, что здесь допущен пропуск нескольких слов (*между* кнѣзь Смоленский и сѣна посла) по невнимательности переписчика.

Ип же имеет более существенные отличия, как в повествовании об осаде, так и в описании начала конфликта. Так, Ип развернуто повествует о киевском княжении Мстислава Изяславича, определяя нелюбовь к нему Ростиславичей. Мстислав Изяславич рисуется в самых положительных тонах: «Въ лѣто 6678. Вложи Гѣ в сердце Мстиславу Изяславичу мысль блѣгу въ Руской земли занеже еѣ хотяще добра всимъ сердцем и съзва братью свою и нача думати с ними». Причины же озлобления братьев объяснены происками дьявола и злыми речами Бориславичей: «искони же вселукавыи дѣяволъ не хотаи добра всакому хрѣстѣану и любви между братиами. Начаста молвити Бориславича Петръ и Нестеръ злѣ рѣчи на Мѣстислава къ Давыдови

---

²²⁰ Летописец Переяславля-Суздальского / Изд. К. М. Оболенским. М., 1851. С. 79-80.

лжюча»²²¹. Навет заключался в сообщении Давыду о том, что Мстислав якобы хочет убить его и братьев, пригласив их к обеду. Давыд и Рюрик вынудили Мстислава к крестоцелованию на том, что он не замышляет злого на них, сами в ответ целовали ему крест. Однако же «и вна къ нему крсть цѣловаста, вбаче срдце ихъ не бѣ право с нимъ»²²². Об Андрее Боголюбском в тексте Ип сказано отдельно: «В то же верема бѣ Андрѣи Гюргевиць в Суждали княжа и тѣ бѣ не имѣа любви к Мьстиславу». Как результат в 1169 г. по Ип: «Тои же зимѣ посла Андрѣи сѣна своего Мьстислава с полкы своими ис Суждала на Киевьского кнѣза на Мьстислава на Изяславича»²²³. После этого следует поход на Новгород.

Это событие сдвинуто по хронологии (как и ряд других за эти годы), Ип приводит его под 6681 г. Сама статья имеет сложный характер и непоследовательна. Нарушение хронологии заключается и в том, что, как отмечал Н. Г. Бережков²²⁴, осада Новгорода по Ип случилась уже после смерти Мстислава Изяславича. Вероятно, летописец стремился выдержать сюжетную целостность известий, последовательно изложив киевские события периода княжения Мстислава Изяславича, продолжив повествование до момента его смерти, и лишь потом переключился на новгородские. Сама статья об осаде выглядит так:

«Въ лѣтѣ . . . ѡ . . . па. Ходи Романъ. Ростиславичъ . . . съ братомъ Мьстиславомъ . . . Андрѣи же посла сѣна Мьстислава . . . со всею дружиною . . . и со всеми полкы Ростовьскими. и Суждальскими . . . и Разаньскыѣ князи посла и

---

²²¹ ПСРЛ СПб., 1908. Т. 2. С. 541.

²²² Там же. С. 543

²²³ Там же. С. 543.

²²⁴ См.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 183-186. При этом исследователь утверждает, что «во владимиристо-суздальском источноу южнорусского свода начала XIV в. сообщенио о походе на Новгород читалось, конечно, под правильным обозначением года, как теперь читается в Лаврентьевской летописи и сходных, т. е. под 6677 (1169/70) г. по мартовскому стилю» (Там же. С. 184).

Муромьскыи князѣ посла . с полкы . и Бориса Жирславича . воеводу же своего на Романа на Мьстиславича . къ Великому Новгороду . и толико бы^с множество и вои. ако и числа нѣтуть . и пришедше толко в землю ихъ . много зла створиша . села взаша и пожьгоша . и люди исѣкоша . а жены и дѣти имѣниа взаша . и скоты поимаша . и придоша же къ городу . Новгородьци же затворишася в городѣ со княземъ Романомъ . и бѣяхуться крѣпко из города полци же пришедше сташа далече города . и приходяще полци бѣахуса крѣпко оу города . Мьстиславъ же бѣ въѣхавъ ворота и пободѣ мужей нѣколко, возвратися шпять къ своимъ. бы^с же моръ великъ въ конѣхъ и въ полкохъ. и нѣ оуспѣша ничтоже городу ихъ . и възвратишася шпять въ своа си . и шдва дома своа . доѣхаша пѣши . а друзии людье помроша з голода . и не бы^с бо николиже толь тажъка пути людемъ симъ . друзии бо ѿ нихъ и конину ѣдоша. и въ великое говение се бы^с за наша грѣхы . слышахомъ преже трѣи лѣтъ . бывъшее знамение в Новѣгородѣ всимъ людемъ выдашимъ . въ трѣхъ бо црѣвахъ Новгородьскы^х . плакала . на трехъ иконахъ сѣа Бѣа видѣвши бо Мѣи Бѣи пагубу хотащюю быти надъ Новымъгородомъ . и надъ его волостью . молашеть бо . сѣа своего со слезами . абы ихъ ѿинудъ не искоренилъ . такоже преже Содома и Гомора . но тако Ниневьгитаны помилова такоже и бы^с видномо бо Бѣи и Мѣи Бѣиа избави млѣтью своею . зане хрѣтыанѣ суть пишеть бо гла Двдъ . наказатъ накази ма . рече Гѣи . смѣрти не предаи мене . тако и сѣа люди Новьгородьскыа . наказавъ и смири та до зѣла . за преступление крѣтное . и за гордость ихъ . наведи на на . млѣтью своею . избави гра^д ихъ . не глѣмъ же прави суть Новьгородци . прадѣдъ (*вар.* – прадѣди) князь нашихъ . но злое невѣръствие в нихъ вкоренилоса . крѣтъ къ княземъ преступати и князѣ внукуы и правнукуы . шбеществовати . и соромлати. а крѣтъ чѣтныи к нимъ цѣловавши преступати . то доколѣ Гѣви терпѣти над ними за грѣхы навель . и наказа по достоаанью рукою блговѣрнаго княза Аньдрѣа»²²⁵.

²²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 560–561.

Характерно, что при перечислении войск первыми в списке нападающей стороны названы Ростиславичи, а не Мстислав Андреевич: «Ходи Романъ. Ростиславичъ . съ братомъ Мъстиславомъ . Андрѣи же посла снѣ...». Также добавляется, что Мстислав Андреевич идет не только с дружиной, но и с ростовскими и суздальскими полками: «Андрѣи же посла снѣ Мъстислава . со всею дружиною . и со всеми полкы Ростовьскыми и Сужьдальскими». Содержательно это практически ничего не меняет по отношению к тексту Лавр, поскольку «вся дружина» должна включать и ростовские, и суздальские полки.

Эти отличия выдают руку южнорусского летописца, который расставляет акценты соответственно со своими интересами. М. Д. Приселков, в частности, полагал, что Киевская летопись – одна из составляющих Ип – использовала в качестве вспомогательного источника «семейную хронику Ростиславичей»²²⁶. К летописанию Рюрика Ростиславича относит этот текст Б. Н. Флоря²²⁷. Кроме акцентуации интересов Ростиславичей (ведь именно их брата Святослава изгнали новгородцы), иной порядок перечисления мог быть связан с логикой старшинства: Роман и Мстислав выступают здесь как самостоятельные единицы, в то время как все остальные, согласно Ип, «посланы» Андреем Боголюбским. Кроме того, мы знаем из текста Лавр, что от других земель выступали сыновья старших князей, в свою очередь, «посланные» отцами.

Ип содержит фактический материал, которого нет в Лавр. Тут подчеркивается величина войск: «и толико бы^с множество и вои. ако и числа нѣтуть». Представлены подробности относительно хода военных действий. Оказывается, что полки стояли далеко от города, видимо, чтобы не подвергаться обстрелу со стороны осажденных, и периодически подходили к стенам, где «бяхуса крѣпко оу города».

---

²²⁶ См.: Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 88–89. Правда, исследователь отмечал следы этих записей несколько позже – с 1172 г.

²²⁷ Флоря Б. Н. Новгород и князья в XII в. С. 299.

Только в Ип сообщается, что «Мьстиславъ же бѣ въѣхавъ ворота и пободъ мужей нѣколко, возворотися ѡпять къ своимъ». Какой Мстислав здесь имеется в виду – неизвестно, но коль скоро эту подробность сократили во Владимирском своде, скорее, речь идет о Мстиславе Ростиславиче (на месте этого добавочного текста Ип в Лавр читается: «и многы избиша ѿ наших»).

Только в Ип читается: «быс же морь великъ въ конѣхъ и въ полкохъ». Хотя в Лавр-ЛПС нет прямой информации о море коней, но говорится, что союзники вернулись в свои дома пеши, т. е. отсутствие такого прямого указания – скорее всего, результат сокращения. Голод также мог быть следствием пешего, более длительного перехода, если бы не падеж коней, возможно, провианта хватило бы. Болезнь и голод сделали столь тяжелым путь домой.

Есть здесь деталь, дополняющая рассказ Лавр, которая касается владими́ро-суздальских сил: отдельно назван воевода князя Андрея - Борис Жидиславич.

Имеются существенные отличия в Лавр и Ип и в заключительной сентенции:

Лавр-ЛПС	Ип
не глѣм же прави суть Новгородци .	не глѣмъ же прави суть Новьгородци .
<i>ако издавна суть свобожени</i>	прадѣдъ (вар. – прадѣди) князь
<i>Новгородци</i> прадѣды князь наших но	нашихъ . но <i>злое невѣръствие в нихъ</i>
<i>аще бы тако было то велъли ли</i> ²²⁸	<i>вкоренилоса</i> . крсть къ княземь
<i>имъ преднии князи</i> крсть преступити	преступати и <i>князь</i> внукуы и
или внукуы . или правнукуы .	правнукуы . <i>ѡбеществовати</i> . и
соромлати	соромлати.

В текстах курсивом выделены непересекающиеся фрагменты.

---

²²⁸ Нет в ЛПС

Отсутствующие в Ип слова «яко издавна суть свобожени Новгородци» опущены и в Московско-Академической летописи. Это заставляет думать, что такой пропуск был уже в каком-то из промежуточных протографов, а не является результатом правки составителя текста Ип. Что же касается последующей вставки в Ип, или, вернее замены, одного текста другим, то здесь уже нужно видеть работу южнорусского книжника. Б. Н. Флоря обратил внимание на сходные упреки новгородцев в «неверности» (т. е. по сути дела в предательстве), вложенные в уста дружины Святослава Ростиславича, – как реакцию на весть о том, что новгородцы что-то замышляют против князя (1167 г.). О новгородцах в этой статье говорится, что они «невѣрнии суть всегда. ко всимъ кнзѣмъ»²²⁹. Ученый объяснил нарушение последовательности текста в дидактической сентенции рассказа Ип под 1170 г. попыткой вставки в нее слов, заимствованных из речи дружинников Святослава²³⁰. Представляется, что для трактовки данной части фразы как собственно вставки текстуальной общности недостаточно, но общность смысловая, безусловно, прослеживается. Так или иначе, нарушение смысла фразы в Ип объясняется вмешательством в текст киевского сводчика с целью усилить негативную характеристику новгородцев.

Таким образом, восстановить первичность версий Лавр или Ип весьма затруднительно. Видимо, обе версии представляют по-разному отредактированный общий протограф: владимирская редакция несколько сокращает текст²³¹. В частности, имя Бориса Жидиславича (Жирославича) могло быть убрано по той причине, что к моменту оформления рассказа в Своде 1185 года Борис оказался в стане врагов Всеволода Юрьевича (под

---

²²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 537.

²³⁰ Флоря Б. Н. Новгород и князья в XII в. С. 299.

²³¹ Эта тенденция (наличия общего северо-восточного протографа в Лавр и Ип, сокращения Лавр этого протографа – используемого в более раннем, чем Ип, варианте) неоднократно отмечалась в литературе в отношении известий второй половины XII века.

патронажем которого создавался свод). Южнорусская версия ряд деталей сохранила, текст же в целом, по-видимому, отредактировала, расширив вступительную часть, где теперь подчеркивалась роль Ростиславичей, а также по припоминаниям добавила эпизод с героическими действиями Мстислава Ростиславича.

Очевидно, что мы имеем картину, отличную от новгородской версии. Военное противостояние представлено как подступы осаждающих к городу, видимо, с попытками штурма, которые чередуются с отступлением войск на значительное расстояние от крепости. Описано разорение Новгородских земель, а также бедствия союзнических войск по пути домой. Военная неудача и бедствия на обратном пути трактуется как расплата за грехи. Тема грехов тут вообще доминирует – новгородцы наказаны нашествием врагов за гордыню, но, «зане хрестьяне суть», милостью Богородицы избавлены от разорения города. Какие грехи навлекли бедствия на их противников – не объясняется.

Причиной похода на Новгород объявляется нарушение новгородцами договора о пожизненном княжении Святослава: хотя новгородцам и дано право «свободы в князьях», это свобода не освобождает их от верности крестоцелованию. Таким образом, подразумевается, что Андрей Боголюбский, являясь гарантом вышеупомянутого соглашения, предпринял поход на Новгород, дабы восстановить права Святослава Ростиславича.

Особый интерес вызывает то, что в тексте, читающемся в Лавр, ЛПС и Ип, имеется мотив знамени, но не повторяющий сюжет новгородской версии. Здесь говорится о трех плачущих богородичных иконах. Идентифицировать эти образы весьма сложно – ранние летописи не содержат подобной информации за предыдущие десять лет. Возможно, это отголоски того же феномена иконы Знамение, смутно доносившегося до иных земель. Так или иначе, как показано А. В. Лаушкиным, знамения, согласно представлениям летописцев, не имели фатального характера, а являлись «лишь инструментами в руках Бога, который с их помощью хочет вразумить

людей и привести их к исправлению, и в зависимости от реакции последних может или излить обещанный в знамениях гнев, или остановить его»²³². Во всяком случае, едва ли можно считать случайным, что рассказ о походе на Новгород оказался в Лавр в череде повествований о чудесах от богородичных икон: Владимирской Богородицы (изгнание Федорца и павшая на него кара), Богородицы Десятинной (в борьбе с половцами). Сразу после этих рассказов идет повествование об осаде Новгорода. Единство статьи, всех ее пространных сюжетов подтверждается повторяющейся сентенцией: Богородица наказывает в первом случае Федорца «рукою бл̄гочтивою ц̄рскою . правдиваго и бл̄говѣрнаго княза Андрѣа», во втором – новгородцы наказаны Богом «по достоянью . рукою бл̄говѣрнаго княза Андрѣа».

Итак, в определенном отношении представленный событийный фон антиновгородской версии оказывается шире, нежели в новгородских летописях, что позволяет существенно дополнить информацию о конфликте Суздаля и Новгорода во второй половине XII века, приведший к военному столкновению 1170 г. и последующей блокаде Новгорода, вынудившей новгородцев согласиться на требования Андрея Боголюбского.

При этом уникальные сведения Ип дают дополнительную пищу для размышлений. Упомянутый мор «в людехъ и конехъ» позволяет думать, что некая болезнь помешала боеспособности союзнической армии, что выглядит вполне вероятной причиной столь крупного поражения. Собственно, сам текст о море указывает на это обстоятельство как на причину неудачи: «бы^с же морь великъ въ конѣхъ и въ полкохъ. и нѣ оуспѣша ничтоже городу ихъ . и възвотишася впять въ своаси», – далее идет рассказ о тяготах пути.

Текстуальных совпадений повествования новгородская и антиновгородская версии не обнаруживают, прямого взаимного влияния не наблюдается. Единственное совпадение мотива, и то весьма относительное, –

---

²³² Лаушкин А. В. Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье. Вып. 1. Книжная культура. М., 1998. С. 41.

это отмеченное выше упоминание трех плачущих новгородских икон (как знамения). Возможно, это упоминание является рефлексом новгородского предания о чуде от Знаменской иконы

Таким образом, имеют место существенные различия антиновгородской и проновгородской версий сюжета: разграбление Новгородской земли и отступление союзных войск остаются за рамками проновгородского повествования, антиновгородский же вариант не содержит известий о Двинском столкновении и почти не касается событий битвы. Однако антиновгородская версия обнаруживает собственную линию радения Богородицы о Новгороде: сообщает о трех плачущих иконах в новгородских церквях, а фраза «провидѣвши бо мѣи Бжїѣ пагубу хотащую быти . надъ Новымъгородом и надъ него волостью . молашеть Снѣ своего со слезамї . дабы ихъ втинудь не искорениль . *ѣ*кожъ преже . Содома и Гомора . но *ѣ*ко Ниневгитаны помилуютъ . *ѣ*кожъ и быс», – как и в новгородских текстах, упоминает заступничество Божией Матери, благодаря которому новгородцы были спасены. Для сколько-нибудь определенного утверждения явно не хватает имеющегося материала. Мы можем иметь дело как с новгородской легендой о чудотворении от иконы Знамение трансформировавшийся в актуальный как для архаической, так и для христианской традиций мотив «провидящего плача», так и с некоей словесной формулой, которую составитель свода счел уместной в данном контексте. Учитывая широкое почитание Богородицы на Руси, с высокой долей вероятности утверждать именно влияние новгородской легенды было бы опрометчиво.

3. Развитие антиновгородской версии в летописании XV–XVI веков

Рассматриваемый вариант сюжета был воспринят многими более поздними летописями. Так, в Троицкой летописи, судя по выпискам М. Н. Карамзина, читалась повесть в варианте Лавр. М. Н. Карамзин привел лишь заключительную дидактическую сентенцию: «не глаголемъ: прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь нашихъ. Не велѣли имъ преднїи князи крестъ преступати, или внукуы или правнукуы соромляти. То доколѣ Богови терпѣти?», – с припиской «и проч.»²³³.

Вопреки мнению Л. А. Дмитриева (не подкрепившего его текстологическими выкладками)²³⁴, Московский свод 1479 года (далее – МС), Софийская 1 младшего извода (включая и список Царского) и Воскресенская летописи представляют текст, аналогичный Лавр: первым назван Мстислав Андреевич, упомянута только княжеская дружина, дидактическая часть прозрачна, въезд Мстислава Андреевича в городские ворота не упомянут. Кроме несущественных разночтений вроде замены слов и фраз синонимичными, в МС (и Воскресенской летописи) немного изменена только заключительная фраза, где вместо «...за грѣхы навель . и наказаль по достоянью . рукою блгѡвѣрнаго княза Андрѣа» читается «но наводитъ сиа грѣхъ ради наших и по достоянью нашему наказуеъ нас»²³⁵, что, видимо, актуализировало «мораль» для читателя в XV–XVI вв., переводя ее в более общий план. Вместе с тем, важным штрихом является то, что в МС (и Воскресенской) князь рязанский (пославший сына) назван по имени – Глеб, чего нет в ранних летописях. Такое уточнение имени еще одного Ростиславича, войска которого приняли участие в походе, скорее всего, было

---

²³³ *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. Л., 1956 (2-ое изд. – СПб., 2002). С. 249.

²³⁴ Ученый писал, что эти летописи «ближе к Ипатьевской» (Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. С. 109).

²³⁵ ПСРЛ. М., 1949. Т. XXV. С. 81–82; ПСРЛ. Т. 7. С. 87.

плодом эрудиции позднего редактора, но иное происхождение (из протографа, имевшего эту деталь) нельзя исключать. С1мл повторяет Лавр практически без разночтений.

В Ермолинской летописи читается сокращенный вариант – без ряда подробностей и заключительных оценок: «**В** лѣто 6678... Тоя же зимы князь Андрѣи Юрьевич посла сына своего Мстислава на Великии Новѣградъ, съ нимъ же Рязаньскаго князя сынъ и Муромьскаго и Смоленский князь (*вар.* – князи) Романъ и Мстиславъ; идуци много зла створиша и приидоша ко граду, а в немъ затворися с Новгородци Романъ Мстиславичъ Изяславичъ. И не успѣвше граду ничтоже, но язву приимше, възвратишася, и бысть имъ тяжекъ путь тѣи, яко мнози з голоду перемроша, а инии лошадину ѣли в Великое говѣино»²³⁶.

Так же к варианту Лавр восходят тексты в Своде 1497 и Уваровской летописи (свод 1518 г.), а также Львовской.

Необычную компиляцию, несущую следы поздней порчи текста, читаем во Владимирском летописце. Начало – состав войск, причинение зла Новгородским землям, – является кратким пересказом антиновгородской версии, близкой к Лавр, далее рассказывается о защитниках города по новгородской легендарной версии в позднем ее варианте (с упоминанием церкви Спаса на Ильине), а затем снова по антиновгородской версии рассказывается о бесславном возвращении войск, вынужденных питаться кониной, напоминание о трех плачущих иконах. Дидактическое заключение отсутствует.

Таким образом, летописи конца XV – первой половины XVI в., использовавшие в качестве источников летописные тексты, близкие к Лавр, имеют тенденцию к сокращению текста, в ряде случаев, не включая в сообщение всю дидактическую часть или отдельные ее фрагменты:

---

²³⁶ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 48.

рассуждения о вине новгородцев, библейские аллюзии и тему наказания за грехи как нападающей стороны, так и осаждаемой.

Это может быть как простым сокращением текста, так и урезанием не представляющей собой необходимой части повествования, ввиду потери актуальности суздальско-новгородского противостояния.

Особую картину представляет повествование в Никоновской летописи.

Никоновская летопись, которой свойственны сложные компиляции, соединяет новгородскую и «антиновгородскую» версии. Л. А. Дмитриев утверждал, что соединение произведено механически и привело к дублировкам. Последнему он приводит лишь один пример: дважды упоминается Роман Мстиславич – по новгородской, а затем по антиновгородской версии²³⁷. Однако приведенный пример едва ли можно назвать дублировкой: первый раз говорится, что в городе в это время был Роман Мстиславич (а также архиепископ Илья и посадник Якун) – здесь сводчик ориентируется на фабулу новгородской легендарной версии. Это лишь констатация обстоятельств перед военным столкновением. Второй раз сводчик действительно использует антиновгородскую версию, но говорит уже о *действиях* Романа и новгородцев: они затворились в городе и крепко бились. Действия союзников, разоряющих новгородские земли, и сама битва описаны по версии Лавр, однако тут же сообщается о вынесении иконы Богородицы из церкви Спаса на Ильине и прямо говорит о переговорах, которые не привели к успеху, – уже по новгородскому летописанию: «и послы отъ обоихъ по три дни съѣзжахуся, и ничтоже мирнаго сотвориша»²³⁸. Упоминаются 72 князя. Датой битвы названо 25 февраля. Чудо от иконы описано согласно поздним редакциям легенды, вероятно, протографом послужил уже нелетописный нарративный текст, поскольку упомянута молитва новгородцев к Богородице об избавлении от нашествия

---

²³⁷ См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. С. 110.

²³⁸ ПСРЛ. М., 2000. Т. IX. С. 242.

иноплеменных (в поздних нелетописных источниках она приписывается архиепископу). Завершается статья опять же смешением известий новгородской и антиновгородской версий: на противника падает тьма, новгородцы выходят из города и берут полон, те нападающие, кому удалось бежать, «конину ѳдыху во святыи великій постъ»²³⁹.

Есть и добавления составителя Никоновской летописи. Как это свойственно своду, прослежена родословная князя Романа – до Владимира Мономаха (про Андрея Боголюбского сказано лишь, что он сын Юрия Долгорукого); об архиепископе рассказывается: «сей бо Илья пръвый архіепископ Новугороду, его же пресвященный Иванъ, митрополит Кіевскій и всеа Руси, благослави именоватися архіепископом Новгородцким»²⁴⁰. У Якуна появляется не известно откуда взятое отчество – Андреевич. К «тьме», павшей на неприятеля новгородцев, добавлено пояснение: «пепел». При этом здесь не устанавливается связь между обстрелом суздальцами городских стен и обращением лика Богородицы к городу – Богоматерь совершает это после молитвы новгородцев и именно в ответ на их мольбы посылает тьму на их врагов.

В результате этих сложных компиляций и собственных домысливаний составитель рассказа в Никоновской летописи создал весьма оригинальный рассказ.

В ряде поздних летописей использованы не летописные, а нелетописные нарративные тексты. О них речь пойдет в следующей главе.

---

²³⁹ Там же. С. 242.

²⁴⁰ Там же. С. 241.

Глава 3. Развитие рассказа о новгородских событиях 1170 г. в нелетописных памятниках

Как было выяснено, первые следы легенды о Знаменском чуде обнаруживаются в новгородских летописях, имевших среди протографов КНЛ. Несколько позже появляются компиляции нарративов Н1 и КНЛ, в частности в НСС, упоминающие вынос иконы из церкви Спаса на Ильиной.

Л. А. Дмитриев классифицировал весь корпус нелетописных текстов, которые обозначил как «Сказание о знамени». Он отметил, что эти тексты встречаются как в календарных сборниках (прологах и минеях), так и сборниках смешанного состава²⁴¹. Ученый определил группы близких текстов, как правило, содержащих в названии «Слово» («Слово о Знамени...», «Слово на Знамение...»), условно этой группе дается название «Слово». Вторая группа, по тому же принципу, условно названа «Воспоминание» («Воспоминание знамени бывшего иконою...», «Воспоминие бывшего знамени и чудесе...»²⁴²). Отдельно выделен текст, содержащий компиляцию «Слова» и «Воспоминания» – так называемая Сводная редакция. Помимо этих общих групп исследователь называет также «Службу Знамению» и «Слово похвальное Знамению». Л. А. Дмитриев установил также наличие «Сказания» в составе «Жития Иоанна Новгородского», использование сюжета в Степенной книге. Отмечены авторские переработки этих текстов в XVII в., в том числе редакция Грамотина²⁴³.

---

²⁴¹ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII-XVII вв. С. 111.

²⁴² Безусловно, степень условности этих двух названий – «Слово» и «Воспоминание» – различная. Если «Словом» древнерусские книжники называли самые различные тексты разных жанров, то «Воспоминание» в данном случае может рассматриваться как самоназвание.

²⁴³ Там же.

Нелетописные источники более развернуто, нежели летописные известия, говорят о событиях 1170 г., актуализируя тематику Знаменского чуда для своего времени. Эти повествования, как и рассказы в летописях, восходящих к НСС, соединили материал обоих новгородских рассказов – Н1 и КНЛ. При этом они все более в жанровом отношении удалялись от традиции воинских повестей, выстраивая сюжет согласно образцам сказаний о чудотворных иконах.

1. Нелетописные памятники Знаменского цикла XV века

Наиболее ранним нелетописным произведением Знаменского цикла принято считать «Слово о Знамени Пресвятой Богородицы». Как уже отмечалось, Л. А. Дмитриев относил его создание к XIV в., считая, что к этому столетию относится список «Слова» из пергаменной праздничной минеи Софийского собрания № 396²⁴⁴. После передатировки рукописи А. А. Туриловым (им было обоснована дата – вторая четверть XV в.²⁴⁵) О. В. Лосева определила древнейший список в Прологе РНБ. Ф.п.І. 48 (датируется 1431–1434 г., окончание текста утрачено)²⁴⁶. В 2009 г. памятник был издан О. В. Лосевой по трем наиболее ранним спискам: Пролог ГИМ. Увар. № 325, Минея РНБ. Соф. № 396 и Пролог РНБ. Ф.п.І.48. Стоит отметить, что все рукописи исследовательница датирует примерно первой третью XV в.²⁴⁷

По событийному ряду сюжет «Слова» близок к легендарным версиям летописных рассказов о Знаменском чуде (в позднем компилятивном варианте), но это развернутое литературное произведение, причем развитие получает именно «чудесная» сторона сюжета.

Уже первые слова памятника определяют главное событие, вокруг которого будет строиться повествование, и это – знамение: **Створисѧ знамение велико и преславно ѿ иконы стѣѧ Бѣѧ.**

А затем звучит уже совсем не свойственный новгородским летописным версиям тезис о законном владении новгородцами своими землями и

---

²⁴⁴ Там же. С. 111–112.

²⁴⁵ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. М., 2002. С. 8, 15. Примеч. 8.

²⁴⁶ Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой четверти XV вв. М., 2009. С. 202.

²⁴⁷ «Слово о Знамени Пресвятой Богородицы» // Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой четверти XV вв. С. 328–334. В дальнейшем текст «Слова» будет цитироваться по этому изданию, за исключением отдельно отмеченных цитат.

вольности в князьях: в Новѣгородѣ сице бо живущемъ новгородцемъ и владѣбаху своєю областью тако же имъ Бѣ поручилъ а кнѣзѣ держаху по свои воли. Тут же единственный раз упоминается Роман Мстиславич, как княживший в это время в Новгороде – внукъ Изяславль.

Это вступление – целиком оригинальная часть текста. Его появление и направленность нетрудно объяснить. Очевидно, что новый памятник Знаменского цикла создается в связи с усилиями новгородской владычной кафедры создать пантеон «своих» святых²⁴⁸, среди которых фигура архиепископа Иоанна была призвана занять важное место. После обретения мощей архиепископа (1439 г.) возникла необходимость в его прославлении. И хотя краткое его Житие к этому времени, видимо, уже существовало, целый ряд его деяний не был по достоинству освещен. Л. А. Дмитриев писал, что Первоначальная редакция Жития не содержит датирующих признаков, и датировал ее временем до середины XIV века, только исходя из того, что, коль скоро в нем не отразился сюжет Знаменского чуда, то создание его следует отнести к более раннему времени, чем, как он полагал, возникло «Сказание». На его взгляд, в Житии святого «чудо от иконы Знамение должно было быть хотя бы упомянуто»²⁴⁹. Однако роль Иоанна в сюжете об осаде Новгорода видится нам таким значимым лишь в результате столь широкого распространения его почитания в более позднее время и известности на сегодняшний день Знаменского сюжета. Если взять первоначальный краткий текст летописей, восходящих к КНЛ, то архиепископ здесь назван в числе присутствующей в крепости городской элиты, и его роль вовсе не подчеркивается. Все трое – князь, посадник и владыка – выносят икону, более Иоанн не упоминается. Это все не ставит

---

²⁴⁸ По словам А. Г. Боброва, «архиепископ Евфимий II стал демонстративно создавать культ новгородских святых и новгородской старины» (Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 213).

²⁴⁹ См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. С. 150.

под сомнение достаточно раннее происхождение Первоначальной редакции Жития Иоанна (там немало биографических и исторических реалий), но заставляет отказаться от связи датировки Первоначального жития со временем возникновения легенды.

Акценты в «Слове» смещены таким образом, что победой новгородцы обязаны не военному искусству, не случайной удаче (мор коней и проч.), но Божией помощью, милости Богородицы, обращением к которой Новгород обязан архиепископу. И именно ему, по его молитве, был глас и явлено чудо.

После вышеуказанного вступления описывается поход Даньслава, причина которого дана также весьма тенденциозно – с позиций прав новгородцев на сбор дани с Двинских земель, которые двиняне неправоммерно пытались нарушить в пользу Андрея Боголюбского. Для восстановления нарушенного порядка был послан отряд Даньслава Лазутиничя. Князь Андрей отправил свой отряд, услышав о предпринятом походе новгородцев: *Андрѣи и посла на нихъ полкъ свои тысящю и ѿ. сотъ. Они же начаша перенимати ихъ на Бѣлѣ озерѣ и начаша сѣбити и пособи Бѣ новгородцем, и оубиша ѿ полку Андрѣева ѿ. сотъ мужь... новгородчевъ же паде ѿ. мужь.*

Разгневавшись, князь Андрей посылает сына с полками на Новгород (как и в КНЛ, сын Андрея Юрьевича ошибочно назван Романом). Новгородцы, узнав о приближающихся врагах, устроили острог. После короткого заимствованного из летописной версии сообщения о трехдневном стоянии войск под стенами Новгорода, составитель «Слова» обратился к материалу легенды. «**В ѿ-юю же ноць**» молившийся о спасении города архиепископ Иоанн, по божественному гласу, велит взять икону Богородицы из церкви Спаса на Ильиной улице и вынести на острог **противу супостатъ**. Архиепископ посылает за иконой дьякона, которому икона в руки не дается. Тогда архиепископ сам отправляется в Спасскую церковь, где молится образу Богородицы о заступничестве, и начинает петь «канун молебонъ». По шестой песни «движется икона особе» и дается Иоанну в руки. Архиепископ

передал образ двум дьяконам, и через весь город ее пронесли на острог, **идеже нынѣ кѣсть монастырь стѣга Бѣца на Десѣтинѣ**²⁵⁰. Автор «Слова» добавляет, что после попадания в икону стрелы **видѣ архієписѣ Іванѣ текѹща слъзы ѿ чстнѣга иконы, и пригѣтъ въ фелонь свои.** Новгородцы же **плакахѹсѣ, кождо себе видаще погыбель свою,** а суздальцы уже самонадеянно **оулицы розьцли на свога городы.** Далее приводится описание битвы, близкое к соответствующим текстам летописей, восходящим к НСС. При этом здесь раскрывается смысл символического ослепления врагов: **такоже при Моисии, тако проведе Бѣ жиды сквозѣ Черьмноє море, а фараона погрѹзи,** – и домысливаются последствия ослепления суздальцев: **и начаша сѣ бити межи собою.**

Новгородцы вышли из города, разбили противника, взяли полон, и **ѿтоле ѿгасѣ чсть и слава сѹздальскага и продагахѹ сѹздальча по двѣ ногатѣ.** Завершается «Слово» сообщением об устроенном архиепископом празднике в честь победы и чудотворения от иконы. О датах битвы и праздника не упоминается, кроме фразы **«придоша сѹждалци на Сѡборѣ»**, что, как было сказано выше, однозначно является временным индексом «на Соборную неделю».

Полной текстуальной близости «Слова» с летописными редакциями нет, за исключением некоторых топосных чтений (например, «овыи избиша, а прочья изымаша руками», «спустиша стрѣлы, яко дождь умножень»), либо фраз, ставших, может быть, поговорками, как, например: «и оттоле отьяся чсть суждальская и слава» или «продаваху суждальць по 2 ногатѣ».

При этом в отдельных случаях обнаруживается текстуальная близость «Слова» и с ЛА, и с летописями, восходящими к НСС.

Так, в ряде списков «Слова», как и в ЛА, среди двинувшихся на Новгород полков названы ростовцы и переяславцы, говорится, что союзные полки шли **«со всеми князьми»**, совпадает количество погибших суздальцев в Двинском

---

²⁵⁰ Там же. С 332–333.

столкновении. Есть в «Слове» и сообщение о приступе суздальского войска к стенам Новгорода, которое отсутствует в летописях, восходящих к КНЛ и НСС (там говорится только об обстреле города лучниками), но было в версии Н1, из которой перешло в ЛА:

Н1	Н4	ЛА	«Слово»
Въ четвертыи же день въ среду приступиша силою и бишася весь день ²⁵¹	Въ четвертыи же день, въ срѣду мѣсяца февраля 25 на память святаго отца Тарасья, попустиша стрѣлы, аки дождь умножень на острогъ ²⁵²	Въ четвертыи день въ среду приступиша силою и бишася весь день до нощи ²⁵³	Начаша приступати вси полкы рѹсьстии къ граду

Е. Л. Конявская замечает, что время создания «Слова» и Н4 (из которой с наибольшей вероятностью могла быть известна в Новгороде редакция текста НСС) примерно совпадают, соответственно, теоретически можно рассматривать различные варианты последовательности их появления и взаимосвязи²⁵⁴. Однако «Слово» едва ли является первичным, хотя бы уже потому, что посадник Якун, известный по летописным сообщениям, не упоминается в его тексте. Нет в нем и даты победы. Сомнительно и восхождение к общему источнику, поскольку, как было показано, редакция НСС имеет сложную компилятивную структуру. Можно ли утверждать, что «Слово» восходит непосредственно к версии Н4?

²⁵¹ НПЛ. С. 33.

²⁵² ПСРЛ. Т. IV. С. 163.

²⁵³ ПСРЛ. Т. XVI. Стб. 45.

²⁵⁴ Конявская Е. Л. Об этапах формирования легенды о Знаменской иконе. С. 80.

В пользу такого предположения текстологических фактов немного. Фрагмент, где говорится о выходе новгородцев из крепости и о победе над неприятелем, в «Слове» более всего сходствует с соответствующим в Н4:

Н1	Н4	Рог	НБЛ	ЛА	«Слово»
Овы исѣкоша, а другыя изымаша, а прокъ ихъ злѣ отбѣгоша	И вышедше новгородци , овыхъ избиша, а инихъ изымаша, а прокъ злѣ отбѣгоша	И вышедше новгородц и, побѣдиша суждальцев ь	Новгородь ци же, вышедъ, побиша суждальцев ь	Овыхъ иссѣкош а, и инихъ руками изымаш а	И изидоша на поле, овыи избиша, а прочага изымаша руками

Как можно видеть, в Н1 и заимствовавшей из нее текст ЛА нет информации о выходе из города, остальные же (летописи, восходящие к КНЛ) не сообщают, как новгородцы поступили с побежденными врагами.

К числу таких фактов можно отнести и упоминание церкви Спаса на Ильине улице, Белоозера.

Однако эти сходства слишком незначительны по сравнению с очень существенными различиями.

Наряду с отмеченным вступлением, дающим новые интерпретации событий, новшеством является и упоминание о гневе князя Андрея, а также сообщение о его болезни, по причине которой, согласно пониманию позднего сочинителя, он отправил войско во главе с сыном²⁵⁵.

²⁵⁵ На самом деле князь Андрей не возглавлял и предыдущий (киевский) поход, как представляется, не в силу болезни (о которой ничего не известно), а в силу уже солидного возраста (о возрасте Андрея Боголюбского см.: Пежемский Д. В. Опыты М. М. Герасимова по восстановлению внешнего облика древнерусских князей // «Хвалам

Глас, услышанный Иоанном-Илией, икона, дающаяся в руки только ему, – также новые мотивы, введенные с целью создать вокруг образа архиепископа ореол святости. Бог избирает его трижды: сначала дав ему глас, после – дав ему в руки икону, в третий раз – дав ему знамение – истечение слез от богородичного образа.

Обращает на себя внимание описание поведения жителей города. Если в Н1 новгородцы «сташа твърдо о князи Романѣ о Мъстиславлици», в других текстах они выносят икону на острог, а затем побеждают, то здесь автор неоднократно подчеркивает подавленное состояние новгородцев, они не предпринимают попыток противостоять врагу, а лишь уповают на помощь Богородицы:

- новъгородци же слышавши тѹ силу великѹ на нихѹ градушю и въ скорби быша велици и въ сѣтовании мнозѣ и молахуся;

- народи же, видевше, зваху съ слъзами ГИ помилуи;

- а новгородьци вси баху за острогомъ не можаху бо противу ихѹ стати, нѣ токмо плакахуся каждо себе, видаще погыбель свою;

Характерно, что икона начинает свое движение только по 6-й песне молебна, когда поют кондакъ «застѹпнице христіаномъ непостыднаа» – молитву перед иконами Богородицы. Повторяющееся в «Слове» число 6 (в шестом часу войска подступили к городу), по версии Е. Л. Конявской, связано с популярностью в XV веке в Новгороде Жития Александра Невского, в котором это число имеет особое символическое значение²⁵⁶. Возможно, имелась в виду также символика непосредственно евангельская: при распятии Христа в шестом часу на землю пала тьма и стояла до 9-го часа (Мк 15: 33, Лк 23: 44). Таким образом мог быть заявлен другой мотив произведения – павшей тьмы.

достойный...»: Андрей Боголюбский в русской истории и культуре. Владимир, 2013. С. 225–261).

²⁵⁶ Конявская Е. Л. Об этапах формирования легенды о Знаменской иконе. С. 80.

Автор отмечает эмоциональное состояние и других героев своего сочинения: гнев князя Андрея (**Ѡтоле Андрѣи разгнѣвася на Новгородъ**), потрясение архиепископа Иоанна (**бывцю же кѣмѹ въ оужасти слыша глас**). Текст содержит риторические элементы: обращения и восклицания изобилует молитва Иоанна перед образом Богоматери, восклицания и риторические вопрошания содержит авторский пассаж о слезах Богородицы: **О великое страшное чюд(о)! како се можаще быти Ѡ сѹха древа?** И далее автор разъясняет происходящее: **Не сѹть бо се слъзы, нѣ гавлаетъ знаменикѣ млѣсти своѣа.** Богородица молит Сына своего **за градъ нашъ, не дати в порѹганикѣ врагомѣ нашимѣ.**

Все это признаки качественно нового памятника – литературного нарратива. Автор домысливает некоторые эпизоды, мотивации действий героев повествования, описывает их эмоциональные состояния.

При этом некоторые исторические реалии утрачиваются как не принципиально значимые для сюжета, например, вовсе не упоминается посадник Якун, не обозначается роль князя Романа в военных действиях. Взамен появляются некоторые подробности, призванные подчеркнуть мнимую достоверность повествования: указан час битвы, география повествования конкретизирована (упомянут монастырь Рождества Богородицы на Десятине, указано расположение Спасской церкви на Ильиной улице) и др.

Сам автор позиционируется как житель Новгорода: в приведенной выше авторской сентенции (и далее) присутствуют выражения «градъ нашъ», «враги наши». По-видимому, в его распоряжении был некий близкий к рассказам в Н4 и ЛА текст, возможно, несколько вариантов, но на основе летописных нарративов он создал новое произведение, отвечающее требованиям уже другой эпохи.

Целый ряд памятников Знаменского цикла с разной степенью уверенности научная традиция приписывает перу Пахомия Серба. Таково

«Воспоминание о Знамени Пресвятой Богородицы» – еще один нарратив, повествующий о чуде от новгородской иконы.

Совпадая со «Словом о Знамени» по фабуле, «Воспоминание» представляет собой качественно иное произведение. Текст его куда более пространен, стилистически более однороден, отличается украшенностью, и при этом еще более яркими оказываются некоторые акценты, заявленные в «Слове». В частности, более отчетливо акцентируются права новгородцев на свои земли, свобода в выборе князя из других земель, правомерность сбора дани с Двинских территорий: **житіе прохѡдѡцимъ чѣкомъ великого новаграда, самовластно и никымъ же вѣладаемимъ тако же выше рехомъ, владаще властію своею, тако же и лѣпо вѣ, и князя имѣюще ѿ иныхъ странъ, призванаго вѣ ѿмщеніе съпротивнымъ. вѣ же тогѡ оу нихъ кнѣзь романъ мѣстиславичъ внуокъ ижеславль. в то же время едина ѿ власти града того Двина глемла ѿметноувшеса оубо вобычнѣю дань дати новѣ градѣ²⁵⁷.**

Перед словами о вынесении иконы на острог в «Воспоминании» приводится молитва Богородице, которой нет в «Слове». Когда икона взята из церкви Спаса двумя диаконами, Иоанн «сам же послѣдовавше с прочимъ народомъ», совершая молебен: «Видѣвше противных, тако же звѣри, на на оустремляющихса, оумиленны глас с плачем испущааху, глаголющее: Виждь, Дево Богородителнице, смиреніе наше и не ѿрини моленіа нашего вконецъ, но оумилосердиса на стадо Твое, Пречистаа, видиши, Владычице, нещаднаго ихъ стремленіа на смиренное Ти стадо».

К числу аллюзий на библейские сюжеты добавлены сравнение суздальцев и новгородцев с Голиафом и Давидом: «...ратныи же вни надѣющеса на множество силы своеа, тако же и гордыи внѣ Голіафъ, зра кроткого Давида юностию вбложена, и не рассуди божественную силу, нѣ

---

²⁵⁷Здесь и далее текст цитируется по рукописи РГБ. Ф. 304. I. № 501. Л. 396 об. – 401 об. (см.: Приложение № 2).

вбаче самъ побѣжденъ бысть, нежели побѣди, такожде и си на се надеждов възлождше, а не на Бога...». В том же ключе идет сравнение слез от богородичного образа – с «Едемским источником»: «вида же архиепископъ слезы $\bar{w}$ иконы тако же нѣкыи Едемскыи источник». Возможно, к случайному совпадению можно отнести появление в молитве архиепископа слов **пощади тако же инога ниневитане**. Но исключать знакомство Пахомия с текстом антиновгородской версии нельзя.

При этом символика числа 6, видимо, не занимает агиографа: сохранив информацию о начале в шестом часу решительных действий со стороны противника: **болми начаша ратовати**, – о 6-й песни службы он не упоминает.

В этой версии новгородцы превозносятся, обостряются грани их конфликта с Суздалем. Описание столкновения на Двине содержит фразу о том, что Андрей послал навстречу новгородцам «1500 ратник избранных», по встрече с которыми новгородцы **начаша битися и много сечь сотворше**.

Переработка текста, по всей видимости, преследовала цель пропаганды новгородского культа Знаменской иконы за пределами Новгородской земли. Так, говорится, что она исцеления приносит с верою приходящим. Безусловно, преследовалась цель и прославления архиепископа Иоанна, который уже называется «святейшим», подчеркивается, что он установил празднование иконе, которое осуществляется **даже и до сего дни**.

Л. А. Дмитриев отмечал, что «Воспоминание», в совокупности текстов, представлено двумя вариантами: кратким и полным. Корпус текстов полного варианта, в свою очередь, разделялся ученым на два типа, обозначенных им как А и А1. Приводим список типичных отличий вариантов А и А1, по Л.А. Дмитриеву:

1. А1 не называет Даньслава Лазутинича: «Новгородци же совещавшеся и данника по обычаю на предреченную двину

послаша, Данислава Лазутинича, и с ним от пяти концев по сто муж». Подчеркнутых слов в А1 нет.

2. Перечисления пришедших под Новгород войск отлично: «И торопчане, ярославци, и переславци, и ростовци со всеми князьми их, и вся земля Руская». Выделенного текста в А1 нет.

3. А упоминает Новгород и определяет время прихода ратей под его стены: «И пришедшее суздальцы к Новугороду со всею силою на Збор, и стояша под городом три дни». Подчеркнутого текста в А1 нет.

4. А упоминает шестую песню молебна: «И яко же сконча молитву, начаша пети молебен, и по шестой песни поюще кондак “Заступнице христианом непостыднаа”» В А1 Выделенного текста нет.

5. В А присутствует сообщение о вынесении иконы на острог: «Видиши бо, владычице, нещадного их стремления на смиренное твое стадо. Сия же рек, и несоша икону на острог, идеже ныне есть монастырь святыя Богородица на Десятине». В А1 выделенного текста нет.

6. А наследует из «Слова» риторическое рассуждение о слезах от иконы: «О, великое страшное чудо! Како се можаше быти от суха древа? Не слезы бо суть, но являют знамение своеа милости. Сим бо образом молится святая Богородица Сыну своему, Богу нашему за град наш – не дати в потребление супротивным. Тогда Господь Бог наш умилосердися на град наш молитвами святыя Богородица». В А1 этого текста нет.

7. А1 дает сокращенную экзегезу: тьма, павшая на суздальцев, - тьма Египетская: «яко же иногда Египет». Вариант А более полно раскрывает это параллель: «яко же бысть при Моисеи, егда бо Господь проведе жидов сквозе Черьмное море, а фараона погрузи. Тако и на сих наведе трепет и ужас, и ослепоша вси».

Очевидно, что вариант А1 по сравнению с А выглядит сокращенным. Учитывая их текстуальную близость, возникает вопрос о первичности того или иного варианта. В А1 некоторые элементы текста или опущены, или пересказаны в общем виде. Так, перечисления союзником Мстислава Андреевича в краткой версии нет, молитва Иоанна перед иконой в Спасской церкви сокращена до первой фразы, а вся развязка сюжета представлена общей фразой: «И вышедше из града, овых избиша, а иных живых емше. Богатством же и пленом доволно исполнившеся, помощию святыя Богородицы. Богу нашему слава». Можно предположить, что вариант А1 является промежуточным между полной и краткой версиями «Воспоминания». Л. А. Дмитриев, однако, решает этот вопрос иначе: «Во всех семи случаях тексту А, отличающемуся от А1, имеются соответствия в “Слове”. Можно поэтому думать, что первоначальным видом “Воспоминания” был текст типа А1, в который затем, при сверке его со “Словом”, были сделаны вставки из “Слова”». Затем ученый подтверждает эту версию рассуждением о 5-м отличии А от А1: «В группе А “Воспоминания”, где эта фраза есть, она находится между молитвой Иоанна о смирении новгородцев (в “Слове” этой молитвы нет) и фразой о гордости и самомнении суздальцев. Здесь эта фраза не на месте и при внимательном чтении текста воспринимается как вставка. Можно думать, т. о., что первоначален текст “Воспоминания” вида А1»²⁵⁸.

Учитывая отмеченную Л. А. Дмитриевым явную текстуальную связь между «Словом» и кратким вариантом «Воспоминания»²⁵⁹, где разночтения с полным вариантом «Воспоминания» так же являются заимствованиями из «Слова», надо полагать, что именно вариант А1 полной версии «Воспоминания» дал начало и варианту А, и кратким редакциям.

---

²⁵⁸ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. С. 119.

²⁵⁹ Там же. С. 116–117.

Что касается принадлежности памятника авторству Пахомия Логофета, то вопрос этот существует в науке в силу того, что прямого указания на это в рукописях не встречается.

Творчество Пахомия Логофета в новгородский период изучалось В. М. Яблонским. Он рассматривал вопрос о принадлежности Пахомию и другого произведения Знаменского цикла – «Службы Знамению». Ученый отмечал, что уже в ранних списках «Службы» каноны ее приписаны авторству Пахомия – в рукописях встречаются прямые на это указания: «Творение священноинока Пахомия Логофета», «стихиры и канон Пахомиевы». При этом В. М. Яблонский вносил уточнение: «Врядъ ли Пахомій былъ первымъ авторомъ службы. Чюдо совѣршилось задолго до прибытія ритора на Русь, давно составлено было и сказаніе о знаменіи, что показываетъ, что празднованіе его началось раньше Пахомія»²⁶⁰ (т. е. празднование без службы просто не могло бы существовать).

Л. А. Дмитриев, соглашаясь с В. М. Яблонским, замечал, что, коль скоро в тексте службы особо отмечено авторство Пахомия Логофета относительно стихир и канонов службы²⁶¹, возможно думать, что остальные разделы службы могли быть написаны и не им. Принимая во внимание тот факт, что Пахомий был приглашен в 30-х годах XV века архиепископом новгородским Евфимием II специально для написания агиографических и литургических произведений, необходимых для создания культа собственно новгородских святых, допустимо предположить, что помимо добавлений к «Службе» новых разделов, ритором был переработан ее текст целиком.

В пользу же того, что не только «Служба», но и «Воспоминание» написано Пахомием говорят идентичные фразы и обороты, встречающиеся в обоих произведениях:

---

²⁶⁰ Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 152.

²⁶¹ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. С. 123–124.

«Служба»	«Воспоминание»
<p>Что убо мужие великаго Новаграда видевше себе противными обстоима, <u>ниоткуда же помощи надеющиеся,</u> <u>токмо Тебе, Пречистая, глаголюще:</u> «<u>Виж, Богородице, беды раб своих,</u> <u>и не отрини моления наша вконец»</u></p>	<p>Новаго же града челци, слышавше силѣ великѣ грѣшнѣ на нихъ, бѣху в скорбѣ велицѣ и в недоумени, <u>ниоѣдѣ же помощи надеющеса,</u> <u>токмо всю надежѣ на Бѣ и на</u> <u>Пречѣтѣю его Бѣгомѣрь</u> <u>възложивше. Вижь, Дѣво</u> <u>Бѣгородителнице, смиренїа нашего и</u> <u>не ѡрини моленїа нашего вконецѣ.</u></p>
<p>...греховною ботмою очи помрачивше и <u>друг друга яко</u> <u>спротивна зряще, оружием</u> <u>немилостиво себе оуязвляху.</u></p>	<p>Покры же ихъ, речъ, тма... и дрѣ дрѣга тако спротивна зряще, <u>орѣжие и немилѣиво себе</u> <u>оуязвляху.</u></p>
<p>Чюдная <u>победа и дивное</u> одоление, честная икона Пречистая, мира слова удивляетъ ума, ужасает помысл: <u>безоружны бо оружных</u> побеждааху.</p>	<p>По се^м дастъ Бѣ повѣдѣ дивнѣю сѣчимъ въ градѣ <u>безъ орѣжїа и</u> <u>безъ брани.</u></p>

Эти совпадения, отмеченные Л. А. Дмитриевым, служат серьезным основанием предполагать принадлежность «Воспоминания» перу Пахомия Логофета²⁶².

Обращение иконы на град после попадания в нее стрелы повторяет свойственный византийской традиции мотив движения чудотворного образа (ср. Богоматерь Римская (Лиддская)). Если в рассказах версии КНЛ этот мотив лишь обозначен, то в нелетописных произведениях Цикла он получает

²⁶² Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. С. 125.

развитие. Обращение иконы ликом к городу может быть истолковано как знак покровительства и заступления, и именно так это интерпретируется в рассматриваемых текстах. В «Слове» и в «Воспоминании» разъясняется знамение: истечение слез из очей Богоматери – это знак ее молитвы за Новгород. Причем в «Воспоминании» поясняется: **и авѣе на гра^а вбратиса не токмо вбразомъ но и мѣрѣемъ**. Развивается в этих памятниках и мотив движущейся иконы и в дальнейшем повествовании: как икона Богоматери Римской сама движется и дается в руки папе римскому, так и Знаменская икона «подвижеся... сама» и дается в руки новгородскому владыке.

Мотив не просто движущегося, но и активно действующего образа также характерен для сказаний о чудотворных иконах. Знаменская икона избирает святителя-праведника, дается в руки ему после молитвы. Можно вспомнить Сказание о Владимирской иконе, где чудотворный образ сам избирает Андрея Боголюбского, поразив и восхитив его: «си же икона, яко прешла бѣ всѣх образовъ»²⁶³. Ее чудеса в Вышгородском монастыре также были связаны с движением, когда икона сама определяла, где ей быть. Согласно легенде стремление иконы переменить свое местоположение реализовалась в переходе ее из киевского монастыря во Владимирскую землю к Андрею Боголюбскому. Подобные примеры обнаруживаются в рассказах Киево-Печерского патерика и в других произведениях этого жанра²⁶⁴.

Как уже отмечалось, принципиально отличается от летописных рассказов в «Слове» и «Воспоминании» изображение поведения новгородцев. В этих памятниках они лишь молятся о спасении, не предпринимая шагов к боевым действиям, и не надеясь победить. Такая трактовка помогает подчеркнуть чудесный характер победы, которая будет

---

²⁶³ Чудотворная икона в Византии и древней Руси. М., 1996. С. 504.

²⁶⁴ Конявская Е. Л. Византийская чудотворная икона в Древней Руси: проблемы восприятия // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 15. М., 2010. С. 473–474.

дарована смиренным жителям Новгорода. В «Воспоминании» это особо подчеркивается: по се^м дастъ бѣ побѣдѣ дивнѣю сѣчимъ въ градѣ · безъ врѣжїа и безъ брани.

Таким образом, легенда в завершенной ее форме, зафиксированной в нарративных источниках XV в., обнаруживает жанровое родство со сказаниями о чудотворных иконах и агиографией.

В почти неизменном виде этот сюжет вошел в **Житие Иоанна Новгородского**, написанное несколько позднее. Первая часть «Сказания» – Двинской поход Даньслава – в Житии отсутствует. В остальном, по замечанию Л. А. Дмитриева, сюжет знамения наиболее близок к полному варианту типа А1 «Воспоминания»²⁶⁵. Контекст, в который включен сюжет, выходит уже за сугубо региональные рамки, но сохраняет проновгородскую направленность, а пафос смещается в план общехристианской морали: осуждение вражды единовѣрных, помощь Богородицы на нее уповающим. Отсутствуют финальные фразы о том, что «отьяся честь суждалская» и о том, что «продаваху суждальцев по две ногате», т. е. уже не акцентируется торжество новгородцев, одержавших победу над противником. Фраза об установлении праздника архиепископом дополнена предписанием праздновать его «всем христианам».

Л. А. Дмитриев замечает, что «наряду с этими изменениями, снявшими местный, новгородский характер и придавшими сюжету о знамени новгородской иконы общерусский смысл, в житийной редакции ярче выступает образ архиепископа Иоанна, сильнее подчеркивается его значение в чуде»²⁶⁶. Как и в «Воспоминании», архиепископ представлен святым. Так, говоря о том, что новгородцы возложили надежду на Бога и Богородицу, автор жития добавляет: «и на святаго надеющеся». А после того, как Иоанн

---

²⁶⁵ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятника литературы XIII–XVII вв. С. 131—134.

²⁶⁶ Там же. С. 135.

поведал народу о божественном гласе, и народ славит Господа и Богородицу, добавлено «и святаго блажаше».

«Слово похвальное Знамению пресвятой Богородицы» атрибутировалось Пахомию Логофету еще учеными XIX века. В. О. Ключевский и В. М. Яблонский делали такие выводы по соотнесению его текста с текстом «Службы Знамению»²⁶⁷. Л. А. Дмитриев считал их близость весьма относительной, не находя явных текстуальных совпадений. Однако он приходил к тем же выводам, сравнивая «Слово похвальное» с «Воспоминанием»²⁶⁸. Из этой же концепции исходит в новейшем исследовании «Слова похвального» В. М. Кириллин²⁶⁹.

В. О. Ключевский предлагал датировать памятник 70-ми годами XV века²⁷⁰. Но, начиная с В. М. Яблонского, в науке установилось позиция, относящая «Слово похвальное» к концу 30-х годов этого столетия – к первому посещению Пахомием Новгорода. В. М. Яблонским было оспорен основной аргумент В. О. Ключевского, строившего свою версию на основе фразы «да посрамятся иконоборцы», которая, по его мнению, говорит о создании текста во время расцвета иконоборческих движений в Новгороде. В. М. Яблонский привел иное толкование этой фразы: поскольку прошлое Пахомия Логофета было связано с Афоном, он мог иметь в виду смуту, поднятую в XIV веке Варлаамом и Анкидином, известными своей иконоборческой деятельностью. В свете этого указанная фраза могла и не иметь отношения к новгородской действительности.

---

²⁶⁷ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 126-127; Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. С. 120. Цитаты приводятся по изданию в этой работе В. М. Яблонского.

²⁶⁸ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. С. 126–128.

²⁶⁹ Кириллин В. М. Слово похвальное иконе пресвятой Богородицы «Знамение» Пахомия Логофета // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1 (47). С. 79.

²⁷⁰ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. С. 128.

В. М. Кириллин отмечал, что композиция «Слова похвального» построена по стандартной схеме: риторическое вступление, описание ключевого события, историко-богословская интерпретация событий, молитвенное обращение к Богородице²⁷¹.

В центре повествовательной части произведения – чудо от иконы, где главная фигура – архиепископ Иоанн, как и в других произведениях Цикла этого времени, поскольку это соответствовало целям, поставленным архиепископом новгородским Евфимием II перед Пахомием Логофетом во время первого визита Святогорца в Новгород: создание культа собственно Новгородских святых на фоне обострившегося местного патриотизма.

Л. А. Дмитриевым показано, что Пахомий использовал «Воспоминание»²⁷². Действительно, об этом говорят многочисленные совпадения и сюжетные переключки с этим памятником. Таковы обороты, вроде «стрелы якоже дождь ветром носим пуцаахоу», «видя же архиепископъ, якоже слезы текоуще от честнаго си образа и абіе приять въ фелонь свои» и др. Вместе с тем, звучит и новая мысль, усиливающая тенденцию изображения в положительных тонах новгородцев и в самых мрачных – суздальцев. Оказывается, князя Андрея возмутили не только и не столько разгром его отряда на Двине и сбор дани на его смердах. Он не хочет видеть Новгород самовластным и завидует ему: «Бѣ бо рече князь великыи, Андреи бо имя емоу. Сь бо оубо зря Великыи Новѣградъ самовластенъ и завистию разгореса и събравъ вои от различныхъ странъ...».

В «Слове похвальном» введена еще одна веха сюжета: крестный ход с иконой от острога к храму по окончанию битвы: «по сем же возьмь священнейшии архиепископъ честноую ѡною победительноую иконоу и тако посреде града тоую понесе, псалмы и песнями и пениемъ съ восклицаніемъ и

---

²⁷¹ Кириллин В. М. Слово похвальное иконе пресвятой Богородицы «Знамение» Пахомия Логофета. С. 79.

²⁷² Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. С. 126–128.

тако поставляеть в пречестнем храме ея». Как и в «Воспоминании», говорится о творимых иконой исцелениях: «Безмерна чудеса и многоразлична точащее исцеленія». Далее сообщается, что победу «на многы дня празнуююще».

Во фразе «ковчеже ѡсвященіа всюдоу ѡкованъ златомъ и сияющи духомъ чистоты» можно увидеть указание на ковчеги, описанные Э. А. Гордиенко. Согласно ее исследованию они относятся к началу XIII в. и демонстрируют палладийное почитания иконы.

Окончание текста представляет собой моление Христу и Богородице о заступлении города и людей «от глада, гоубителства, троуса и потопа и нашествия иноплеменникъ». В. М. Кириллин отмечал, что композиция этой благодарственной молитвы в целом обусловлена литературной традицией и почти полностью скроена из цитат и парафраз псалтырных стихов, «звучавших, между прочим, в качестве вполне устойчивых выражений в самых разных богослужебных стихословиях»²⁷³.

Уже упоминавшаяся «Служба Знамению» – еще одно творение Пахомия Логофета – памятник еще более далекий от повествовательности. В этом смысле его анализ и использование в качестве исторического источника представляет большие сложности. Тем не менее, имеет смысл отметить два момента, отражающих прозвучавшие в ней новые идеи.

Дивною граѣ твоемоу побѣдоу . даровала еси Дѣво Пречистаа . сама бо Ты еси томоу твердое ѡграженіе на врагы оукрепляючи и державно непокоривыхъ покоряючи прѣо (Архив СПбИРИ РАН. Колл. 238. Оп.1. № 310. Л. 212) – так в «Службе Знамению» подчеркивается уже не избавление от врага, а победа, явственно звучит мысль о том, что Богоматерь Знамение не только защитница, но и вдохновительница к победоносным действиям.

---

²⁷³ Кириллин В. М. Слово похвальное иконе пресвятой Богородицы «Знамение» Пахомия Логофета. С. 82.

Второй момент, обращающий на себя внимание, – это то, что Новгород в «Службе» называется «градом Богородицы». Так традиционно назывался Константинополь, а позже – Владимир²⁷⁴.

---

²⁷⁴ См. Канон иконе Максимовской Божией Матери: «Светися и радуися, славнии граде Владимире, ибо Богоматерь тя градом Своим наименовала».

2. Поздние редакции «Сказания»

В XVI веке появляется текст с этим сюжетом в **Степенной книге**. Редакция Степенной книги (далее – РСК) имеет существенные отличия от предыдущих. Л. А. Дмитриев отметил, что эта редакция соединила фрагменты новгородской и антиновгородской версий, а также использовала «Слово о Знамени». Он попытался даже найти реальные источники тех или иных выражений, читающихся в РСК, в конкретных летописях (Лаврентьевской, Новгородской V,²⁷⁵). Тем не менее, такие попытки едва ли можно считать плодотворными, поскольку очевидно, что во многом составитель этого текста использовал Никоновскую летопись (как и в других случаях²⁷⁶), которая, свою очередь, имела разнообразный набор источников.

Впрочем, новгородский источник для данного сюжета РСК явно присутствовал. Это касается материала, затрагивающего предысторию событий 1170 года.

Как отмечал Л. А. Дмитриев, для эпохи, в которую создавалась редакция, древняя новгородская «вольность» могла восприниматься как ведущая к бесчинствам и распрям²⁷⁷. Поэтому РСК кратко приводит историю Новгорода от Рюрика, причем отмечает, что в древние времена князья поступали в Новгороде по своей воли, а не по воли новгородцев. Все изменилось в княжение Ярослава Мудрого: «Егда же Ярославъ по отьцы своемъ блаженномъ Владимери, победивъ братоубица Свѣтополка, изыде от Нова града въ Киевъ державствовати и тогда отъ великаго князя Ярослава Владимерича за великое ихъ къ нему исправление получиша отъ него милость Новоградцы да по воли ихъ они возлюбятъ князя и тои

---

²⁷⁵ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. С. 138–139.

²⁷⁶ См.: Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 249.

²⁷⁷ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. С. 140–141.

господствуетъ ими отъ сыновъ Ярославлихъ и отъ внучать его въ роды и роды во вѣки»²⁷⁸. Характерно, что эта милость даруется новгородцам за некое «великое к нему исправление», хотя и не сообщается явно, в чем оно заключалось (помощь в победе над Святополком). Затем в самом негативном свете говорится о бесчинствах и кровопролитии, допускаемых жителями Новгорода, которые, тем не менее, соблюдали обязательство избирать князей из рода Ярослава. Далее повествователь переходит к изложению событий, предшествующих походу на Новгород, излагая их по доступным ему летописям.

Говоря о договоре Андрея и Ростислава о Новгороде, РСК вспоминает, что «нѣкогда же восташа на нь (Святослава Ростиславича. – *И. А.*) новоградцы» и заточили его в Ладогу²⁷⁹. В ответ на это Ростислав велел «Новоградцевъ вметати въ погребы», где 14 человек задохнулись. Новгородцы же просили сына Андрея на княжение, однако тот не дал сына, но посадил в Новгороде племянника Мстислава Ростиславича («внука Гевргевиа» в тексте)²⁸⁰. Святослав бежит из Ладоги к отцу. Через год Мстислава изгоняют, восстанавливают на престоле Святослава Ростиславича на 6 лет²⁸¹. После смерти отца, Святослав выезжает из города и «не бысть у них князя отъ мѣсяца сентября 7 мѣсяць»²⁸². Как показано А. С. Усачевым, последнее замечание демонстрирует знакомство составителя Степенной книги с новгородским летописным источником²⁸³.

По всей видимости, соединяя, казалось бы, несоединимое, автор стремился собрать весь возможный материал, не упустив ни одной детали,

---

²⁷⁸ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т. 1. С. 466.

²⁷⁹ Там же. 467.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Там же. 468.

²⁸³ См.: Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 264–265.

содержащейся в той или иной версии повествования. Налицо и попытка (не всегда удачная) выстроить имеющийся материал по хронологии. Так, о чуде трех плачущих икон в летописях владими́ро-суздальского круга говорится ретроспективно, в РСК оно перенесено в предысторию Знаменских событий под 6675 г. (т. е. составитель, видимо, отсчитал назад три года – как указано в летописях). При том в тексте нет прямых указаний на то, что ссора новгородцев с Боголюбским и череда сменяющихся князей предшествуют чуду. В итоге текст выглядит так, что чудо трех плачущих икон, указанное под 6675 г., расположено среди событий, гораздо более ранних.

В отличие от Никоновской летописи нападающей стороной в столкновении из-за дани на Белоозере назван Новгород: князь Андрей «посла воинство свое дани ради на Двину, новгородци же срѣтоша ихъ на Белѣзерѣ и брань створиша съ ними»²⁸⁴. О численности войск и о численности павших не сказано ничего. Разгневанный этим нападением Андрей посылает сына к Новгороду с суздальским войском и войсками прочих княжеств.

Далее парадоксальным образом к описанию разорения Новгородской земли по антиновгородской версии, как и в Никоновской, прибавляется рассказ об устройении новгородцами острога, видении Иоанна и чуде о самодвижущейся иконе, что соответствует версии Сказания.

Архиепископ охарактеризован как «чюдотворивый», причем приводятся оба его имени (в Никоновской только Илья). Он молится в своей келье в течение трех дней. Здесь уже текст не совпадает с Никоновской летописью, а основывается на «Слове о Знамени», при этом не столько цитирует его, сколько излагает в своей стилистике основную сюжетную линию.

Характерно, что все трое – князь, архиепископ и посадник – молятся вместе со всем народом: «сіи архієпископъ Іоаннъ купно же и князь ихъ Романъ Мьстиславичъ и посадникъ Якунъ Одрѣвичъ и со всенароднымъ

---

²⁸⁴Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. С. 468.

множествомъ в печали велице молящеся Богу и Пречистой Богородицы»²⁸⁵. Позднее архиепископ молится в своей келье Софийского собора, поскольку посылает за иконой он своего архидьякона «со клирики Святыя Соѳіи».

Описание же чуда здесь несколько отлично от других редакций Сказания: «И въ тои часъ взыде на ратующихъ тьма и паде на нихъ аки пепель. И нападе на нихъ трепеть и ужась, нѣцый же и ослепоша»²⁸⁶. Как можно видеть, вместе «ослѣпоша вси», сказано «нѣцый же ослепоша», нет слов о том, что враги начали биться «межи собою». Автор домыслил, что основная причина поражения осаждающих – это смятение и паника, и лишь некоторых поразила слепота.

Важно отметить, что составитель разбил основной раздел, касающийся чуда, на своего рода главки с названиями. Первая: «Чюдо» – о том, что икона не дается дьякону и тот рассказывает об этом Иоанну. Вторая: «Молитва» – молитва Иоанна перед иконой. Третья: «Чюдо» – о движении образа после 6-й песни канона. Четвертая: «Чюдо» – о чудесной помощи иконы, отступлении суздальцев и тяжелом пути их домой. Здесь же добавляется сентенция: «Но аще тогда не токмо не дасть имъ Богъ града одолѣти, но и сами Божиимъ наказаниемъ уранены бышя»²⁸⁷. Пятая: «Знамение» – рассказ о разорении Новгородских земель, «неправоте» новгородцев, наказанных князем Андреем. И тут же сообщается об установлении праздника 27 ноября «Знамения Пресвятыя Богородици». Характерно, что сама икона в течение всего текста называется «Пресвятой Богородицей» и только.

Здесь не говорится, что празднование проходит в Новгороде, и в такой формуле уже ясно усматривается общерусский характер празднования Знамения к моменту составлению РСК.

---

²⁸⁵ Там же. 468.

²⁸⁶ Там же. С. 470.

²⁸⁷ Там же.

А в завершение говорится о последующей судьбе Новгородской земли: новгородцы и далее живут имея, «непотребными свои обычаи»²⁸⁸, изгоняют Романа Мстиславича, сажают Рюрика, который спустя 4 года бежал из Новгорода «не трья сверѣпаго бечиниа и страмоты отъ безумныхъ Новоградцевъ»²⁸⁹. И только Иван III положил конец их бесчинствам: «доднеже воздвиже Богъ, яко же Израилю Моисея, тако и въ Русеи земли великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии... и тои одолѣ имъ и самовольство и упраздни и бесчинныя их совѣты разори и облада ими, яко же восхотѣ»²⁹⁰.

Как отмечено А. С. Усачевым, пафос этой статьи вполне вписывается в общую тональность осуждения в СК нравов новгородцев, которых удалось усмирить и сделать послушными лишь Ивану III²⁹¹.

В научной литературе замечено, что **Лицевой свод Ивана Грозного** использует Редакцию Степенной книги в части основной фабулы – начиная с Двинского похода²⁹². Описание Двинского похода Даньслава Лазутинича совпадает здесь с соответствующим текстом Никоновской летописи и является вольным пересказом новгородских летописей. К суздальцам, отправившимся на Двину, почему-то добавлены рязанцы. Так же и далее новгородцы, победив, берут дань с заволочан, суздальцев и рязанцев.

---

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ См.: Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 551. Этот аспект также был подробно рассмотрен в работе Г. Ленхофф (Lenhoff G. Novgorod's Znamenie Legend in Moscow's Stepennaia kniga." // Московская Русь: специфика развития. Budapest, 2003. P. 175–182).

²⁹² См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. С. 138; Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. СПб., 2010. С. 123, 132–133.

Сюжет об осаде в Лицевом своде уже совпадает с РСК: «И оттолѣ великій князь Андрѣй разгнѣвася на Новѣградъ и собра многое воинство...»²⁹³ и т. д.

В отличие от текста в Степенной книге в Лицевом своде нет разбивки на главы, а также нет не только предыстории, но и послесловия – о пристрастии новгородцев к «непотребным своим обычаям», которым конец положил лишь Иван Васильевич.

Редакция, созданная думным дьяком **Иваном Тарасьевичем Грамотиным**, датировалась Л. А. Дмитриевым 1634-1638 г.²⁹⁴ А. В. Сиренов уточнил, что Грамотин называет себя мирским именем, а в 1637 г. он постригся в Троице-Сергиевом монастыре с именем Иоиль. Таким образом, Редакция была написана до этого времени²⁹⁵. В рукописях редакция идет под названием «Воспоминание преславного чудесе, бывшаго от иконы Пресвятыя Владычицы нашеа Богородицы и Приснодевы Марии в Великом Новеграде». Это дает основания считать, что Грамотин располагал «Воспоминием». Впрочем, ему были доступны и другие редакции, в частности, Степенной книги, с трактовкой которой он полемизирует.

Сочинение Грамотина начинается с экскурса в историю новгородской «вольности в князьях», дополняя текст, идентичный «Воспоминанию», мотивом получения вольности в князьях от Ярослава Мудрого: «**ѣмѣ же вѣрно слѣжахѣ, и за премногѣю нѣхъ добродѣтель и помощь, таже показаша противѣ враговѣ его, почтении быша ѿ него самовластїемѣ, еже и по немѣ имѣти имѣ оу себе начальствѣющаго князя ѿ колѣна и племени сего Ярославѣ по избранїю снѣхъ, егоже ѿни восхотѣхѣ, и**

---

²⁹³ ПСРЛ. Т. IX. М. 2000. С. 241.

²⁹⁴ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. С. 141.

²⁹⁵ Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. С. 219.

данемъ и послѣшанію положиша оурокъ»²⁹⁶ (Л. 34 об.). В отличие от РСК, здесь подробно объясняется, за какие именно заслуги Ярослав Мудрый даровал новгородцам право выбирать князя, при этом подчеркивается, что этот выбор может осуществляться только из числа потомков Ярослава.

Описание Двинского подхода допускает лишь мелкие текстуальные отличия от текста «Воспоминания». Во фразе относительно болезни Андрея, не позволившей ему возглавить поход на Новгород, усилен мотив божественного вмешательства: «Бгѣ же, хотѣ оудержати начинающее кровопролитіе, болѣзнь наведе кнзю вномѣ, тако да престанетъ ѿ начинаніа своего. Внѣ же никако же преста, но и еще гнѣвом дыхаа» (Л. 36 об.).

О переговорах тут уже говорится прямо: «сѣдахѣ при стѣнахѣ града заключившесѣ и къ пришеѣшим во емѣ сѣждальскимѣ посылахѣ, в смиреніи молащесѣ»²⁹⁷. Инициаторами их представлены новгородцы, это подтверждает их миролюбие, изображая их в положительном свете.

Молитва Иоанна перед иконой во время боя содержит дополнительные отсылки к Покровскому культу, помимо обычной для этой молитвы сентенции: «Ты еси оупованіе наше и надежда, и заступница градѣ нашемѣ, стѣна и покровъ, и привѣжице всѣмъ хрѣтианомъ»²⁹⁸, - в РГ читается фраза: «не прогнѣвансѣ на ны... но покрыи своею блгстїю»²⁹⁹.

Вместе с тем, ряд мотивов не расширен, а напротив, усечен. Это касается упоминания Содома и Гоморры в молитве Иоанна перед плачущей иконой. Фраза здесь имеет следующий вид: «оуслыши, Гже, плачь и въздыханіе людїи своихъ и пощади, тако иногда Бгѣ Твои, Гдѣ нашъ

---

²⁹⁶ Здесь и далее Редакция цитируется по списку РНБ. Q. XVII. 259. Л. 31–55 об.

²⁹⁷ Там же. Л. 38–39.

²⁹⁸ Там же. Л. 41 об.

²⁹⁹ Там же.

Исѣ Хрѣсѣ ниневгитаны покаанїа ради помилова, тако же и здѣ покажи млѣть Твою, Влчце»³⁰⁰.

О новгородцах Грамотин говорит с сочувствием, не обличая резко их «самовластие». По словам А. В. Сиренова, Грамотин полагал, что «равновесие было нарушено с обеих сторон», а поход против Новгорода автор редакции считает проявлением зависти к его процветанию. Так, отмечает А. В. Сиренов, «для людей, прошедших через ужасы и соблазны Смутного времени, концепция абсолютной монархии, проводимая в Степенной книге, не казалась самой лучшей для их современности»³⁰¹.

К XVII в. относятся еще несколько редакций – как компилятивных, так и авторских³⁰².

Таким образом, нелетописная линия развития Знаменской темы была не менее разветвленной и длительной, чем летописная. Книжники XV-XVII веков беллетризировали рассказ в соответствии с литературной модой своего времени и расставляли акценты согласно идеологическим тенденциям эпохи.

Литературные реализации сюжета о чудесном заступничестве скоррелированы с религиозно-ориентированными нелитературными. Таковы корреляции письменных источников с иконами, посвященными осаде Новгорода Мстиславом Андреевичем. Тут очевидно смешение двух разнородных легендарных сюжетов: изложенного в дошедших до нас рукописях (с тьмой павшей на суздальцев и слезами от иконы, собранными в фелонь архиепископа) и иного, явно апеллирующего к распространенным формулам: ангел, поднявший меч на суздальцев и четыре святых воина, ведущие новгородскую рать из Новгорода. (см илл. 1-4)

---

³⁰⁰ Там же. Л. 42.

³⁰¹ Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. С. 221.

³⁰² См.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. С. 137–138, 142–143.

Композиция икон, посвященных битве новгородцев с суздальцами, как правило, трехчастна. Верхний ярус изображает собор утром третьей ночи, когда архиепископ повествует о бывшем ему гласе, и вынесение иконы на острог. Средний ярус изображает переговоры сторон (группа всадников, едущих из Новгорода, обычно имеет подпись «послове») и стрелы «аки дождь умножен» пущенные в икону. Третий, нижний ярус, изображает непосредственно битву суздальцев с новгородцами.

Касательно иконописи, очевидно, что иконографическая традиция отличается по передаче материала от литературной повести. Так в верхнем ярусе изображен один дьякон, которому архиепископ вручает икону, вместо описанных двух. «Слово» не упоминает о переговорах, изображенных в среднем ярусе иконы. Однако, как было сказано выше, следы информации о переговорах имеется в летописях. Надо полагать, что легенда пренебрегла этой деталью, как не существенной для раскрытия сюжета повести, а структура икон, посвященных битве, если и не восходит к летописным источникам, то отражает сюжет с оглядкой на летопись.

Нижний ярус изображает не чудо от иконы, но мотив чудесного заступничества, весьма отличный от повести. Здесь нет тьмы, покрывшей суздальцев на поле, но изображен ангел, поднимающий меч на суздальское войско, а новгородцев возглавляют 4 святых воина. Ангела, в общем, можно рассматривать, как аллюзию на библейский сюжет, когда ангел Господень наслал на египтян тьму, не затронувшую иудеев. Впрочем, изображение ангела не является непременным атрибутом иконографии битвы 1170 г., поэтому это остается в теории.

4 воина, наоборот, изображены на всех иконах. Можно предположить либо, действительно, существование второй версии повести о чудесном заступничестве, где бы говорилось о Божией помощи в виде Богом посланных святых воинов, возглавивших новгородцев; либо просто упоминание о божественном содействии и чудесном заступничестве в легенде, без конкретизации этого факта. Можно думать и третьим образом:

мотив тьмы являлся просто аллюзией божественной помощи и не воспринимался как необходимый, неизменный конструкт сюжета, а только как образ божественного заступничества. Поэтому иконописец и счел себя вправе изменить детали, при создании своей реализации сюжета об осаде Новгорода.

Выбор воинов так же объясним. Культ Бориса и Глеба, равно как и Георгия Победоносца был популярен в Новгороде. А образ Александра Невского, очевидно, обязан своим появлением популярности Жития этого святого в XV веке. Об этом говорит и то, что можно скоррелировать с этим текстом и литературную версию. Так число 6, похоже, намеренно акцентируемое автором «Слова», повторяет подобный же акцент в тексте Жития Александра Невского, где в описании Невской битвы, говорится, что началась она в 6-м часу (в то же время началась и осада Новгорода) и участие в ней принимали 6 храбрых мужей. Еще одним акцентом на этом числе можно считать 6 песен молебна, спетых архиепископом перед иконой, после которых она самовольно «подвигнесь от места своего» и далась в руки Иоанна-Ильи. Впрочем, эти числа могут иметь как иной смысл, так и быть традиционными для воинских повестей, либо повестей о чудотворных иконах. Получаем четвертую версию: святое воинство сменило павшую на поле тьму под влиянием популярного, во время создания икон, жития Александра Невского.

Литературная и иконографическая традиция сближаются еще в одном моменте. По указанию Е. Л. Конявской, новгородские «послове» изображаются с открытой ладонью, символизирующей мирные намерения. Суздальские же гонцы, изображаются с указующим перстом, олицетворяя фразу «Слова»: «улицы разделиша на свои городы».

Итак, сюжет о Знаменской иконе получил распространение не только в письменной, но и в иконописной традиции, явно связанной с литературными рефлексамии Сказания.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что неудачный поход на Новгород войск, посланных Андреем Боголюбским в 1170 г., оставил о себе глубокую память и отразился в письменных текстах, составленных как в стане победителей, так и их врагов. Эта память отразилась в различных памятниках письменности от XII до XV в. с развитием в более поздних произведениях и в последующие века.

В науке отмечалось раннее появление рассказа о событиях 1170 года в Новгородской первой летописи, а также существование, наряду с новгородским, рассказа противоположной стороны – сохранившийся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях.

В настоящем исследовании дана четкая картина того, что в рамках новгородской летописной традиции сложились две версии повествования: описывающей осаду и победу новгородцев в рамках композиционной и формульной топики воинских повестей (Новгородская первая летопись) и отражающей возникшую в скором времени легенду (летописи, восходящие к Краткому Новгородскому летописцу).

Поражение союзных войск и уход их от стен Новгорода с потерями породило легенду о чудесной помощи от иконы «Знамение», которая была вынесена на забрала города, видимо, по образцу подобных действий греков, о чем знали русские по письменным памятникам, легендарным рассказам, изобразительным источникам (миниатюры, монеты, иконы). Раннее возникновение легенды подтверждается отголосками ее в «антиновгородской» версии (три плачущие иконы), которую есть основания относить к Владимирскому своду 1185 года. Кроме того, в самой Новгородской первой летописи, где о вынесении иконы на острог не говорится, тем не менее, утверждается, что врагов победили «князь Романъ съ Новгородьци, силою крестьною и святою Богородицею». Кафедральный

собор Новгорода был посвящен Софии Премудрости, стало быть, имелся в виду некий особо почитаемый в городе образ Богоматери.

Изученный материал не только летописных текстов, но и ранних месяцесловов, памятников изобразительно искусства показал, что празднование иконе «Знамение», установленное в честь победы новгородцев, осуществлялось не позднее начала XIV века (даты первых сохранившихся месяцесловов с этой памятью), но, наиболее вероятно, еще при жизни архиепископа Иоанна (до 1186 года). По крайней мере, по убедительной аргументации А. А. Гиппиуса празднование иконе совершалось уже в 1192 г.

Необходимость для осуществления такого празднования существования хотя бы краткого проложного текста с изложением легенды не дает возможности предполагать долгое ее бытования в устной форме (как считалось ранее). Возможно, примерно такой текст, написанный для чтения на службе в день празднования иконе, послужил основой рассказа летописей, восходящих к Краткому Новгородскому летописцу – Рогожского летописца, Новгородской Большаковской летописи и др. Против устной природы легендарного рассказа свидетельствуют и переклички мотивов, следы влияния на текст византийских традиций, связанных с Влахернским чудом и всем комплексом текстов этого круга. Это гомилии константинопольского патриарха Фотия, проповедь Феодора Синкелла и др. Книжный (библейский) характер носит и мотив тьмы, поразившей суздальские войска.

Хронология текстов легендарной версии подвергнута кардинальному пересмотру с учетом новых датировок рукописей, содержащих «Слово о Знамени», и древнейших месяцесловов с упоминанием празднования Знамению.

Летописная версия – определенно более древняя, дошедшие до нас тексты отражают рассказ, созданный не позднее первой половины XIV века.

Нелетописные тексты возникли в первой половине XV века, а при Евфимии II Пахомием Логофетом создан целый ряд новых памятников Знаменского цикла, подчеркивающих чудесную сторону событий 1170 года.

В целом эти тексты наследуют фабулу легендарной версии (изначально – летописей, восходящих к Краткому Новгородском летописцу), не давая, впрочем, дополнительной исторической информации. Пахомий меняет многие акценты, согласно новым задачам и в соответствии с жанрами, в которых работает («Воспоминание о Знамени» – сказание о чудотворном образе минейного типа, жанр «Слова похвального» и «Службы Знамени» ясен из самих названий). В частности, в тексте «Службы Знамени» прослеживается тенденция становления мотива палладиума, что отражает стремление новгородцев все теснее связывать с легендарной иконой идею заступничества.

Примерно в это же время появляются летописные тексты компилятивной структуры, по-разному соединившие в своем составе повествование Новгородской первой летописи и легендарный рассказ (повествования в Летописи Авраамки, Новгородской четвертой летописи и других летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду).

Текст «Воспоминания» вошел в состав Основной редакции Жития архиепископа Иоанна.

В отношении антиновгородской версии можно с уверенностью говорить, что она не получила столь широкого развития, как новгородская. Рассказ сохранился в двух редакциях – Лаврентьевской летописи и Летописца Переяславля Суздальского, с одной стороны, и Ипатьевской летописи, с другой. Первая, по-видимому, ближе к первоначальному виду, но подвергла его некоторому сокращению. Вторая сохранила большие подробности, но при этом была дополнена и переработана летописцем Ростиславичей.

В этом рассказе подчеркивается, что поход был карой новгородцам за нарушение договора с князьями.

Большинство более поздних летописей (второй половины XV– первой половины XVI в.) заимствовали рассказ Лаврентьевской летописи, часто – в

сокращении, а некоторые – Владимирский летописец, Никоновская летопись – компилировали обе версии (новгородскую и антиновгородскую).

Анализ летописных повествований показывает, что Новгородская первая летопись и летописи, представляющие антиновгородскую версию осады Новгорода в 1170 г., дают ценную информацию для восстановления хода событий. Из совокупности данных можно понять, что войска подошли к Новгороду 22 февраля 1170 года, новгородцы выстроили острог и затворились в крепости. Несколько раз объединенные полки подступали к городу, но новгородцы отбивали попытки взять город, и полки отходили, чтобы встать в отдалении. 25 февраля новгородцами была одержана победа, возможно, благодаря тому, что войска неприятеля были ослаблены из-за мора, который охватил их коней, а затем, как можно понять по смутным указаниям летописцев, коснулся и самих воинов. Косвенно это подтверждает и легендарная версия (быстротечность битвы, дезориентированность противника).

Редакция Степенной книги и Редакция Грамотина (уже XVII века) являются компилятивными текстами, близкими композиционно, хотя и несущими разные идеологические тенденции. Созданная в XVI в. московскими книжниками Редакция Степенной книги, компилируя текст Слова о Знамени с материалом антиновгородской летописной версии, развивает ее пафос обличения самовластия новгородцев. Редакция Грамотина выдерживает, напротив, по преимуществу проновгородскую направленность.

Нелетописные нарративы имеют большую распространенность в списках разного времени. Рукописная традиция изучалась Л. А. Дмитриевым, но наиболее полно были им обследованы хранения Санкт-Петербурга. Продолжение этой работы в археографическом и текстологическом аспектах еще предстоит.

Наконец, привлечение в качестве источников икон «Чудо от иконы Богоматери Знамение», иллюстрирующих рассматриваемый сюжет, дает возможность оценить популярность этого сюжета в XV и XVI веках.

Надписи, читающиеся на большинстве икон, показывают, что новгородцы были знакомы и с вариантами нелетописного Сказания («Слово о Знамени»), и с летописными рассказами, подобными содержащемуся в Комиссионном списке Новгородской первой летописи (об этом свидетельствует присутствующая на иконах тема переговоров противоборствующих сторон).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Большаковская летопись // НИС. Вып. 10 (20).
2. ГИМ. Хлудовское собр. № 33 (кон. XIV в.)
3. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II: Византийские источники / Сост. М. В. Бибииков. М., 2010.
4. Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000. М., 2003. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/IX/860-880/Fotij/text1.htm> (дата обращения: 12.12.2012).
5. Летописец Переяславля-Суздальского / Изд. К. М. Оболенским. М., 1851. С. 79-80.
6. Летописный свод конца XV в. // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2.
7. Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946. Т. 18. С. 255–294.
8. Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Т. 4. С. 254-255
9. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. Насонова А. Н. М.; Л. 1959.
10. Новгородская первая летопись. Берлинский список. СПб., 2010
11. Новгородские летописи. Рязань, 2002. Кн. 1.
12. Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. Л., 1956 (2-ое изд. – СПб., 2002).
13. Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 10.
14. ПСРЛ. Т. 1. (Лаврентьевская летопись). Л., 1927 (фототипич. воспроизведение – М., 1962).
15. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908

16. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Новгородская четвертая летопись. Пг., 1915. Вып. 3. Л., 1929.
17. ПСРЛ. Т. 6. Вып.1. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
18. ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
19. ПСРЛ. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1862 (фототипич. воспроизведение – Т. 9 – 10. М., 1965).
20. ПСРЛ. Т. 15. Вып.1. Рогожский летописец. Пг., 1922 (фототипич. воспроизведение – М., 1965).
21. ПСРЛ. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889.
22. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910.
23. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.
24. ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв. / Подг. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина. Л., 1982.
25. ПСРЛ. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994.
26. ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995.
27. РГАДА. Собр. Синодальной Типографии. № 46 (1-я пол. XIV в.) Сборник богослужебный.
28. РГАДА. Собр. Синодальной Типографии. № 71 (2-я пол. XIV в.) Шестоднев служебный
29. РГБ. Ф. 304. I. № 501. Л. 396 об. – 401 об. «Воспоминание о Знамени»
30. РНБ. Q. XVII. 259. Л. 31–55 об. Сказание о Знаменском чуде в редакции Грамотина.
31. РГБ. Рум. № 284 (1-я пол. XIV в.) Обиходник
32. РГБ. Рум. № 113 (сер. XIV в.) Микитино Евангелие.

33. РНБ. Погодинское собр. № 14 (кон. XIV в.) Апостол.
34. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. 2. С. 87.
35. Сергей (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. 3. Владимир, 1901.
36. «Слово о Знамени Пресвятой Богородицы» // Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой четверти XV вв. С. 328–334.
37. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007.
38. Яблонский В. М. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.
39. Агафонов И. С. Осада Новгорода в 1170 г. по новгородским письменным источникам // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2012. Т. 3. Вып. 7 (15). URL: <http://history.jes.su/s207987840000179-5-1>. Дата публикации 27.08.2013.
40. Агафонов И. С. Икона «Знамение» – паллаиум Новгорода: к истории формирования легенды // Молодые – науке. Сборник научных работ. М., 2013. С. 25–30.
41. Агафонов И. С. «Знаменское чудо» в новгородских летописях: истоки становления культа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М. 2013. № 4 (54) С. 5–11.
42. Агафонов И. С. Новгородское чудо от иконы «Знамение»: иконография и литературные тексты // Материалы международной научной конференции «Духовно-нравственные основы памятников письменности: традиции и перспективы» (Кусковские чтения -2013) / Сост. Дергачева И. В. М., 2013. С. 162–169.
43. Агафонов И. С. Сюжет об осаде Новгорода в 1170 году в ранних летописных рассказах // Историческое повествование в средневековой

России: к 450-летию степенной книги. Материал всероссийской научной конференции. М.; СПб., 2014. С. 82–93.

44. Агафонов И. С. Сюжет Знаменского чуда в новгородских летописях XV века // Вестник Университета РАО. М., 2014. Вып. 4 (72). С. 16–20.

45. Агафонов И. С. «Антиновгородская версия» повествования о походе на Новгород 1170г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М. 2014. № 3 (57). С. 5–11.

46. Агафонов И. С. Памятники знаменского цикла: летописные и нелетописные нарративы XV века // Язык и текст. М., 2014. № 3. С. 19–29.

47. Агафонов И. С. Поход Мстислава Андреевича на Новгород 1170г. в рассказах новгородских летописей // Текстология и историко-литературный процесс: III Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 14-14 марта 2014 г.): Сборник статей / Под ред. Л. А. Новицкас, А. Н. Першкиной, А. С. Федотова. М., 2015. С. 16–27.

48. Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб. 2007.

49. Алексеев С. В. Чудотворные иконы пресвятой Богородицы. СПб., 2010.

50. Алешковский М. Х. Новгородский летописный свод конца 1220-х годов // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 104–111.

51. Белоброва О. А. Икона Богоматерь Иверская в России // ТОДРЛ. 1996. Т. 49. С. 237–253.

52. Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

53. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.

54. Богатырева Т. А. Отражение культа Богородицы в древнерусской литературе (жанрово-стилевой аспект). Дисс... канд. филологических наук. М., 2010.

55. Валеров А. В. Новгород и Псков: очерки политической истории Северо-Западной Руси XI-XIV веков. СПб. 2004.

56. Вилкул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях XI–XIII вв. М.: Квадрига, 2009.
57. Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки). // *Palaeoslavica*. XIII. I. Cambridge, Massachusetts, 2005. P. 21-80. /
58. Виноградов А. Ю. День освящения храма в традиции восточной церкви (IV-XIII века): стратегии выбора // *Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени*. М., 2012. Вып. 73. С. 157-177.
59. Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец и Степенная книга (к вопросу о поздних летописных компиляциях) // *Историография и источниковедение отечественной истории.. М.; СПб., 2014. Вып. 7. Историческое повествование в Средневековой России. К 450-летию Степенной Книги*. С. 221-235..
60. Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб, 1842.
61. Гимон Т.В. *Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование*. М., 2012.
62. Гимон Т. В. Закономерности в освещении новгородскими летописцами XI – XIII вв. факторов церковного строительства // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2000 год. М. 2003. С. 326-345.
63. Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // *Новгородский исторический сборник*. СПб, 1999. Вып.7 (17). С.18–47.
64. Гимон Т. В., Гиппиус А. А. Русское летописание в свете типологических параллелей // *Жанры и формы в письменной культуре Средневековья*. М., 2005. С. 174–200.
65. Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. // *Новгородский исторический сборник*. СПб, 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.
66. Гиппиус А. А. *Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи*. АКД. М., 1996.

67. Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись и ее авторы: история и структура текста в лингвистическом освещении // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2006. С. 114–251.
68. Гиппиус А. А. О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // Новгородский исторический сборник. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 77–93
69. Гиппиус А. А. Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // SlavicaHelsingiensia 27. Helsinki, 2006. С. 93–108.
70. Гиппиус А. А. Соперничество городских концов как фактор культурной истории Новгорода XII–XIII вв. // Споры о новгородском вече: Междисциплинарный диалог. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2012. С. 123–135.
71. Головки О. Б. Князь Роман Мстиславич та його доба. Нариси історії політичного життя Південної Русі XII – початку XIII століття. Київ, 2001.
72. Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1904. Т. I.
73. Гордиенко Э. А. Богоматерь Знамение – апостол Петр и мученица Наталья // Великий Новгород. История и культура IX–XII вв. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 203.
74. Гордиенко Э. А. Богоматерь Знамение – апостол Петр и мученица Наталья // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 203–205.
75. Гордиенко Э. А. Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житии и мистериях. М.; СПб., 2010.
76. Гордиенко Э. А. Десять эмалевых ковчегов на окладе иконы «Богоматерь Знамение» и их место в художественной культуре Новгорода // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 365–373.

77. Гордиенко Э. А. Чудо от иконы Знамение // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 223.
78. Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
79. Горский А. А. Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х г. XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14). С. 87–93.
80. Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В. Стефанович П. С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.
81. Гребенюк В. П. Икона Богоматери Владимирской и духовное наследие Москвы. М., 1997.
82. Гришина Н. Г. Хронология Рогожского летописца. Диссертация... канд. истор. наук. М., 2003.
83. Гусев П. Л. Новгородская икона св. Иоанна (Илии) архиепископа в деяниях и чудесах. СПб., 1903.
84. Дмитриев Л. А. Житийные повести русского севера как памятники древнерусской литературы XII–XVII вв. Л. 1973.
85. Добровольский Д. А. Устюжская летопись в контексте летописания XIV–XVI вв. // Рябининские чтения – 2007. Отв. ред Т. Г. Иванова. Музей-заповедник «Кижы». Петрозаводск, 2007. <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/485.html>.
86. Донской Д. В. Рюриковичи: исторический словарь. М, 2008.
87. Зайцев А. К. Дублирующие друг друга известия в статьях 6682, 6683, 6698 и 6701 гг. Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 69–78.
88. Игнатъев Р. Г. Краткое историческое описание новгородского Детинца, или крепости // Новгородские губернские ведомости. 1850. Часть неофициальная.
89. История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. II. Ч. 1.

90. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2003. Кн. 1.
91. Кириллин В. М. Похвальное Слово празднику Покрова пресвятой Богородицы неизвестного древнерусского автора: особенности содержания, место и время составления // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3 (49). С. 5–20; № 4 (50). С. 13–27.
92. Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». Литературная история памятника до XVII в. Его содержательная специфика в связи с культурой эпохи. Тексты. М., 2007.
93. Кириллин В. М. Слово похвальное иконе пресвятой Богородицы «Знамение» Пахомия Логофета // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 79–84.
94. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
95. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
96. Ковалев А. В. Военные компании Андрея Боголюбского и их идеологическое оформление в летописании // Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2011. Вып. 3. С. 39–43.
97. Колпакова Г. С. Искусство Древней Руси. Домонгольский период. СПб., 2007. С. 236,
98. Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. II.
99. Конявская Е. Л. Византийская чудотворная икона в Древней Руси: проблемы восприятия // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2010. Сб. 15. С. 473–489.
100. Конявская Е. Л. Краткий новгородский летописец и его место в новгородском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 40–52.
101. Конявская Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 322–383.

102. Конявская Е. Л. О «границах» древнерусской литературы (летопись: писатель и читатель) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2(12). С. 76–80.
103. Конявская Е. Л. Об одном из этапов формирования легенды о Знаменской иконе // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2009. С. 146–151.
104. Конявская Е. Л. Об основных этапах формирования легенды о знаменской иконе // Особенности российского исторического процесса. Сб. статей памяти академика Л. В. Милова. М., 2009. С. 68–86.
105. Конявская Е. Л. Устные источники сказаний о чудотворных иконах // Восточная Европа в древности и в средневековье: Устная традиция в письменном тексте. XXII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2010. С. 134–139.
106. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. 2010.
107. Костромин К. А. Происхождение и функция древнерусской церковной десятины и западноевропейские аналоги. // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Альманах. СПб.; Казань. 2014. Вып. 1. С. 35–62.
108. Котляр Н. Ф. Мстислав Мстиславич Удатный // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Институт всеобщей истории РАН: под ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М., 2014. С. 522.
109. Котляр Н. Ф. Роман Мстиславич // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Институт всеобщей истории РАН: под ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М., 2014. С. 683–684.
110. Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000. М., 2003. С. 3–172.
111. Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Десятинный монастырь в Великом Новгороде. Великий Новгород. 2000.

112. Кусков В. В. Проблемы историзма древнерусской литературы XI – XII вв. // ТОДРЛ. СПб. 1997. Т. 50. С.
113. Кучкин В. А. Об издании Рогожского летописца // Древняя Русь Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 101–109.
114. Кучкин В. А. Русь перед 1327 г. Нашествие Батые. Русь под игмом // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 20. С. 67–78.
115. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в XI–XIV вв. М., 1984.
116. Лаушкин А. В. Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье. Книжная культура. М., 1998. Вып. 1. С. 26–58.
117. Левина С. А. К изучению Воскресенской летописи // ТОДРЛ. М.; ШЛ., 1957. Т. 13. С. 38–58.
118. Лепяхин В. В. Сказания о чудотворных иконах в древнерусской словесности. М., 2012.
119. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // Древняя Русь Вопросы медиевистики. 2012. №3(49). С. 45–68.
120. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
121. Лихачёв Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
122. Лихачев Д. С. Текстология (На материале русской литературы X–XVII веков). Изд. 3-е, при участии А. А. Алексеева и А. Г. Боброва. СПб., 2001.
123. Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой четверти XV вв. М., 2009.
124. Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014.
125. Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.
126. Майоров А. В. Русь, Византия и Западная Европа. СПб. 2011.

127. Макарий (Миролюбов), архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1.
128. Макарий (Миролюбов), архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 2.
129. Мильков В. В. Осмысление истории в древней Руси. СПб. 2000. Изд. 2-е.
130. Милютенко Н. И. Новгородская 1 летопись младшего извода в составе Общерусского летописания начала XV в. // Летописи и хроники. 2009-2010. М.; СПб., 2010. С.162–222.
131. Милютенко Н. И. Южнорусская летопись в общерусском летописании начала XV в. // Летописи и хроники. Новые исследования. М.; СПб., 2008. С. 11–51.
132. Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2009.
133. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. СПб., 2002.
134. Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946. Т. 18. С. 255–294.
135. Насонов А. Н. Малоисследованные вопросы ростово-суздальского летописания XII века // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. 10. С. 349-392.
136. Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969.
137. Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Т. 4. С. 247—250.
138. Нечаева Т. В. «Сказание о Фёдоровской иконе» первой трети XVII в.: местная легенда и литературный текст // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1993. Сб. 6, Ч. 1. С. 140–164.
139. Пежемский Д. В. Опыты М. М. Герасимова по восстановлению внешнего облика древнерусских князей // «Хвалам достойный...»: Андрей Боголюбский в русской истории и культуре. Владимир, 2013. С. 225–261.

140. Печников М. В. Иоанн архиепископ Новгородский // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 189–204.
141. Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. М., 1995
142. Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
143. Прохоров Г. М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. 4. С. 83–104.
144. Покровская В. Ф. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 5-19.
145. Радеева О. Н. Сказание о Федоровской иконе Пресвятой Богородицы в книжной культуре России XVII–XVIII вв. АКД. М., 2011.
146. Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
147. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII веков. М., 1982.
148. Рубенштейн Н. Л. Русская историография. СПб., 2008.
149. Свердлов Б. М. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI –первой трети XIII вв. СПб., 2003.
150. Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. М., 2002. Вып. 1.
151. Сергей (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т.1-3.
152. Сиренов А. В. Степенная книга: История текста. М. 2007.
153. Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. СПб., 2010.
154. Сиренов А. В. О времени создания Воскресенской летописи. // Историография и источниковедение отечественной истории. М.; СПб., 2014. Вып. 7. Историческое повествование в Средневековой России. К 450-летию Степенной Книги. С. 113–125.

155. Смирнова Э. С. Новгородская икона «Богоматерь Знамение»: некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 288–310.
156. Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982.
157. Смирнова Э. С. «Смотря на образ древних живописцев...». Тема почитания икон в искусстве Средневековой Руси. М., 2007.
158. Смирнова Э. С. Иконы XI в. из Софийского собора в Новгороде и проблема алтарной преграды // Иконостас. Происхождение – развитие – символика. М., 2000. С. 267–311.
159. Соловьев С. М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. Историческое исследование. М., 1846.
160. Стерлигова И. А. Новгородские кратиры и икона «Богоматерь Знамение». Некоторые проблемы иконографии // Древнерусское искусство: Балканы. Древняя Русь. СПб., 1995. С. 311–322.
161. Стерлигова И. А. Святые Успения Богоматери в произведениях древнерусского искусства XII–XIV веков // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 477–493.
162. Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012.
163. Творогов О. В. Летописец Еллинский и Римский. СПб., 2001. Т. 1.
164. Творогов О. В. Сюжетное повествование в летописях XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 34 – 44.
165. Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003.
166. Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.
167. Флоря Б. Н. «Сотни» и «купцы» в Новгороде XII–XIII вв. // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 66–79.
168. Флоря Б. Н. Новгород и князья в XII в. // Великий Новгород и средневековая Русь. М., 2009. С. 295–299.

169. Хорошев А. С. Знаменская икона: древнейшая святыня Новгорода.
170. Цыб С. В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». СПб. 2011. Изд. 2-е.
171. Ченцова В. Г. Икона Иверской Богоматери (Очерки истории отношений греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М., 2010.
172. Чудотворная икона в Византии и древней Руси. М., 1996.
173. Шалина И. А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005.
174. Шалина И. А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005.
175. Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.
176. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
177. Шибаев М. А. Владимирский полихрон и Новгородско-Софийский свод // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48). С. 83–95.
178. Шибаев М. А. Редакторские приемы составителя Софийской I летописи // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 368–394.
179. Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.
180. Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 153–182.
181. Янин В. Л. Князья новгородские // Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 243.
182. Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988.
183. Янин В. Л. Новгородские посадники. Изд. 2-е. М., 2003.

184. Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977.
185. Янин В. Л. У истоков Новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.
186. Dąbrowski D. Daniel Romaniwicz król Rusi. Biografia polityczna. Kraków, 2012.
187. Ebbinghaus A. Die altrussische Marienikonen Legenden. Berlin, 1990 (Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa Institut (Slavisches Seminar) an der freien Universität. Berlin, Bd. 70). S. 74-76.
188. Frolov A. Le Znamenie de Novgorod: évolution de la légende // Revue des études slaves. Paris, 1948. T. 24. P. 67-81
189. Frolov A. Le Znamenie de Novgorod: évolution de la légende // Revue des études slaves. Paris, 1949. T. 25. P. 45-72.
190. Lenhoff G. Novgorod's Znamenie Legend in Moscow's Stepennaia kniga" // Московская Русь: специфика развития. Budapest, 2003. P. 175–182.
191. Lenhoff G. The construction of Russian history in Stepennaya kniga // Revue des études slaves. T. 76, fasc. 1, 2005. P. 31–50.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Иллюстрации.

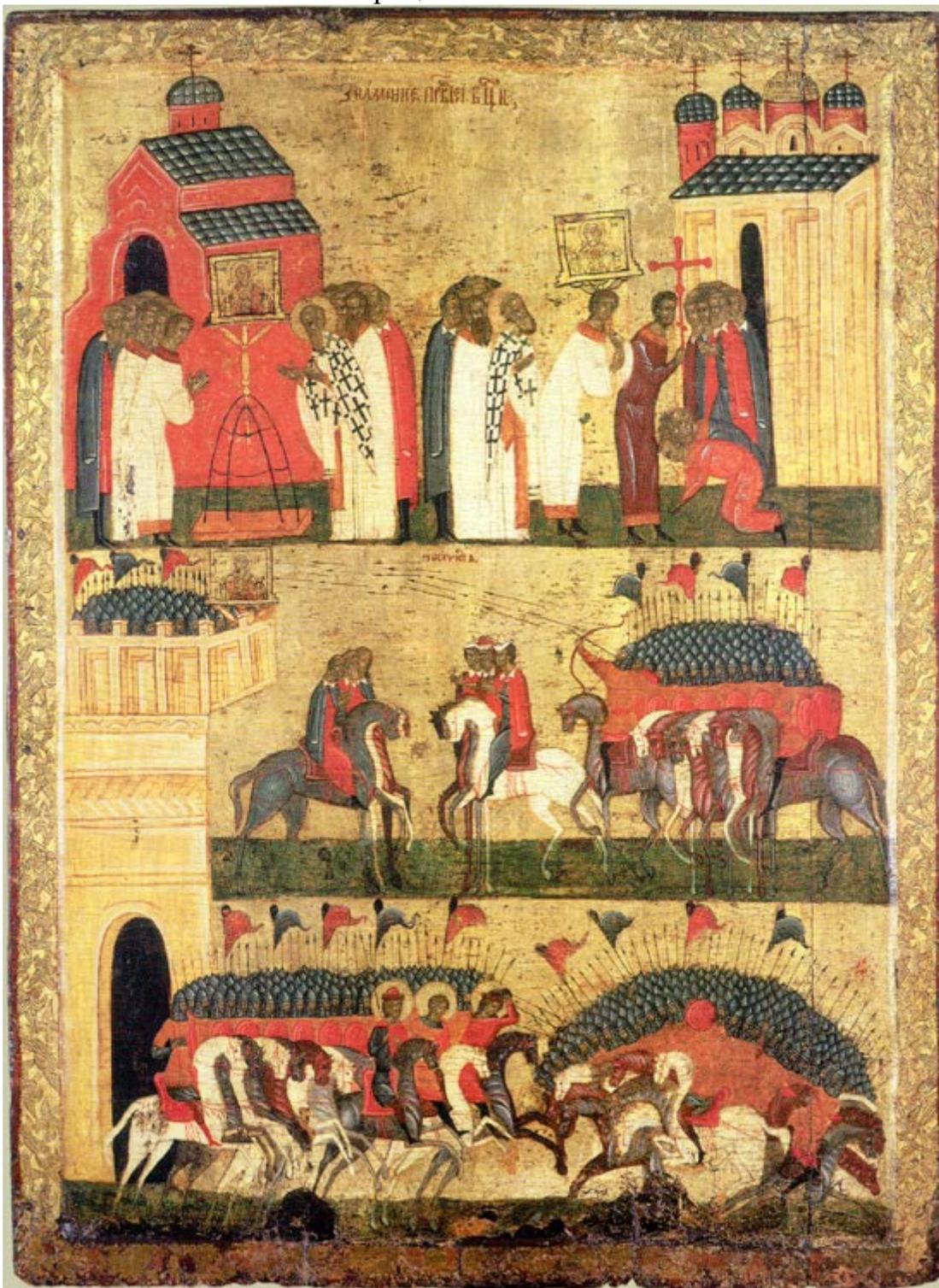

Рис. 1. «Чудо от иконы Богоматери Знамение». ГТГ. Первая половина XV в.

Рис. 2. «Чудо от иконы Богоматери Знамение». ГРМ. Рубеж XV-XVI в.

Рис. 3. «Чудо от иконы Знамение». Вторая половина XV века.
Новгородский музей.

Рис. 5. Хлудовская псалтирь. Л. 79.

Рис. 6. Хлудовская псалтирь. Л. 86 об..

третію же ночь . иже то́га стѣишомъ архіепѣи Іѡаннъ . стоишѣ
 молишѣся съ слезами . чтноу въразѡу Га нашего Іс Ха . ѡ
 избавленіи нашѣшаго прещеніа на гра . и тако ёмоу молишѣся .
 слыша гла глѡщѣ . иди въ црквѣ Га нашего | [Л. 398 об.] Іс Ха . иже
 на Илини оулицѣ . тако бо ницаётса . и вземь иже тамо ѡбразъ
 пресѣтыа Бѣа . и възнеси на заврала градъ . противъ сѡпостатъ . и
 авне оузриши спсєніе градъ . чудный же той архіепѣпъ . іако оуслыша
 . неизреченнаа радости исполнѣся . и бѣ оумо дивѣся . и тако всю
 ночь безъ сна пребѣи . оутрѣ же бывшѣ . авне съзва весь соборъ . и
 повѣда имъ бывшии гла к немъ . народи же іако оуслышашѣ
 прославиша Ба . и съ гласомъ іако же нѣкѡю силъ въспрїемъши
 дрѣзаахѣ . Іѡанъ же посла протодіакѡна своѣго . с клиросо
 премдрѡсти вѣи . повелѣвъ и чтѣиѡу ѡнѣ иконѣ принести на своръ .
 и пришѣше посланникъ | [Л. 399] въ црквѣ . иде же чѡтворнаѣ ѡна
 икона бѣ . и поклоншѣся іако же лѣпо бѣ . и іако же хотахѣ взатї ю
 . и никако же възмогѡша и пришѣше възвестиша архіепѣков бывшѣе .
 сїа же слышавъ архіепѣпъ . иде съ тцанїемъ съ всѣмъ собороу .
 и іако же приде въ црквѣ . па на колѣнѣ своѣмъ прѣ ѡбразѡу влѣца
 нашеа Бѣа . молишѣся гла . ѡ премлѣтїва єси гже двѡ Бѣе . ты єси
 оупованїе и надежа . и застѣпница грау нашемъ . стѣна же и покровъ
 . и прибѣжище всѣмъ хрѣіаномъ . тѣм же и мы грѣшнїи на та
 надѣемса . молиса гже снѣ своѣмъ и Боу нашемъ за гра нашъ . и не
 предаи же насъ врагомъ нашимъ . грѣх ради на | [Л. 399 об.] ших . но
 оуслыши плачь и въздыханїе людїи своих . и пощади . іако же инога
 ннєвїтанє . снѣ твои покаанїа ра пощади . такоже и же покажи
 млѣть твою влѣце . и іако же сконча млѣвѣ . начашѣ пѣти молебенъ .
 и авне видѣа чтѣиѡу иконѣ ѡнѣ ѡ себѣ пѡвїгшѣся . народи же
 видѣвше неизрѣенное чудо . авне ничтоже ино ѡ похвалѣ мѣгѣще
 принести . токмо єдинѣмъ глѡсомъ зваахѣ . Гї помилѡи . архіепѣпъ же
 Іѡанъ . прїемъ чєстнѣю ѡнѣ и агглоу говѣишѣю иконоу . любезно и
 с прочимъ народѡмъ ѡблѡвызаахѣ . и дасть ю двѣма діакѡнома . сам
 же послѣдовашѣ с прочимъ народѡмъ . молебнаѣ съврѣшаючи . ви|[Л.
 400] дѣвше же противных іако же звѣри на на оустремляющиѣся
 оумилєнны гла с плачѣмъ испѣцаахѣ глѡщѣ . вижь двѡ Бгородителнице .
 смиренїе наше . и не ѡрини моленїа нашего вкѡнецъ . но
 оумилосердѣся на стадо твое пречѣа . видиши бо влѣце нещаднаго
 ихъ стремленїа . на смиреннѡе ти стадо . ратный же ѡни надѣющѣся

на множество силы своеѧ . ꙗко же и гордый ѡнъ Голїадъ зра
кроткого Дѣда ѡностию ѡбложена . и не рассуди вжѣтвеню силоу .
нъ ѡбаче самъ повѣженъ бы . нежели повѣди . такоже и си на се
надежѡу възложѣше , а не на Бѧ . оулицы же по жребїи расчитааху .
что которомъ | [Л. 400 об.] тѣхъ князей вѣдетъ . и тако свещавше^м
имъ . но что рече^м к нимъ . иже съвѣтѣ совещаѣте потворить а Гѧ . и
слово аще възгледете не имѧ пребывати в вѧ . мы же страха вашего не
имѧ оубоїатисѧ . ꙗко с нами Бѧ . пристоупивши* рече шестомъ часѣ
. болѣми начаша ратовати . и пѣстивше стрѣлѣ неизъчетное множество
. ꙗко же дождь мнѡидущь въ гра . чтиага же ѡна икона .
ѡбращашисѧ ѡ них ѡбразомъ . и абїе на гра ѡбратисѧ . не
токмо ѡбразомъ . но и мѡрдїемъ . вида же архїеппѣ слезы ѡ
иконы ꙗко нѣкыи едемьскыи источникъ . и прїатъ фелонъ свой . по се^м
же рече . разгнѣвасѧ Гѧ на спроти | [Л. 401]вныхъ . и вгораннами
їазвами приразишасѧ . сѣци^м тмамъ много^м . покры же ихъ рече тма
. ꙗко же инога Египеть . и дрѡу дрѡга ꙗко спротивна зраце
. ѡрѡжне^м немлѣивно себе оубїазвлаху . по се^м дастъ Бѧ . повѣдѣ
дивнѣю сѣцимъ въ градѣ безъ ѡрѡжїа и безъ врани . богѣством же и
плѣномъ довольно исполньшимсѧ . видѣвше во рече народы града
того , ратныхъ дрѡу дрѡга сѣкѡцихъ . и исшѣше из града . ѡвыхъ
избиша . иныхъ же живыхъ изымаша . Іѡанъ же стѣиши архїеппѣ .
сътворивъ той днѣ празникъ свѣтелъ гла . се днѣ избавленїа . и
сицевыѧ рѧ вины оуставиша празновати . зна | [Л. 401 об.] менїе
прѣтыѧ влѣца нашеѧ Бѣа и прѣно двы Мрїа . иже и празноубїю даже и
до сего днѣ . имѣюще все вѣ ꙗко нѣкѡю црѣкоубїю оутварь . исцѣленїа
вѣрою приходацимъ источаѧ . еѧ же млтвами Хѣ истинна радости
Хѣ . сохрании гра нашъ ѡ глада гоубительства . трѡса и потопа . и
нашествїа иноплеменикъ . и всакоѧ иноѧ съпротивныѧ вещи . и црѣвїа
неѧго сподоби . ꙗко двинѣ прославле^м велико имѧ прѣтыѧ трѣци
. ѡца и сна и стго дха . ннѣ и прѣно и вѣвѣкы вѣко^м аминь .